

Родная ДАДОГА

№ 2(8)' 2009

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

*Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

ЧИТАЙТЕ В НОМЕРЕ:

Валентин РАСПУТИН
Да славится в нас
Воскресение Христово!

Иеромонах РОМАН
Христос Воскресе!

Наталия НАРОЧНИЦКАЯ
Духовная скрепа Православия

Илья ГЛАЗУНОВ
Поиски пути

Николай БУРЛЯЕВ
Духовная сила Слова

Владимир КРУПИН
Повесть для своих

Виктор ЛИХОНОСОВ
Августейший Атаман

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Иеромонах Роман	5
Надежда Мирошниченко	19
Священник Анатолий Трохин.....	84
Евгений Юшин	104
Евгений Прасолов.....	108
Андрей Фролов	123
Иван Стремяков	126
Татьяна Шорохова	125

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Валентин Распутин. Да славится в нас Воскресение Христово! <i>Из выступления на Всемирном Русском Народном Соборе</i>	8
Наталья Нарочницкая. Духовная скрепа Православия	23

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сергей Куличкин. «Пасхальный хлеб, хлеб войны...» <i>Праздник Святой Пасхи в 1942 году</i>	12
---	----

ЛИРОВОЗЗРЕНИЕ

Николай Бурляев. Духовная сила Слова.....	31
---	----

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Йохан Бекман. Русское слово — непобедимость жизни	41
---	----

ВЕХИ

Игорь Изборцев. Вершины России	45
--------------------------------------	----

Русский КОСМОС

Владимир Варава. Таинство детства в философии Василия Розанова53

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Илья Глазунов. Поиски пути63

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Александра Баженова. «Рваться ей служить...» О поэзии
Геннадия Иванова77

ЛЕСТВИЦА

Николай Коняев. Пасхальные весточки.....88

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы93

ПРОЗА

Иван Евсеенко. Дорогие мои. Рассказ в письмах
(из цикла «Трагедии нашего времени»)..... 111

Владимир Крупин. Повесть для своих 130

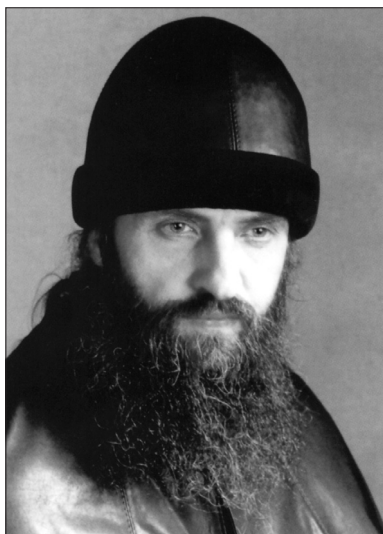
Виктор Лихоносов. Августейший Атаман..... 208

ИСКУССТВО

Маргарита Дмитриева. Царская эстетика. Искусство в доме
первых Романовых 214

ПОЭЗИЯ

Иеромонах РОМАН

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Иеромонах Роман (Матюшин) — родился в 1954 году в селе Рябчевске. Учился в университете, преподавал в школе. В 1983 году принял монашеский постриг. В 1985 году рукоположен в иеромонахи. Автор многих книг стихотворений и песен. **Живет в скиту Ветрово, недалеко от Пскова.**

КРЕСТНЫЙ ХОД

Я шел один. Свеча и Крест в руке.
Десная фимиамом воскуряла.
И столько было силы в огоньке,
Что тьма, обуревая, не объяла.

Я пел Христу об ангельской хвале,
О том, что Небеса полны свеченья,
О том, чтоб чистым сердцем на земле
И нас сподобил славить Воскресенье.

— Христос воскрес! —
 осенял Крестом,
В таком безлюдье отклика не чая,
Но роща и река, и эта топь,
— Воскресе! —
 тихим эхом отвечали.

Выходит, не один взирал горе?
И не один стремился
 Крестным ходом?

Со мной, благоговейно замерев,
Встречала Праздник Божия
 природа.

Места мои! В забытой стороне,
Познал я, лобызая Воскресенье,
Что Ангелы слышнее в тишине,
И ближе Небо в здешнем отдаленье.

НЕИЗРЕЧЕННЫЕ ГЛАГОЛЫ

Свеча. Лампада за Престолом.
Святой покой в Церквушке сей.
Неизреченные глаголы
Рождаются в душе моей.

Они — Небесные посланья,
Миротворят, животворят,
Несут Пасхальные възгранья,
Но во-словиться не хотят.

Не может тайна быть явленной,
Не светит солнышко в ночи.
На то они — неизреченны,
Что невозможно изрещи.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Христос Воскресе! Пасха Всечестная!
Да просветимся ныне Торжеством!
Христос Воскресе! — ближних обнимаю.
Христос Воскресе! — плачу над врагом.

И велий Свет струит порой ночью!
И Радость, как Архангела труба:
Ты был! Ты есть! Ты будешь! Остальное —
Прах под ногами Твоего раба!

НА ПАСХУ

Как на Красную Пасху, на Пасху Великую
Собирались отцы, собирались пустынники,
Приходили в обитель, звенели веригами
И молодые монахи, и древние схимники.

И во Храме Пречистой душой возносились,
Не таили слез радости в день Воскресения,
Обымали друг друга, любовью светились
Той Пасхальной порой своего Избавления.

А под утро незваные гости являлись.
Обнажали мечи, полагали всех рядышком.
Хоть на Пасху поклоны всегда отменялись,
Как один, ударяли челом землю-матушку.

Кто на схиме лежал, кто на залитой мантии,
Как вином упились за трапезой брачною.
Кто-то выдохнул: «Пасха Священная, братие»,
И заплакал, увидев венцы огнезачные.

* * *

Прискорбна заповедная дорога:
Нет Пасхи без тернового венца.
Прощать врагов — увидеть сень Чертога,
Любить врагов — увидеть Лик Отца.

Любить врагов — кому сие по силам?
Мы и с собой не ладим по грехам.
Но, если Божье душу посетило, —
Любой заплачет от любви к врагам.

При той любви вражда и месть напрасны.
Обымет братом распоследний тать.
Рыдай, душа Иосифом Прекрасным,
Святись слезою Самого Христа.

* * *

Уже заря. Хотя еще не лето,
Но рассветает прямо на глазах.
Болото редким сумраком одето,
И белый пар клубится на кустах.

Так чудно, так похоже на Служенье,
И здесь поют хоры, и здесь кадят,

И птицы-богомолки без движенья
На ветках, как на лавочках сидят.

Молчальники дубы стоят рядами,
Сама Земля моление таит.
И облака расходятся Вратами,
И солнышко о Солнце говорит.

* * *

Ну вот и дождались тепла.
И на душе повеселело,
Трава на Божий свет пошла,
Чуток — Земля зазеленела.

А дерева. Что дерева?
Они повременят немножко,
Покуда выстелит трава
Свои зеленые дорожки.

Но и потом не побредут
Топтать живое под собою,
А все живое соберут
Глядеть на Небо голубое.

На всякий случай, от невзгод,
Им хорошо держаться вместе.
И травка тоже достает
До облаков, и до созвездий.

* * *

Свежесть, и покой, и благодать.
Все — добро, когда душа поет.
Повелел ей мир преображать
Сам Преображающий ее.

Лишь она коснется Чистоты,
Как повсюду наступает лад —

Звезды, и пичуги, и кусты
О своем Владыке говорят.

И стою, блаженствуя душой,
Думы ясны — не о чем мечтать.
Вот и ты не лишний, не чужой, —
Свежесть и покой, и благодать.

* * *

Шел по селам и весям бродяга,
Лет за сорок, болящий мужик.
Глянешь бегло — простой бедолага,
А присмотришься — светится лик.

Полотенцем повязан заветным,
Всем кивает: — «Долги оплачу.

Я богатый богатством несметным,
Дайте хлеба кусок богачу».

Люди что-то ему подавали,
И смеялись над ним, кто как мог.
Даже в мыслях своих не держали,
Что богатство убогого — Бог.

* * *

Христос Воскрес! Но с Ним ли мы?
Слезит грехов рукописанье.
И в запоздалом покаяньи
Не Божий Свет, а царство тьмы.

Но царство это не страшит,
Кто на Распятого взирает:
Воскресший ныне озаряет
Тридневный гроб любой души!

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Валентин РАСПУТИН

ДА СЛАВИТСЯ В НАС ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО!¹

*Из выступления на
Всемирном Русском
Народном Соборе*

Валентин Григорьевич Распутин родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Живет в Иркутске.

Начну с печальных и мудрых слов И. А. Ильина: «Народы не выбирают себе своих жребиев, каждый приемлет свое бремя и свое задание свыше. Так получили и мы, русские, наше бремя и наше задание. И это бремя превратило всю нашу историю в живую трагедию жертвы; и вся жизнь нашего народа стала самоотверженным служением, непрерывным и часто непосильным... И как часто другие народы спасались нашими жертвами и безмолвно и безвозвратно принимали наше великое служение... с тем, чтобы потом горделиво говорить о нас, как о “некультурном народе” или “низшей расе”».

Эти слова были сказаны еще за пятнадцать лет до Великой Отечественной и сказаны были не откуда-нибудь, а из Германии, где И. А. Ильин жил тогда в эмиграции. И прозвучали они удивительно зорким прорицанием новой «трагедии жертвы» и нового ее непонимания и извращения. К тому времени у нас накопился долгий и тяжелый опыт жертвенного служения, опыт (это опять слова И. Ильина) «незримо возрождаться в зримом умирании, да славится в нас Воскресение Христово».

С. Соловьев насчитал на Руси с 1240 г. по 1462 г. (за 222 года едва неполного периода татарского ига) двести войн и нашествий. С XIV в. по XX в. за 525 лет (это уже после ига) 329 лет войны. Две трети своей истории — в сражениях. С Поля Куликова вер-

¹ Печатается в сокращении.

нулась только десятая часть ратников Дмитриева войска, вся Русь оглашалась стенаниями, некому было засеять поля, но некому было в первые десятилетия и Русь засеять новыми поколениями. Какой еще народ мог выдержать такое и снова и снова находить силы для возрождения?!

XX век не стал исключением: японская война, Первая мировая, Гражданская, финская, Халхин-Гол и, наконец, Великая Отечественная, самая жестокая за всю историю России, взявшая самую обильную смертную дань, оставившая после себя вконец израненное и измученное тело страны. Никогда еще так грозно не подступал вопрос: быть или не быть России? И никогда еще не бывало, чтобы так долго кровоточили раны, и чтобы спустя шестьдесят лет после Победы приходилось с горьким сердцем признавать, что полноценной замены погибшим так и не произошло.

Эти два события — Поле Куликово и Отечественная война, разделенные более чем полутысячелетием, невольно в нашем представлении возвышаются над Россией огромными скорбными курганами. Но они встают рядом еще и потому, что там и там вместе с огненным и разящим оружием в не меньшей степени действовало оружие духовное, скреплявшее защитников Отечества в единую плоть и единый дух, в цельную неодолимую преграду. Они становятся рядом, эти два события, вопреки всему, что их разделяет, еще и потому, что промыслительно для того и другого выпало выгодное время: в первом случае уже произошло сцепление народа, во втором — еще не случилось его расщепления.

От принятия христианства князем Владимиром и до нашествия Батыя прошло 250 лет, примерно столько же продолжалось татарское иго. Это совпадение двух разнородных сроков не случайно. словно сам Господь на весах выверял, чему отдалась русская душа. На Поле Куликово под водительством двух вождей — князя Дмитрия и Преподобного Сергия Радонежского — впервые вышла объединенная Святая Русь, там, в ночи рабства, беспрестанно продолжалась тонкая душетканная работа собирания русичей с помощью Иисусовой молитвы в единый народ. Русь возродилась еще до победной битвы, на Поле Куликово она шла скрепленной в сыновьем и братском родстве — и как сыны Земли Русской, и как братья во Христе. И самоотверженное воодушевление Дмитриевой дружины было таково, что сколько бы ни запросила победа, столько и положили бы к ее стопам. «С радостью умирали» — всегда мне казалось сомнительным и даже фальшивым это выражение, но в решительных схватках, когда к смерти и готовились, и не чаяли остаться в живых, это было воинское правило, чтобы не иметь после поражения сраму.

Отечественная война началась через двадцать лет после революции и Гражданской войны, после исхода с Родины той части верно-подданных России, которая не приняла революцию и сражалась против нее, после жестокого богоборчества и силового наведения нового

порядка. Новая Россия (СССР) еще не оправилась ни от разрухи, ни от разброда. Двадцать лет для переворотных событий подобного рода — срок немалый, но народную душу, столетиями воспитанную в незыблемых нравственных и духовных правилах, в почитании органической, судьбой данной Родины, в такие годы искалечить трудно. «Родина-мать» — это прежде всего было в сердцах, а уж потом зазвучало громко и пропагандно.

Быть может, подобные предположения бессмысленны, но кажется мне, что, навалилась Великая Отечественная в грозе и мощи соответствующих времени, еще через двадцать лет, воевать и побеждать оказалось бы гораздо труднее. Сказались бы и духовная потрепанность, и постепенное отслоение от матушки-родной земли. Но более всего сказались бы начинающийся распад общего народного тела на части, получающие индивидуальную чувствительность — и что-то вроде броуновского движения в мозгах. При этом надо иметь в виду, что Победа в Отечественной войне эти опасные явления опередила и отдала тоже, быть может, лет на пятнадцать — двадцать, иначе они могли проявиться и раньше.

Русский человек оставался православным, так скоро, в какие-то двадцать лет, душа народная в модные одежды не переодевается. Он весь был пронизан, несмотря на новые веяния, дыханием тысячелетней России, он сам был ее дыханием, будучи частицей ее тела. Еще не было и быть не могло того, что появилось потом: будто человек выше Родины и живет в ее стенах по какому-то юридическому соглашению, которое в любой момент может быть расторгнуто, если не выполняются условия договора. Когда человека превращают в ничто, это значит, и Родину превращают в ничто, и не может у них быть разных судеб ни в счастье, ни в несчастье. Последнее замечание относится уже к нашим временам.

И еще одно, бывшее порукой Победы в Великой Отечественной: Россия тогда оставалась еще крестьянской страной, а нет вернее, крепче и умелей защитника Отечества, чем сын крестьянский, который по духовному своему устройству есть повторение России. А когда крестьянские дети вынуждены были еще и становиться военачальниками, когда в помощь им были призваны на фронт великие Александр Невский и Дмитрий Донской, Александр Суворов, Михаил Кутузов и Федор Ушаков, а они, в свою очередь, потребовали, чтобы тревожный бой церковных колоколов разбудил и привел на поля сражений их испытанных ратников, не знавших другого исхода боя, кроме победы; когда запасными полками подошли они и встали рядом — вся тысячелетняя Русь из глубин своих поднялась наверх, подобно чаемому граду Китежу, и обрела зримые очертания. После этого в победе сомневаться не приходилось. Жертвенная, как всегда, в этот раз жертвенная в тысячекратном увеличении, доставшаяся в таких невзгодах, каких никогда не бывало, и от этого еще более дорогая, впаянная в сердца фронтовиков и всех ее современников, — она

сегодня должна быть впаяна в сердце каждого, кто сознает Россию своим Отечеством.

Празднуя сегодня эту великую Победу, мы вызываем ее из прошлого, где всего только десятилетие назад ее пытались похоронить, не только для того, чтобы воздать должные почести фронтовикам и вспомнить звездный час России, — мы, прежде всего, вызываем ее, чтобы приложиться к ней как к национальной и государственной святыне, подобной чудодейственным святыням Православия, для духовного и физического исцеления. И чтобы под ее златым омофором призвать в единый строй былых защитников Отечества, как не однажды в скорбные времена призывались падшие дотоле для совместного спасения России.

Чем добывалась Победа в таких судьбоносных схватках, как Поле Куликово и Великая Отечественная? Прежде всего самоотверженностью, когда тебя, как индивида, имеющего право на завтрашнюю жизнь, словно бы и нет, а есть мгновение, которое сильнее тебя и в которое ты или успеешь или не успеешь сделать спасительный для победы рывок, и невидимые крылья подхватят тебя и вознесут в строй бессмертных: «да славится в нас Воскресение Христово!»

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

История и современность

Сергей КУЛИЧКИН

«ПАСХАЛЬНЫЙ ХЛЕБ, ХЛЕБ ВОЙНЫ...»

*Праздник Святой
Пасхи в 1942 году*

Сергей Павлович Куличкин — главный редактор Воениздата. Секретарь Союза писателей России, автор книг «Кондратенко» (серия ЖЗЛ), «Генштаб полагает...», «Душа и слава Порт-Артура», «Генерал Ватутин», лауреат ряда литературных премий. Полковник запаса, в прошлом офицер Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Живет в Москве.

Совершенно очевидно, что выстояли мы в 1941 году и великим поворотом русского народа к Богу, Который по милости Своей простил ему прегрешения вольные и невольные, взял под защиту и благословил на борьбу до победного конца. Характерным в этом отношении стало и обращение Верховного Главнокомандующего к народу в его первом выступлении: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!...» Братья и сестры — абсолютно христианское, православное обращение к своему народу его руководителя говорит о многом. И не было в этом ничего лицемерного, ибо дальнейшие практические шаги советского руководства по отношению к Церкви говорят сами за себя.

Мы прекрасно помним отношение Советской власти к Православной Церкви. Еще в 1939 году «безбожная пятилетка» прямо ставила задачу «закрыть последний храм и уничтожить последнего священника». Кстати на 22 июня 1941 года был назначен взрыв храма Рождества Богородицы в Путинках и ряда других храмов. Но началась война, и народ буквально повалил в храмы, и никто, даже столь организованная в репрессивных кампаниях Советская власть, даже всемогущий Сталин не смог остановить этого порыва...

Наступило время возвращения Веры на Русскую землю, как предсказали наши святые. За время войны на Русь вернулось Патриаршество, было открыто

более 14000 храмов, стало действовать 85 монастырей 5 духовных семинарий и 2 духовные академии. Вновь затеплилась лампада у целебноносных мощей преподобного Сергия. Вся Русь молилась тогда! А начала молиться с первых дней войны...

Более 60 лет назад в суровую годину военных испытаний, в тяжелейшие дни Московской битвы свершилось то, чего с молитвою в душе и сердце ждали тысячи и тысячи православных русских людей. Власть официально разрешила праздновать день Святой Пасхи. В 1942 году Пасха была ранней, и праздник начинался в ночь с 4 на 5 апреля. Немцы, отброшенные от Москвы на сто с лишним километров, да и то не на всех участках, наконец, стабилизировали фронт. Наши войска после непрерывных четырехмесячных наступательных боев выдохлись, перешли к обороне, подсчитывая, увы, немалые потери. Конечно, победа под Москвой всколыхнула страну, да и весь мир, вселила надежду и уверенность в возможность разгрома столь могучего и свирепого врага. Но, положив руку на сердце, надежд было все-таки больше, нежели уверенности, и потому каждая капля военного счастья, каждая даже малая благая весть воспринималась людьми с болью и мечтой о будущей победе. И надо откровенно сказать, что решение Сталина (а решение, конечно, принимал он — С.К.) о, скажем так, легализации праздника Святой Пасхи было как нельзя своевременным, нужным и плодотворным. Помимо большого общественного, политического резонанса, морально-психологического воздействия на русского человека, оно позволило высшему руководству страны и лично Сталину убедиться в потенциальных силах нации, почувствовать тот запас энергии, которым обладал русский народ после тяжелейших поражений и страданий 41-го года.

Все было необычно в то военное Светлое Воскресение: и погода, и настроение людей, и состояние духа. Каждый понимал, что враг еще близок, что до победы очень и очень далеко. Но уже одно то, что отменили, пусть на короткое время, комендантский час, что руководство не боится возможных бомбежек, атакующих действий врага, что тысячи верующих и просто измученных безбожием людей смогут если не посетить пасхальную службу, то хотя бы прийти к Храму, неимоверно укрепляло веру православных в торжество Спасителя, а значит и нашу неизбежную победу. Не все обстояло гладко, как хотелось бы официальной пропаганде, но в целом народ понял, что и как нужно делать, чтобы победить.

В приведенных ниже документальных свидетельствах очевидцев, официальных донесениях спецслужб, агентурных сводках и просто доносах сексотов можно проследить эту тенденцию и комментировать такие материалы, на мой взгляд, ни к чему.

— С нами Бог! — вот и все, что хочется сказать в заключение.

№ 96-100. О ПРАЗДНОВАНИИ ПАСХИ В МОСКВЕ 4-5 АПРЕЛЯ 1942 г.

№ 96. ВОСПОМИНАНИЯ ПРОФЕССОРА Г. ГЕОРГИЕВСКОГО.
«ПАСХА 1942 ГОДА. МОСКВА»

10 апреля 1942 г.

[...]В 1942г. Православная Церковь праздновала самую раннюю Пасху [...]

Вопрос о полуночных службах остро стоял во всех православных приходах Москвы. Если службы под пятницу и субботу Страстной недели допускали некоторый компромисс при установлении времени их совершения, то пасхальная служба, в самую полночь Светлого Воскресения, потеряла бы все свое очарование при изменении времени ее совершения и могла вовлечь богомольцев в невольное правонарушение при невозможности всем желающим встать в стенах храма [...]

Православные москвичи, живущие в осадных условиях, остро переживали неуверенность в традиционной торжественности полуночной службы.

Вдруг в 6 часов утра в субботу 4 апреля утреннее радио неожиданно для всех началось сообщением распоряжения коменданта Москвы, разрешающего свободное движение в Москве в ночь на пятое апреля [...]

Восторгам православных москвичей, удовлетворенных в самых заветных своих ожиданиях, не было конца [...]

№ 97. ВОСПОМИНАНИЯ НИКОЛАЯ МОРШАНСКОГО. «В ЭТОТ ДЕНЬ»

10 апреля 1942 г.

[...] На улице Баумана около Елоховского собора оживленный людской рокот и большой, вытянувшийся и опоясавший громадное церковное строение, хвост.

Идут прикладываться к плащанице — она стоит посреди храма последние часы.

В правом приделе, в мерцании свечей, в тусклом свете, что проникает через узкие стекла окон, уже приготовленных к ночному затемнению, происходит церемония освящения куличей, пасох и яиц.

У многих не хватило ни усилий, ни времени, чтобы приготовить все это освященное веками великолепие пасхального дня. Но пасхальный хлеб, благословленный священником, должен быть в доме верующих. И вот стоит женщина с караваем обыкновенного белого хлеба, купленного в магазине. Рядом с ней седовласый старец держит в салфетке столь же белой, как и его борода, десяток сухарей. Тут

освящают торт, давно заготовленный для этого случая. А вот в углу, в отдалении от всех, стоит маленькое, робкое семилетнее существо. В ее тонких ручонках, на обрывке вчерашней газеты — кусок серого пшеничного хлеба с воткнутой в него свечкой. Священник благословляет и этот смиренный пасхальный хлеб, хлеб войны [...]

№ 98. ВОСПОМИНАНИЯ АНДРЕЯ СТРЕШНЕВА. «У ЗАУТРЕНИ»
Апрель 1942 г.

Пасхальная ночь [...] Город отвык выходить на улицу в этот поздний час, и даже в большие государственные праздники соблюдается строгий режим военного города, города, куда из окрестной тьмы неустанно, настойчиво тянутся силы врага, его тяжелые бомбовозы.

Но в эту ночь, может быть на одну только ночь в году, разрешено ходить по всему городу всю ночь напролет, ибо, по древнему русскому обычаю, в пасхальную ночь весь город открыт народу, двери церквей раскрыты настежь и сердца людей раскрыты друг перед другом: это первая ночь весны, когда мертвое зерно трогается в рост навстречу свету из земной могилы, когда умерший Иисус встает из гроба, поправ мрак и смерть. И по глухим переулкам Замоскворечья, оступаясь о груды неубранного снега, люди идут к заутрени [...]

Сейчас, в эту пасхальную ночь войны, так тесно в церкви, что нет возможности протиснуться вперед.

Утренья еще не началась, а запоздавшие уже не могут сами отнести и зажечь свечи перед теми образами, к которым лежит сердце. От паперти, от конторки, где продают свечи, запоздавшие просят передать эти свечи дальше, и вместе со свечами от ряда к ряду переходит просьба верующих:

— Зажгите одну Воскресению, другую Невскому.

— Одну Воскресению, другую князю Владимиру, третью Ольге [...]

Вся тысячелетняя борьба народа вспоминается здесь в ожидании часа, когда раскроются врата алтаря и хоры грянут заутреню. Тесно.

Хор негромко вторит священнику. В церкви еще полусвет, свечей еще недостаточно, чтобы преодолеть огромную, сводчатую византийскую высоту.

Но близится час Воскресения Христа. Священник обращается к верующим:

— Братья! Город наш окружен тьмой, тьма рвется к нам на вражеских крыльях. Враг не выносит света, и впервые наше Светлое Воскресение мы встречаем впотьмах. Тьма еще стоит за порогом и готова обрушиться на всякую вспышку света. Мы сегодня не зажжем паникадил, не пойдем крестным ходом, как бывало испокон веков, окна храма забиты фанерой, двери глухо закрыты. Но мы зажжем свечи, которые у каждого в руках, храм озарится светом. Мы верим в воскресение света из тьмы. Свет, который внутри нас, никакой

враг погасить не в силах. Воинство наше — мужья, братья и сыновья, и дочери — в этот час стоит на страже нашей страны против сил тьмы. Храните в себе свет, веруйте в победу. Победа грядет, как светлое воскресение.

И, перебегая от свечи к свече, по храму потекла сплошная волна света. Зажигая друг у друга тонкие восковые свечи, каждый стоял с огнем, когда раскрылись врата и священник поднялся, весь золотой, сверкающий.

Полный сияния, храм начинал заутреню, и хор откликался хору, и нежные гирлянды цветов на иконостасе и на клиросах, и весь воздух содрогнулись от весеннего клика: «Христос воскрес!»

И каждый понял, что хоть он и темен снаружи, как этот храм, но внутри себя ни разу не чувствовал ни тьмы, ни сомнения, что все пройдет, что затаенная во мраке правда живет, не угасает. Что день воскресения близок. Что воинства не допустят германскую тьму в нашу светлую жизнь, что с нами вместе и Невский, и Владимир, и Сергей, и древние воины, и древние просветители — все прошлое и все настоящее нашего народа, слитые воедино, победят во имя будущего, для сохранения навеки неугасимого света нашей родины и нашей культуры.

№ 99. ИНФОРМАЦИЯ НАЧАЛЬНИКА УНКВД г. МОСКВЫ И
МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ М. И. ЖУРАВЛЕВА
№ 1730

Не ранее 5 апреля 1942 г.

В ночь с 4 на 5 апреля, а также утром 5 апреля 1942 г. в связи с религиозным праздником Пасхи во всех действующих церквях г. Москвы и Московской области проходило богослужение.

Основной состав верующих, присутствующих на богослужениях, — женщины в возрасте 40 лет и старше.

Количество верующих, посетивших церкви г. Москвы, колебалось примерно от 1000 до 2500, кроме отдельных церквей, таких, как:

1. Церковь Богоявления (Елоховская пл.) — 6500 человек
2. Церковь Знамения (Переславская ул.) — 4000 человек
3. Церковь Ильи Обыденного (2-й Обыденский пер.) — 4000 человек

4. Церковь Преображенского кладбища (Преображенская площадь) — 4000 человек

5. Церковь Ризположения (с. Леонове) — 3500 человек

6. Церковь Воскресения (Русаковская ул.) — 3500 человек

Всего по городу Москве в 30 действующих церквях присутствовало до 75000 человек.

В церквях Московской области количество верующих, присутствующих на богослужениях, колебалось примерно от 200 до 1000 человек, за исключением некоторых церквей, как то:

1. Церковь Загорье (г. Коломна) — 2500 человек
2. Церковь в селе Железо-Николовское, Высоковского района — 2200 человек
3. Церковь в селе Зятьково, Талдомского района — 2000 человек
4. Церковь в г. Подольске — 1700 человек
5. Церковь в селе Зачатье, Лопасненского района — 1700 человек
6. Церковь Аким и Анны (г. Можайск) — 1700 человек
7. Церковь в г. Кашира — 2000 человек

Всего по Московской области в 124 действующих церквях присутствовало на богослужениях около 85 000 человек.

Из поступивших материалов в Управление НКВД видно, что верующее население и духовенство в связи с религиозным праздником Пасхи, а также полученным разрешением беспрепятственного хождения населения г. Москвы и районов Московской области в ночь с 4 на 5 апреля реагировало положительно...

Когда речь заходит о весне и лете 1942 года, всегда на душе появляется горький осадок от того, что чего-то не поняли, не предвидели, не доделали. То есть совсем чуть-чуть — и события на фронтах пошли бы по другому сценарию, как в первую Отечественную войну, когда отступление Наполеона от Москвы привело к окончательному разгрому, изгнанию из России, и конечной гибели великой армии завоевателей. Аналогии напрашиваются сами по себе. Ведь в результате зимних боев только под Москвой Вермахт потерял более полумиллиона солдат и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тыс. машин и много другой техники. А взятие Тихвина, Ростова, а десант в Крыму, где уже несколько месяцев держал оборону Севастополь, а наладившиеся контакты с союзниками и первые поставки стратегического сырья, вооружения и военной техники, а всемирно-политический резонанс и моральный подъем от зимних успехов Красной Армии? Это ли не аргументы? Страна со всей ее инфраструктурой полностью перешла на военные рельсы. Заработали первые эвакуированные предприятия, началась планомерная подготовка резервов и обучение войск, стабилизировалась линия фронта. Агитация и пропаганда, воспитание бойцов и мирного населения поднялись на еще более высокий уровень, а легализация Православия, открытие храмов и надежда на Господа нашего Иисуса Христа сплотили русский народ в несокрушимый монолит. Достаточно вспомнить молитву, читаемую за Литургией в Русской Православной Церкви в дни Великой Отечественной войны 1941 — 1945 годов, чтобы понять огромную силу Православия в этой борьбе с захватчиками земли русской:

«... Господи Боже сил, Боже спасение нашего, Боже, творяй чудеса един. Призри в милости щедротах на смиренный рабы Твоя и человеколюбиво услыши и помилуй нас: се бо врази наши собрашася на ны, во еже погубит нас и разорити святыни наша. Помози нам Боже, Спасителю наш, и избави нас, славы ради имени Твоего, и

да приложатся к нам словеса, реченныя Моисеем к людям Израильским: дерзайте, стойте и узрите спасение от Господа, Господь бо поборет по нас. Ей, Господи Боже, Спасителю наш, крепосте и упование, и заступление наше, не помяни беззаконий и неправд людей Твоих и не отвратися от нас гневом своим, но в милостях и щедротах Твоих посети смиренныя рабы Твоя, ко Твоему благоутробию припадающий: восстани в помощь нашу и даждь воинству нашему о имени Твоем победити; а им же судил есь и положить на брани души своя, тем прости согрешения их, и в день праведного создания Твоего воздай венцы нетления. Ты бо еси заступление и победа и спасение уповающим на Тя и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу ныне и присно и во веки веков, Аминь...»

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

ПОЭЗИЯ

Надежда
МИРОШНИЧЕНКО

«РУССКОЕ СЕРДЦЕ МОЕ»

Надежда Александровна Мирошниченко — ответственный секретарь Коми отделения Всемирного Русского Народного Собора. Лауреат Большой литературной премии России, Государственной премии Республики Коми и др. Ведет творческую лабораторию в УГТУ (УФА) «Азбука нации» по разработанной авторской теме: «История России — История Русской Православной Церкви». Секретарь СП России. **Живет в Сыктывкаре.**

* * *

Сто церквей по берегу, как будто
Табуны промчались налегке.
Я пройду по берегу под утро:
Купола купаются в реке.

Столько их вокруг, золотогривых,
Чуть коснулась — пальцы обожгла.
Если кто-то выдумал разливы,
Это, чтоб купались купола.

Вместе с обязательной березой,
Вместе с восхитительной тоской,
Вместе и с моей, простоволосой
Родиной, притихшей над рекой.

Если кто-то выдумал деревни,
Это, чтобы Русь была жива.
Трону я весенние деревья —
Русские осыпятся слова.

РЕЧКА ТРУБЕЖ

*Военному летчику
Анатолию Зацепину
и его жене Елене*

Речка Трубеж, протруби тревогу,
Ослабевших вызови в поход.
Над тобой присядем на дорогу
Мы — народ сказаний и пехот.

Третий Рим — Москва. Какая сила!
На Руси светились купола!
Речка Трубеж, что тебя сразило,
Что ты плотной ряской заросла?
То ль прошла твоя былая сила?
То ли наша силушка мала?

По туману, как по океану,
Бродят церкви — сорок сороков.
Табуны летят и атаманы.
И князья глядят из облаков.

Им, святым, и в небесах не спится.
Молятся они за Русский путь.
Им за нас и в небе совеститься.
Нам без них и землю не вернуть.

ОБЩИЙ ВАГОН

Как сердце, пульсирует поезд.
И каждый толчок — это жизнь.
Войду я в него, успокоюсь:
На месте мои этажи.
Над первою полкой — вторая,
На третьей — пригрелся солдат.
Россия моя кочевая,
Нам общий вагон тесноват.

Здесь кадка сошлись и трехрядка.
К добру присоседелось зло.
И цокает древняя Вятка.
И катится волжское «о».
Я в общем вагоне поеду.
Здесь собраны все времена,
Твои групповые портреты,
Моя дорогая страна.

* * *

Стала не полем уже, а простором
Русская наша судьба.
Стали энергией наши раздоры.
И небесами мольба.

Родина! Родина! Ласточка света!
Неба высотная дрожь!
Сколько уже о тебе перепето!
Сколько не перепоешь!

Все увеличилось до категорий
И снизошло до стихий.
Родина! Родина! Белое море!
Белых надежд лопухи.

Но все равно, что бы ни было с нами,
Выдержит это житье
Русская песня и русская память
Русское сердце мое.

МЫ — РУССКИЕ

Моей маме, О. К. Кулагиной-Мирошниченко

Мы русские. И с нами шутки плохи.
Не надо трогать родовой земли
По злобе дня, на рубеже эпохи.
Уж вы и так погрелись, как могли.
Но одного вы не уразумели:
Ни высший разум и ни ЭВМ
Не просчитают русские метели
И русский дух. И вам о том повем.
Не просчитают русского презренья
К чужим одеждам и чужим звездам
И позднего славянского прозренья,
Грядущего уже, как «Аз воздам...»

Мы русские. На нас пахали с веку
И попрекали совестью, к тому ж.
Мы не в обиде — было б больше света!
Так нет: все темень, все беда, все глушь.
Мы русские. Мы крови не пролили
Ничьей в своем отеческом дому,
Хоть это нас в застенках изводили
По миллионам, не по одному.
Но есть предел терпенью и прощенью.
Не все нам строить церкви на крови.
Мы русские. Мы не хотим отмщенья.
Но не касайтесь родовой земли.

ПРАЧКА

Люблю я запах чистого белья.
Люблю стирать. Уходит грязь, уходит.
И белизною жизнь полна моя.
И чистота на свете происходит.
Да будет прачке весело в дому
Наедине с работой бесконечной.

Да пусть не удивится ничему
Над стиркой обязательной и вечной.

И, может, мне дороже во сто крат,
Что плачено за свет соленым потом.
Чем белоснежней праздничный наряд,
Тем тяжелее черная работа.
В знакомый час берусь за стирку я.
Мне кинут: надрываешься, гордячка!
Как много в мире грязного белья!
Как хорошо, что есть на свете прачка!

* * *

Они гремят речами и мечами,
Пугают палачами. Но гляди:
Идет ребенок с ясными очами
И не боится вечного пути.

Цветы моей России полевые,
Льняные дети — жители берез!
И русые они, и заревые,
И русские. И жалко их до слез.

Еще не зная, что слаба защита,
Еще не веря, что не все — добро,
Идет ребенок, словно солнца слиток,
Он рассыпает смеха серебро.

И вот пока они на свете будут,
Гремите всласть, серьезно и шутя,
Мне не страшны пророки да нуды.
Я вас сильнее: у меня дитя!

* * *

О, Сербия — ты Веры воплощенье.
За то — и смерть, и новые окопы.
И это — просвещенная Европа!
Спаси меня, Господь, от просвещения.

А втянутые в ненависть народы,
Под разговоры, что все в мире братья?!
И над разрухой — статуя Свободы...
Спаси меня, Господь, от их объятий.

Смотри, Россия, и учись прозренью.
Сегодня, наконец, все в мире ясно.
О, родина моя, как ты прекрасна,
Покорная любви и вдохновенью.

* * *

Станиславу Куняеву

Не зря вовеки мы не торопились
Принять чужое ближе, чем свое.
Не зря над Русью вороги глумились,
А не сгубили таинства ее.

Не зря нас покупала заграница,
Где каждая былинка — напоказ.

Но, обернувшись девицей, жар-птица
С ума сводила молодца у нас.

Но рвань и пьянь, что вяла под забором
С единой мыслью: поутру напьюсь, —
Вдруг поднималась в страшный час позора
И умирала праведно за Русь.

И вот теперь, устойчивая к слову,
К его безумью и его мольбе,
Я понимаю: это все не ново,
Что начертали, Родина, тебе.

Зато нас помнят и Царьград, и Плевна.
Да стоит ли об этом говорить!
О, Русь моя! О, Спящая Царевна!
Мне горевать, что снадобье варить.

О, Русь моя! Единственное имя,
Которому служить не разучусь!
Болею всеми болями твоими.
Но всей твоею радостью свечусь.

✻ ✻ ✻

Мы верим: Россия, свои ты не выплачешь очи.
На Красную площадь вернутся твои сыновья.
И маршала Жукова в жизни хоть мучили очень,
А все же поставят в граните стоять у Кремля.

И Воин, и Храм — наконец-то вы будете вместе.
Во славу Отечества — посередине земли.
И легче нам станут и наши победы, и песни.
А то мы без вас до последнего края дошли.

* * *

И что удивительно: только России не велено
Любить свои песни, свою первозданную речь.
Потом упрекают: мол, столько святого потеряно!
Меня поражает, что столько сумели сберечь.

И что удивительно: только России положено
Страдать за других, умирать за других и скорбеть.
Посмотришь на глобус —

где наших людей ни положено?!
А что поражает: мол, надо, чтоб так же и впредь.

И что удивительно: недруг в предчувствии мается.
Мол, Русь поднимается! Объединяется Русь!
Меня поражает, но Русь моя впрямь поднимается.
А с нею, бессмертной, неужто я не поднимусь?!

Наша ИДЕОЛОГИЯ

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ ДУХОВНАЯ СКРЕПА ПРАВОСЛАВИЯ

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН. Автор фундаментального труда «Россия и русские в мировой истории», опубликовала более 40 научных трудов. Одна из инициаторов и сопредседателей форумов и объединений русской общественности. Президент «Фонда исторической перспективы». **Живет в Москве.**

«Продолжение России в мировой истории абсолютно немислимо и невозможно без духовной скрепы Православия».

С такой темой я однажды выступала на семинаре, вернее большом конгрессе «Cultura Europae» в Памплоне, в университете Opus Dei. То, что я там говорила, шокировало аудиторию, но потом в кулуарах все либо целовали, либо жали мою руку, даже раскланивались католические священники. Однако, слушающие в зале побоялись даже поприветствовать выступление, потому что то, что я говорила с трибуны, было, наверное, не политкорректным. Особенно их, кажется, потрясла моя мысль о том, что своей великой, еще христианской классической европейской культурой, Европа обязана не прометеевскому духу Возрождения, который в итоге родил персонажей Золя, а кровавому поту Франциска Ассизского и слезам Блаженного Августина, — то есть тому первому тысячелетию христианства, которое либералы сейчас презрительно называете «черным веком». Именно тогда и был выкован высокий христианский дух, показавший свои безграничные возможности, в последствии испорченный гордыней и человекобожием того прометеевского индивида, который сейчас привел к вырождению даже либерализма в либертаризм. Конечно, России нужна модернизация. Кто же спорит? Но это должна быть модернизация без версии вестернизации, и тем более, дехристианизации, теперь уже с либеральной стороны, которая лишает нас смыслообразующего ядра, самого побуждения к истории. В России

происходят уникальные явления. Мы оттаяли от заморозки, задуманной в атеистическом революционном проекте, и затосковали по традиционным ценностям. Русская нация, русская, конечно, с Божьей помощью, русский народ, простил в очередной раз, и с помощью нашей Русской Православной Церкви общество само ощутило необходимость саморехристианизации. А либертарная циничная Европа смотрит на нас с удивлением, с той самой вольтерьянской гримасой, которая уже, собственно, и разделила Запад и Восток. Может быть это не совсем корректно с точки зрения богословия, но, по моему мнению, не столько схизма разделила латинский Запад и православный Восток, как цивилизации, сколько вольтерьянский хохот. И латинский Запад, и православный Восток дали свои формы христианской духовности и великой культуры, в которой метафизические ценности — вера, Отечество, честь, долг, любовь — были выше человеческой жизни. Сейчас воинствующие либералы твердят: нет такой ценности, за которую стоит умирать. Это значит, что отрицаются деяния мучеников за веру, тех, кто восходил на эшафот за великие духовные ценности. Происходит отрицание самого основания человеческой культуры, потому что готовность к самопожертвованию за высшие христианские идеалы отличала человека от животного.

Культура неразрывно связана с состоянием общества, она и отражает его, и может быть мощным инструментом, как разрушения, так и, наоборот, сопротивления злу. Наша задача, безусловно, в том, чтобы мы не утратили те самые религиозно-философские основы культуры, которые способствуют ее побуждению к историческому творчеству, к вечному стоянию в мировой борьбе между добром и злом. Именно таковой изначально и сложилась христианская культура, прошедшая все стадии вырождения, и стадию энтропии. Современная импотенция культуры, которую фиксируют и на Западе, и у нас, привела к самой ее атеизированной и полностью дехристианизированной стадии, утратившей нравственное целеполагание. Это происходит от того, что у современного индивида стерлась грань между добром и злом. Но именно в этом треугольнике — добро, зло, свободная воля, вместе с умением различать добро и зло, как дар Святого Духа, и родилось все богатство той прежней христианской культуры, в которой царь и раб были судимы по одним законам. Человек осознавал как основу этой культуры непреложную истину, что земная жизнь — это испытание перед жизнью вечной. И поэтому важно, как ты ее прожил, чему служил, чему стремился, на чем стоял. Потому в высоко-духовной романтической культуре герои Шиллера были убеждены, что «честь дороже жизни». А Иван-крестьянский сын в той же мировоззренческой раме говорил: «двух смертей не бывать, одной не миновать». Но в те времена это была еще единая по своим нравственным целеполаганиям культура, чего уже не стало в XX веке.

К концу XIX века Европа, по выражению Константина Леонтьева, «уже сама в себе уничтожала все великое, изящное и святое».

Персонажи Золя, которых я уже упомянула, теснили героев Шиллера. Последние всплески романтизма в западноевропейской литературе были ее лебединой песнью — например, Сирано де Бержерак; не реальный, реальный был другим, а именно тот, романтический герой Эдмона Ростана. Россия не была частью той растущей новой цивилизации, выросшей из декартового рационализма, из протестантской этики мотивации к труду и богатству, и из идейного багажа Французской революции! Революционная же наша российская интеллигенция бросилась, конечно, догонять Запад, но русское сознание по-своему выразило даже отступление от Бога. Гетевский Фауст, как это отмечалось, по-моему, в какой-то лекции у Сергея Булгакова, выразил тип отступления, апостасии западного человека, в своей гордыни не терпящего над собой никакого судии, человека эпохи скепсиса и энтропии. В то же время, русский, карамазовский вызов Богу — это падение из-за русской гордыни, которая отрицает милостивого Бога из-за того, что не желает смириться и понять грех и те несовершенства, которые наблюдает, забыв о собственной греховной природе. Революционный проект сокрушил русскую православную жизнь, продекларировал совершенно новые параметры культуры и, прежде всего, полностью разгромил христианскую этику, объявив, что человек есть продукт социальных условий. Поэтому поведение его определяется социальными условиями, поэтому нет абсолютных добра и зла, морали и нравственности, и даже не надо искать вину у представителей неревolutionных классов — это теории Петра Стучки, революционной законности. Это же и элемент революционной большевистской культуры, убеждающей, что нужно лишь просчитать, какое количество этих неревolutionных классов следует уничтожить, чтобы они не мешали революции!

На Латинском Западе, даже в его католической, а не либеральной части, который сам отвергал и либерализм, и дехристианизацию (например, консервативный философ права Карл Шмит) — все равно не сочувствовали России. И эта дилемма — Россия и Европа — встает и сегодня перед нами во всей своей полноте. И острота тех мнимых и реальных противоречий между Россией и Западом, духовных, геополитических, конечно, типична для разошедшихся членов некогда одной семьи.

Наша нынешняя элита постоянно говорит нам, что мы должны вернуться в лоно общеевропейской цивилизации. Часть ли Россия Европы? Думаю, что да. Но тогда возникает вопрос, что есть Европа сегодняшняя. Хочется так сказать нашей элите: единство с Европой, если можно о нем говорить, зиждется не на современных клише о правах человека, демократии, американской конституции. Что делало нас представителями единой цивилизации до всяких конституций? Нагорная проповедь и «Отче наш». Только на такой основе мы можем говорить о единстве с Европой. С этим соглашаются и европейские консерваторы, которые в духовном загоне гораздо больше, чем мы, русские сегодняшние консерваторы, в нашей, сегодня духов-

но более свободной стране. И так и хочется спросить, куда ушли на-полнения всех тех категорий, которые родила великая христианская общеевропейская культура?

Что есть свобода? Работая в Парламентской Ассамблее Сове-та Европы, я все время спрашиваю об этом своих коллег. Спраши-ваю, — для чего сегодняшней Европе нужна свобода? Для того, что-бы, как завещал Чингисхан, гнать перед собой своих врагов, грабить их имущество, любоваться их слезами, целуя их жен и дочерей? Или для возвращения на свою звездную родину? Или же для того, чтобы алкать и жаждать правды, как учит Писание, христианское Открове-ние? Или для того, чтобы, как учит сегодняшний либерал, ставший уже либертарием, объявлять равночастными добро и зло, красоту и уродство, правду и ложь?! Но ведь это и есть та мировая борьба, сущность которой две тысячи лет перед нами. И мои европейские коллеги как-то замолкают, потому что они уже не привыкли ни за-давать, ни осмысливать такие вопросы. Эти вопросы ставит Россия. Что если бы интеллигент XIX века, соблазненный улыбкой Джокон-ды, жаждой познания Гете, обаятельной триадой (неосуществимой без Бога, а поэтому уже ложной в этой парадигме) — свободой, ра-венством, братством — оказался на Западе сегодня? Он не увидел бы там того, к чему стремились идеологически обольщенные его сов-ременники. Узрел бы лишь каббалистические столбики Интернета и следы его величества банковского процента, который и определяет, и измеряет все и вся.

Вспомним гений Шекспира, западного человека, который при-вел к трагическому концу жизнь своей героини Корделии, любившей отца и не имевшей нравственной возможности иначе сформулиро-вать и объяснить свой свободный выбор, кроме того, что так «долг велит». Но в последние времена долг, как моральное обязательство, как извечный механизм внутреннего предпочтения добра в ущерб злу, был превращен в вексель, который может быть измерен и опла-чен. Кстати, немецкое слово *Schuld*, приблизительно в средние века, из морального значения приобретает еще и значение бумаги долгово-го обязательства.

К сожалению, нынешний российский западник мельчает вместе со своим кумиром — Западом. И когда наблюдаешь за культуро-логическими тезисами наших сегодняшних западников, то понима-ешь, как далеки они даже от того великого спора со славянофилами, который был в XIX веке, потому что тогда этот спор не нес в себе отрицания и выявлял богатые грани русского сознания. Могу при-вести слова западника Кавелина, выдающегося русского историка, который сказал почти то же самое, что Иван Киреевский. Кавелин говорил: «каждый думающий, мыслящий, чувствующий порядочный человек не может не чувствовать себя наполовину славянофилом, на-половину западником. Но ни то, ни другое не могло, не разрешило, и не разрешит проблему русской жизни». Иван Киреевский словно вторил: «как бы кто ни хотел искоренить все западное или, наоборот,

все русское, не будет ни того, ни другого, и мы поневоле должны ожидать взаимодействия, а от этого взаимодействия чего-то третьего, возникающего из этих двух начал».

Сегодняшнее западничество, ярким примером которого является, например, прискорбное «письмо академиков» в отношении образования и Русской Православной Церкви, прежде всего, удручает уровнем знаний о вере, как будто извлеченном из краткого справочника пропагандиста-атеиста каких-нибудь 30-х годов. Это удручает. Так и хочется сказать: интеллигенция больше всего тосковала о духовной и интеллектуальной свободе, — эта свобода давно уже есть, что же вы ею не воспользовались и не прочли из того, что было закрыто за семью печатями? Вы прочтите хоть немного, а то ведь стыдно становится за лауреатов Нобелевских премий и, действительно, в своей области великие умы. Я обобщаю, и не говорю ни о ком конкретно, но нынешнему российскому западнику присуще такое дремучее эпигонство перед Западом, которое было свойственное первому веку после Петра. Подобная истерическая ненависть ко всему русскому и православному наблюдалась у ранних пламенных большевиков, но она была преодолена в советском сознании победным духом мая 1945-го. Увы, сегодня очевидно не наивное, а воинствующее невежество во всем, что касается религиозно-философских или даже просто философских основ, понятий, что выходит за пределы того самого истмата, над которым наши западники так громко смеются и дружно издеваются. Но я скажу, что ведь первые большевики и революционеры были куда более образованные люди! Хотя Сергей Булгаков писал, что у них очень «несложненькая философийка истории». Сначала было варварство, потом воссияла цивилизация. Он пишет: что же это такое — материализм, просвещение? Добавим сюда священных коров сегодняшнего дня: права человека, гражданское общество и его институты, под которыми не понятно, что вообще понимается. Чаще всего у нас подразумевается, что это организации, которые занимаются политикой, не будучи государственной структурой или партией. Но ведь политические партии тоже не являются государственными образованиями. Но это уже другой вопрос. Путаница с основами и взаимоотношениями приводит к тому, что сторонники либерализма почему-то уверены в том, что бывает какая-либо культура, не основанная изначально на каких-либо религиозно-философских основах.

Таких культур просто не бывает. Любую культуру — арабскую ли, исламскую, индуистскую и так далее, — если вы разберете до основания, то обязательно поймете, что в ней есть незыблемые каноны, отражающие картину мира в сознании человека, которую он воплощает потом в своих культурных потребностях. Человек, созданный по Образу и Подобию, жаждет что-то делать, созидать. В зависимости от того, какая у него религиозно-философская картина мира, какая мировоззренческая этическая рама, нравственное целеполагание, он творит культуру, которая поднимает человека,

или, наоборот, выдумывает антикультуру, толкающую в бездну окотинивания. Последнее возможно, если утрачивается в христианской культуре основа ощущения острой грани между добром, злом и свободой, которая мечется между соблазнами зла и осознаваемым долгом в отношении добра.

Отсюда и все монологи злодеев и праведников в классической литературе — и Макбета, и Гамлета, и героев Шиллера, и Иванов-крестьянских сынов. Это же все отсюда, потому что нравственный человек понимает, вот она грань: либо я поступлю плохо, либо я выдержу и выстою перед этим соблазном. Если этой грани нет, если больше нет нравственного поиска, свобода теряет смысл, как все, что не имеет границ — не имеет определений в философии. И поэтому безграничной свободы просто не может быть. Только великие табу рождают великую культуру. Свобода без границ подвергается энтропии, импотенция как раз и ведет к поиску формы. Все это лишний раз подтверждает давно известную богословскую истину о том, что зло не сущностно, оно не имеет потенциала не только к творению, но и к творчеству. Его псевдосуществование в коррупции добра.

Человек, отринувший Творца, в своем сознании перестает отражать красоту богоданного мира. Его сознание рождает «Черный квадрат» Малевича. Это действительно, если хотите, гениальный, но, скорее, политический или философский манифест эстетики, порвавшей с христианской культурой. Поэтому манифест Коммунистической партии был философией в историческом материализме, а «Черный квадрат» — манифест эстетический, сознание творческого человека, утратившего связь с побудительным, с трансцендентным.

Главный тезис современной культуры — это безграничная свобода, утверждение мнения, что человек имеет право и должен пробовать все. В наше время мы уже достигли того, что красота, гармония, норма, объявлены скукой и пошлостью. Любое отклонение и извращение, в какой области мы не возьмем, в физиологии или в канонах прекрасного, объявляется движением от простого к сложному. А ведь свойством, характерной чертой великой христианской культуры, является не только грандиозность свершений. Кроме того, культура — это не только литература и изящные искусства, это — все. Это все, что человек создает по канонам своего представления о должном и праведном в творчестве, в государствовоительстве, в философии.

Философию права рождают разные цивилизации по-разному, однако, черпают из одного интуитивного ощущения тождества греха и преступления. Поэтому правовая норма закона всегда определяется религиозным канонам. Поэтому так разнятся системы и философии исламского права, христианского и так далее. И в архитектуре грандиозность свершений христианской культуры отмечается удивительной этической и философской цельностью. Во всем обретаются каноны прекрасного.

Гармония и какофония в музыке и архитектуре лишний раз показывают, что во всех проявлениях есть понятие высокое-низкое, нор-

ма-извращение, гармония-какофония, хороший вкус-плохой вкус. Заметьте, именно эту взаимосвязь отрицает современная эстетика, современные литературные каноны. Поэт, который пишет, например, воспевая природу и попутно выражая свое мировоззрение, станет сейчас, в кругу разрекламированных литераторов, пожалуй, посмешищем. Потому что все нравственное сегодня объявлено архаичным, нужно воспевать пороки. Наше общество само начало отторгать такую искусственную установку.

Это очень отраднo, потому что еще в середине 90-х годов в центре общественной дискуссии внедрялся тезис «осваиваем безумство гибельной свободы». Через десять лет общество само на повестку дня выдвинуло дискуссию о чести и бесчестии, о праведности и неправедности, о культуре и антикультуре. Эта борьба идет и сейчас и свидетельствует о том, что именно в России решается будущее не только русского человека, не только Православия, но и всей Европы в целом. Я имею в виду Европу как явление мировой культуры, о гибели которой трубят и бьют в колокола европейские интеллектуалы-консерваторы. Скажем, немецкий философ Гюнтер Розмозер прямо говорит, по-моему, вслед за Шиллером, что главная причина упадка культуры — это дехристианизация европейского сознания. Конечно, посмотрите, чем сегодня является кредо современного европейца! Я не раз уже шутила, что мне очень грустно в Совете Европы чувствовать себя почти единственной, кто знает баллады Шиллера по-немецки наизусть. Мои европейские коллеги этого уже не знают и не изучают. Это у нас в России, в советской школе № 3 на улице Марины Расковой мы, будучи школьниками, готовили вечера немецкой классики, исполняли отрывки из пьес «Эмилия Галотти», «Минна фон Барнхельм» Лессинга, делали свои переводы Шиллера. Вот какие парадоксы...

Я жила и работала в Америке почти восемь лет и именно там незаметно для себя стала убежденным славянофилом. Хотя, как многие советские и российские интеллигенты, училась читать по дореволюционной книге «Живое слово» с ятями, баллады Шиллера, наверное, прочитала раньше, чем «Слово о полку Игореве». Но, поглядев на стерильное мышление и удивительное упрощение восприятие мира в Америке, стала славянофилом. Хотя я не буду отрицать — за рядовым американцем очень много и хороших черт: доброжелательность, открытость, в целом — честность, но упрощение, какая-то, простите, дебилизация общей картины мира до буквально уровня третьеклассника меня поражала. А почему они так борются против всего того, за что выступаем мы? Это показал еще Алексис де Торквиль в книге «Демократия в Америке». Кстати, эта книга совершенно ошибочно считается одой Америке. Там после каждой главы на шести страницах идут грустные размышления о том, что будущее, увы, за средним классом, за бюргером-лавочником с его приземленными потребностями. Последнему эта завидная рациональность, организованная американским обществом, очень подходит. Но в европейс-

ких обществах с фундаменталистскими устоями народа, с высокими стремлениями аристократии, с постоянным поиском новых идей и их столкновением, борьбой внутренних побуждений, американизация приведет только к дебилизации. Де Торквиль пишет: я вижу перед собой огромные толпы людей, суесящихся и тратящих время в мелких радостях, мелких и пустых занятиях, а над всем этим возвышается всевидящая власть, которая заботится об удовлетворении каждой потребности вплоть до физиологической, но держит сознание в младенческом состоянии. Вот оно — держать сознание в младенческом состоянии, не иметь возможности осознавать, но при этом пребывать в иллюзорной эйфории, будучи свободным индивидом, а на деле — рабом своей плоти и гордыни! Эка доблесть, извините, — помочиться тут же, где захотелось. До чего же можно дойти, при том создавая абсолютно поработанные нации, которые неспособны на осмысление вопросов своего прошлого, настоящего и будущего. А, значит, неспособные осознать ни свои национальные интересы, ни задачи своей истории, то есть цели и ценности исторического бытия, которые невозможны без понимания себя, как народа в Боге. И, конечно, в этом смысле, Россия родилась не в 1991-м, и не в 1917-м. Она существует тысячи лет с Божьей помощью, и ее продолжение в мировой истории абсолютно немыслимо и невозможно без духовной скрепы Православия. Поэтому Россию попытались без всякого вольтерьянского хохота уже в 1917-м году заковать в цепи и зарубить. Но оковы, как всегда, пали. Освободившийся дух в масштабах нации, может быть, и оскудел, но все-таки жив. Более того, сейчас он, кажется, наиболее пассионарен во всей европейской цивилизации. И поэтому наша страна — наверное, единственная, где еще идет спор по великим вопросам. Его задают герои Распутина, его задают наши соотечественники: живем ли мы, чтобы есть, или едим, чтобы жить? А пока такие вопросы задаются, не иссякает ручеек человеческого духа, стремящегося к Богу, стремящегося постичь, зачем люди живут, и для чего мир и история. И пока это стремление продолжается — жизни не будет конца!

Будущее Европы, на самом деле, заключается не в том, насколько европейцы принудят Россию принять выхолощенные постулаты сегодняшнего дня, а, наоборот, сможет ли Россия опять спасти Европу, стать форпостом христианства. Только это может дать всей Европе импульс и силу для того, чтобы встретить демографические, геополитические и духовные вызовы нового века.

Низко кланяюсь нашей Русской Православной Церкви за ее величайшие усилия. Думаю, что все политики и общественные деятели должны помогать ей нести наш общий крест, быть гласом религиозной совести и напоминать любой власти о том, что надо рассуждать не только о том, что рационально и правильно, но думать и о том, что должно и праведно. И тогда политика будет христианской.

Николай БУРЛЯЕВ

ДУХОВНАЯ СИЛА СЛОВА

Николай Петрович Бурляев — родился в 1946 г. в Москве. Закончил актерский ф-т театрального училища им. Б. В. Шукина и режиссерский ф-т ВГИКа. Лауреат Государственной Премии Югославии («Вукова награда»). Лауреат международных кинофестивалей в Венеции, Каннах, Берлине, Оберхаузене, Сан-Франциско, Акапулько др. Создатель и бессменный Президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь». Председатель Международного Объединения Кинематографистов Славянских и Православных Народов. Президент Фонда культуры казаков России. Академик. Народный артист России. Работает в кинематографе с 1959 года. Снимался в 70 фильмах. Кавалер орденов Преподобного Сергия Радонежского III степени и Международной премии, ордена Святого Всехвального Апостола Андрея Первозванного. Член Союза кинематографистов СССР, член правления Союза кинематографистов России. Член Союза писателей России. Художественный руководитель киностудии «Отечество». **Живет в Москве.**

Речь, недавно произнесенная известным русским актером, режиссером, председателем кинофорума «Золотой витязь» Николаем Бурляевым 5 декабря 2008 г. в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя, на Соборной встрече Всемирного Русского Народного Собора, посвященной 50-летию Союза писателей России, произвела на присутствующих особенное впечатление. Среди многих достойных выступлений слово Николая Бурляева звучало с неподдельной искренностью, выстраданностью. Оно не являлось констатацией известных проблем современной русской культуры, привычной бездеятельной критикой, — но свидетельствовало о неуспокоенности автора, о его активной творческой позиции, о разработанных направлениях и методах борьбы за русскую душу, за нравственность, за веру, продуманных и подробно изложенных в его литературно-публицистических статьях. Поэтому интересно обратиться к работам православного режиссера, ведущего открытую, непримиримую не только теоретическую, безличную, но и практическую, персональную борьбу с одиозными личностями, мечтающими уничтожить русский дух, русскую культуру и саму Россию с помощью новых средств и технологий.

Сегодня мы публикуем выступление Николая Бурляева на Всемирном Русском Народном Соборе и его концептуальную статью «Вера, театр и кино». Эти работы созданы в разное время, но, во многом, перекликаются друг с другом, что свидетельствует о неизменности мировоззрения автора.

ДУХОВНАЯ СИЛА СЛОВА: ОСНОВА ЕДИНСТВА НАРОДА

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог... В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков...» — Так начинается Евангелие от Иоанна. Возможно ли большее свидетельство значения Слова для самого существования «человеков», напоминание о том, что только через Слово возможно прийти к Богу, а значит спасти свою душу?

Выдающийся русский писатель и поэт Иван Бунин, проходя крестный путь своих окаянных дней, исторг из души слова, адресованные всем нам, его соотечественникам:

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы и страданья,
Наш дар бессмертный — речь.*

Так как же мы бережем данное нам Богом Слово и дар бессмертный речь, это высшее, судьбоносное достояние нашего народа? Нужно признать, что русская литература и сами литераторы в XXI веке потеряли свое духовное лидерство в обществе. Оно похищено более молодыми, агрессивными видами массовой коммуникации: кинематографом, телевидением, радио и другими СМИ. Как же обращаются со Словом новые лидеры. Берегут ли они русское Слово, язык, речь?

Если анализировать российский кино-теле-радио эфир, безбрежный океан интернета и загламурные СМИ — вывод однозначный: и не думают беречь! Напротив: извращают, загрязняют, коверкают, денационализируют, деформируют, насилуют и предают повсеместно. И не мудрено, если один из главных чиновников от культуры, призванный сберегать русскую культуру, а значит и русское Слово, провозгласил в эйфории, верша свою «культурную революцию»: «Без мата нет русского языка!» Что это? — Недомыслие чиновника, цинизм кочевника, диверсия?.. А что взять с простых смертных словоблудов, воюющих с русским Словом на всех фронтах СМИ? Ведь маленькому, ничтожному человечку, «богатеющему пером», хочется вписаться в новый порядок, дабы не отстать от медийной пятой колонны, выглядеть своим среди своих, получить вожацкие 30 сребреников.

Нужно признаться, что «крышует» этот, как образно говорил Победоносцев, «сброд хунвейбинов» новой культурной революции государство, на протяжении двух десятилетий трусливо занимающееся государственным попустительством, изо дня в день способствующее уничтожению русской культуры, русского Слова.

А еще нужно с болью признать, что программа «мутации русского духа», откровенно провозглашенная в эфире радио «Свобода» 20 лет тому назад, успешно претворяется в жизнь. Затеянный «новым порядком» эксперимент в России удался вполне. Поколение духовных мутантов уже появилось. Корчится Россия в пламени адского огня, выжигающего ее истинное Слово. Впрочем, народившееся после перестройки поколение уже возможно и не корчится, ибо для него мир грязных слов вполне привычен, ведь оно было рождено и воспитано именно в этом мире.

Мгновенно перестроившиеся СМИ, с самого начала «перестройки» и прихода в жизнь нового русского человека искушали его зрение и слух «свободным словом». Киноафиши запестрели названиями фильмов: «Мечь», «Поджигатели», «Бабник», «Псы», «Шакалы», «Живодер», «Метастазы», «Чокнутые», «Кома», «Шок», «Палач», «Распад», «Нечистая сила», «Бес», «Сатана», «Нелюдь»... Не стеснялись употреблять в заглавии и матерные слова, ведь «без мата нет русского языка».

Включишь радио, а там шустрые ведущие с признаками недержания речи. Вот уж поистине языки без костей. Агрессивная попса, коверкающая каждое русское слово. Впрочем, в российском радиоэфире русского мало, больше иноземное. Русское слово отступает, сдает позиции, вытесняется чем-то неудобопонятным, чужеродным.

Заглянешь в интернет, а там: сайты, файлы, блоги, провайдеры, хакеры, хостинги, контенты... Выйдешь на улицу — кругом искушающая реклама на латинице: макдональдсы, стейк-хаусы, фаст-фуды, супермаркеты, шопинги, фитнесы... Полистаешь журнал, газету: сплошные киллеры, секьюрити, рейтинги, пиары, месседжи, ипотеки, олигархи и сладкая английская жизнь супер-нового русского Романа Абрамовича...

Захочешь пойти в театр, насладиться МХАТом, — и там тебя покроют матом.

Включишь телевизор — тебе, не стесняясь в выражениях, расскажут «про это...» и про то... На всех каналах сплошные шоу с непристойной, набившей оскомину, пошлой эстрадой: Моисеев, мадам Брошкина, нижепоясной юмор «Комеди клуба», клонирующего по всем каналам своих ерников-ведущих, похожих на распоясавшихся олигофренов. Они уже и на «Первом канале», и на НТВ в новом матерном ток-шоу «Ты смешной», самодеятельном примитиве, так называемых «народных юмористов». Весьма грустное зрелище.

Круговая порука всеобщей деградации. Угрюмый пир мутантов, где все — на одном уровне: и ведущие, и исполнители, и юные зрители в зале. Глядя на этих «смешных», не было бы так грустно, если бы эта пошлость не транслировалась одновременно в миллионы российских домов. В приличные дома подобных «шутников», конечно, не пустили бы и на порог, но через телевизор их насильно впихнули во все дома — «смотри, Россия!»

Попадешь на канал «MTV», а там — «Школа ведьмы Дженис», пошлые, скабрзные программы «Следующий», «Обыск и свидание», бесконечная ярмарка тщеславия пустых «секс-символов». Канал MTV ежедневно легализует в России — патологию, гомосексуализм, лесбиянство, примитив расплодившегося на планете поколения мутантов.

Наткнешься на канал «ТНТ», там — нескончаемый бардак в «дур-доме» Собчак. Ярчайший пример деградации нравственных основ. Вот уж где «Русское слово» представлено во всем своем блеске и «русские «человеки» в своем развитии», в каком они явились на Руси через 200 лет после Пушкина. «Дом-2» — ежедневная школа безнравственности и примитива. Если бы Пушкин послушал словесный бред этих молодых особей, он бы очень удивился и не понял, в какую страну попал. А на сон грядущий предложат «секс с рогатой Анфисой», порадуют новой программой о юных транссексуалках, конкурсом стриптиза, сатанизмом тяжелого рока, порнографией.

И как же тут было не смутиться, не «смутироваться» новому поколению, рожденному и живущему в этом кошмарном мире чужеродных, холодных, бездуховных слов и безобразия, санкционированного государственными «менеджерами», изо всех сил способствующими процессу «мутации русского духа»?

При этом власть утверждает, что «в России самое лучшее телевидение», продолжает заигрывать с молодежью, не понимая, что заигрывать с детьми нельзя. Их надо вести за собой и, желательно, в правильном направлении. Запуганные «вседозволенной демократией», навязанной России, государственные мужи и не помышляют посягнуть на, так называемую, «свободу слова». Любого слова, пусть даже грязного, пошлого, непристойного. Нельзя! Еще скажут, что ты не «демократ» и введут войска ООН. Государственные мужи бездействуют, словно у них самих нет детей, а духовное будущее России их мало тревожит.

Есть ли выход из создавшегося положения? Выход всегда есть. Нужно признать пагубность «культурной революции», совершаемой в России с начала перестройки, покаяться перед народом и на государственном уровне перейти к новой культурной политике, основанной на традиционном, духовно-нравственном фундаменте русской культуры и русского Слова.

В сфере экранных искусств, радио, издательств и всего, что имеет в основе своей работу со словом, возродить институт редактуры. На телевидении узаконить наблюдательные советы.

На законодательном уровне принять законы, охраняющие духовно-нравственную основу и русское Слово от агрессии чужебесия. Лишать лицензий каналы, пренебрегающие установленные правила приличия. Штрафовать телевизионных сквернословов и пошляков.

И делать это нужно незамедлительно. Промедление смерти подобно — духовной смерти последующих поколений и самой России.

Сделаем это, тогда может, вновь обретем духовную силу Слова, а значит и единств народа.

Вера, театр и кино

Некогда Тертуллиан сказал: «Душа по природе христианка». Опровергнуть это еще никто не посмел.

Душа, наделенная свободой выбора, посылается в Мир Создателем, чтобы претерпеть все страдания и искушения, и возвратиться на Суд Божий с отчетом о свободно пройденном земном пути. Тягот и испытаний в жизни каждого человека предостаточно, ибо золото испытывается в огне, а человек в горниле уничижений.

Душа приходит в Мир чистой и безгрешной. Грязью и грехами она обрастает потом. Усердно способствует процессу грехопадения князь мира сего с легионом продавших ему душу существ. Очень много подобных существ — среди наших коллег в кинематографе и театре. Один очень известный кинорежиссер в порыве алкогольного откровения признавался: «Я продал душу дьяволу». Впрочем, и без признания это было заметно по поступкам и «творчеству» этого существа. Заметим, что продавшим свою душу нынче живется комфортнее и богаче, нежели тем, кто стремится к спасению своей души.

Повсеместно разметаны сети для уловления души: безверие, секты, пьянство, наркомания, стяжание, блуд, похоть, эстрада, телевидение, радио, пресса, театр, кинематограф...

Кинематограф... Это яркое и самоуверенное, новорожденное искусство: что есть 100 лет в многотысячелетней истории цивилизации?

Заметим, что именно в тот момент, когда в голову братьев Люмьеров было ниспослано это открытие и началось запечатление на пленку изображение Мира сего, там же, в Париже, Мирову была явлена Туринская Пещаница, с запечатленным на ней Нерукотворным Ликом Христа.

От рождения у кинематографа был выбор, по какому пути ему пойти. А путей, как всегда, было лишь два: или к Богу, или к дьяволу. Либо содействовать исполнению Промысла Божия на земле, либо способствовать грехопадению человека. И кинематограф сделал

выбор: устремился в рынок, в коммерцию, в доходный промысел, не внимая Евангельскому предостережению, гласящему: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18,7). Правда, в начале своего пути были попытки православных кинематографистов запечатлеть богоугодные события: коронацию последнего Российского Царя-мученика, лица архиереев-мучеников, впоследствии причисленных к лику святых, лица героев Отечества, бытие православного русского народа... Но это оказалось исключением из правил. Доходный промысел в кино одержал победу, он процветал. Впрочем, даже во времена советского атеизма, исключения из правил продолжали появляться. Лучшие сыны России, кинематографисты и деятели театра верили в Бога и создавали то, что, собственно, и уцелело во времени, как классика. Они признавали в глубине своей души то, что душа по природе Христианка.

Театр — искусство более древнее. Лицедеи, скоморохи, артисты, балаганы издревле не столько возвышали душу, сколько искушали ее представлением «соблазнительных пороков» и «сладкого греха», помогали падению нравов. Вслед за падением нравов приходило падение государств, империй, цивилизаций. Примеров тому достаточно. Вспомним пример древнегреческого театра: сначала — Эсхил с его устремленностью к Богу и утверждением высших божественных начал, потом от Софокла к Эврипиду и далее — ниспровержение божественного идеала, все более активное ниспровержение богов, все большее обожествление человека. С утратой веры не замедлила угаснуть и славная древнегреческая цивилизация.

Такая же катастрофа постигла и Российскую империю. Пока Святая Русь верила и молилась, она расширялась, укреплялась и процветала. И можно было говорить и о Законе, и о Благодати. Святой князь Владимир, преподобный Сергей Радонежский, священномученик архиепископ Илларион, святые подвижники, ученые и литераторы — Ломоносов, Державин, Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский и многие другие были духовными водителями православного Русского народа. А потом на Русь явились бесы, подменившие веру в Бога, верой в себя, и легион безбожных деятелей «искусства и культуры» принялся усердно обслуживать своих покровителей.

* * *

За крупными советскими бесами пришли «постсоветские беснята», развалившие империю советскую и принявшие за развал России. Наступило время иуд, падших женщин и «голубого экрана». Лукавый легион мгновенно расплодился во всех ветвях власти, включая СМИ, кинематограф, театр, эстраду. По всем каналам ТВ они с упоением, безстыдно демонстрируют свои личины, превратив телеэкран в кривое зеркало безбожной «культурной революции». Чи-

новники от культуры принялись вытеснять культуру, кинематограф и театр в рынок, в частные руки, на панель «доходного промысла». Уничтожение нашей великой страны политиками и правительством не может не тревожить, уничтожение нашего народа через «культуру» и «искусство» — приводит в отчаяние.

Взирая на телевизионную вакханалию рок-ансамблей, способных собирать многотысячное стадо молодых особей, задаешься вопросом, как это могло случиться? Как столь примитивные выкрики, которые невозможно назвать поэзией, под лязг двух аккордов, которые никак нельзя назвать музыкой, могут привлекать столько людей? Как быстро и как ловко бесы лишили народ и, главное, молодежь великой русской культуры, национального достоинства, духовного иммунитета, посадили на иглу пошлого и пустого шоу-бизнеса.

* * *

Чем дальше течет моя человеческая и творческая жизнь, тем все острее тревожит меня вопрос: праведным ли делом я занимался всю жизнь и продолжаю заниматься теперь, в свои 60?.. Лицедейство, режиссура, театр, кино, создание Международного Форума «Золотой Витязь»...

Ведь постановления Вселенских Соборов об отношении к лицедейству никто не отменял. Церковь осуждала не только языческое содержание театра, но и сам принцип лицедейства. 62-е правило Шестого Вселенского Собора, например, запрещает мужчинам надевать женскую одежду, а женщинам — мужскую, а так же использовать маски: «Не носите личин комических, или сатирических, или трагических». Вряд ли читали это правило наши коллеги артисты, с азартом переодевающиеся в одежды противоположного пола. Я уж не говорю об эстрадной пошлости всех этих «сердючек» и «новых русских бабок».

Можно возразить: Соборы принимали свои постановления очень давно. Жизнь с тех пор изменилась, да и Церковь стала снисходительнее к театру и лицедейству, пытаясь направить их в русло добра, нравственности и христианских истин.

Мир и Церковь — безусловно, два разных отношения к бытию. Церковь — неотмирна. Неотмирность ее вовсе не в гордом противопоставлении себя Мiру. Это — исключенность из общей мирской гордыни, это красота смирения. Смирение же Мiру понять трудно. У Церкви и театра, кино — кардинально различные принципы воздействия на людей. Церковь умиротворяет и согревает, театр, кино — захватывают и увлекают. Это подмечал еще святой Иоанн Златоуст: «Посмотри на самого себя, каков бываешь ты по возвращении из церкви, и каков — по выходе из театра; сравни оба эти дня, и тебе не будет нужды в наших словах».

Кинематограф и театр — занятия сугубо мирские, подчас исполненные самолюбования, тщеславия и гордыни. Мы живем в богеме, творим со страстным желанием самоутверждения и славы. В таких условиях сложно не только говорить о своем сценическом, христианском служении, в этих условиях и душу-то свою спасти — ох, как тяжело.

* * *

Скажу о себе. Я сам нахожусь в постоянной борьбе с собою, со своим актерским тщеславием, в поиске истины. Десять лет тому назад, после долгих мучительных раздумий, я дал согласие на воплощение образа Иешуа Га-Ноцри в фильме «Мастер и Маргарита». Тогда это был поступок моей горделивой актерской души, посчитавшей себя способной «дать бой Воланду на его территории». Сегодня я бы этого, конечно, не сделал.

Однако, совсем недавно, по моей инициативе на XIII МКФ «Золотой Витязь» в Иркутске был представлен фильм Мэла Гибсона «Страсти Христовы». Решением руководителей пяти международных жюри этому фильму был присужден «Гран-при». И сегодня для меня нет окончательного ответа: справедливы ли мы были в своем решении. Имеет ли право грешный кинематографический и театральный человек прикасаться к святыням?.. Я продолжаю искать оправдание своим поступкам и своей творческой жизни. Кинематограф и театр — реально существующие в Мире явления. Они воздействуют на душу и сознание миллионов людей. Запретить деятелям искусства касаться в своем творчестве Евангелия и святых образов невозможно. Значит, нам, служителям кино и театра, решаясь на такие поступки, следует, требовательнее относиться к себе. Может ли театр быть кафедрой, проповедующей высокие нравственные идеалы? Может ли квадрат экрана быть своеобразной иконой, окном в горний Мир? Ведь в иконе все свято, чисто, целомудренно, молитвенно. А как живем мы, грешные и горделивые «служители Мельпомены», зависимые от чужой, не всегда доброй воли, артисты и стремящиеся в рынок авторы и режиссеры?..

Сколько мерзости и соблазна уже принесли и продолжают приносить человечеству кинематограф и театр. Мекка растления нравов, лидеры устремленности в бездну — Голливуд и Бродвей. Впрочем, их европейские и российские последователи с не меньшим рвением искушают зрителей, словно не ведают о Евангельском предостережении, адресованном всем нам: «Кто соблазнит одного из малых сих, верующих в меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему ... камень на шею и бросили его в море» (Мк. 9,2).

* * *

С каким рвением загоняют «в рынок» кинематограф и театр наши «культурные чиновники», словно не понимая, что кино, театр, теле-

видение не могут, не должны становиться бизнесом, доходным промыслом. У этих искусств совершенно иные пред Господом и народом задачи: возвышать человеческую душу во имя спасения и процветания жизни в нашей стране. «Доходный промысел», тиражирующий в кино и театре соблазн и порок, способствующий духовной деградации общества, должен считаться нравственным преступлением и быть запрещен законодательно. Руководители страны и культуры, нанесяшие невосполнимый нравственный ущерб своему народу, должны быть осуждены обществом (хотя бы морально), чтобы их последователям было неповадно служить духовной деградации общества. Сколько вреда уже принесла «культурная революция», осуществляемая нерадивыми чиновниками, оказывающими государственную поддержку «искусствам», служащим вырождению нации, по принципу «пусть расцветают все цветы». Сколько государственных средств, премий и званий было вручено дельцам экранных и театральных искусств, сатирикам и представителям голубого «шоу-бизнеса», внесшим неоспоримый вклад в понижение духовного уровня нашего народа. Уже второй десяток лет их личины навязывают зрителям по всем центральным каналам телевидения, причем, иногда одновременно на всех кнопках (будто других лиц в нашей культуре не существует). С каким рвением культурные чиновники, при поддержке своих либеральных покровителей в правительстве, выпихивают экранные искусства — кино, телевидение, театр в частные руки, содействуя дистанцированию от них государства. Разве можно уводить из рук государства рычаги его духовной безопасности?

То, что Святая Русь опамятует, даст им не только справедливую оценку, но и отпор, похоже их не страшит. А напрасно, ведь «есть и Божий суд, наперсники разврата! Есть грозный суд! Он ждет!» Но что собственно — Божий суд для атеистов, либералов, не верящих ни во что, кроме своего мнимого величия, стяжательства временных благ и прижизненного кайфа. Как говорится: «После нас — хоть потоп». Впрочем, не о них ли говорит Библия: «Пусть хоть до небес возрастет величие их, но как прах развеется и не останется следа»?

Вспоминаю свою последнюю встречу со Святейшим Патриархом Сербским Павлом. Встреча длилась около сорока минут и, трижды за время нашего общения Святейший Патриарх произнес Евангельские слова: «Что пользы если ты приобретешь весь мир, а душе своей повредишь?» Сегодня я понимаю, что эти слова Святейший Патриарх Павел адресовал не только мне, но всему Русскому народу, деятелем кино и театра, которых я в тот миг перед ним олицетворял.

* * *

Нас, грешных режиссеров, драматургов, артистов, Промысел Божий определил бороться за душу человека, своим кинематографическим и театральным служением. Я вновь и вновь задаю себе

тревожный, не дающий покоя вопрос: может ли это служение быть праведным, угодным Господу? Я ищу примеры в театре и кино, служащие оправданием нашего ремесла.

Без веры ничего великого в искусстве создать невозможно. Великое во времена советского атеизма создано людьми, сокровенно верующими. Покинувшими Россию Рахманиновым, Шаляпиным, М. Чеховым, Павловой, Плевицкой, Ильиным, Шмелевым... Оставшимися в России и творившими в атеистическом окружении — великим русским режиссером, православным христианином К. С. Станиславским, утверждавшим на сцене жизнь человеческого духа, до конца своей жизни пронесшим веру в Господа и почившим пред иконой, с которой никогда не расставался. Качалов, Турчанинова, Гоголева, Симонов, Охлопков, Завадский, Мордвинов, оперные певцы Собинов, Михайлов, Козловский — все они были православными людьми. Факел их христианского творческого служения рассеивал мрак атеистической ночи.

И в кинематографе, даже те, кто вынужден был носить в кармане партийный билет, творчеством своим утверждали высшие христианские начала: Довженко, Бондарчук, Чухрай, Шукшин, Ростоцкий, Кулиджанов, сказочник Роу. Глубокой верой в создателя, проникнуто творчество великого кинорежиссера Андрея Тарковского... Можно еще и еще перечислять имена и фильмы...

Одно из положений «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви», говорит о том, что самые разные представители искусства, в том числе и актеры, будучи православными, «обращаются к средствам искусства, дабы выразить опыт духовного обновления, который они обрели в себе и желают подарить другим». Значит все дело именно в обретении в себе опыта духовного обновления. «Сяжи дух мирен, и тысячи спасутся вокруг тебя». Но узок путь к тесным вратам спасения.

Однако, вселяет надежду и то, что один из мудрейших людей нашего времени, Святейший Патриарх Алексий II, благословил деятельность Международного Форума «Золотой Витязь», согласившись стать его Почетным попечителем. Нам верят, от нас ждут. Дай нам Бог оправдать доверие.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Йохан БЕКМАН

РУССКОЕ СЛОВО — НЕ- ПОБЕДИМОСТЬ ЖИЗНИ

Йохан Бекман — родился в 1971 году. Доцент трех университетов (в Хельсинки, Турку и Йоэнсуу). Специализируется на криминологии, социологии права и политической истории. В 2006 году получил ученую степень доктора общественно-политических наук. Лауреат литературной премии им. маршала Говорова. Профессор. **Живет в Хельсинки, Финляндия.**

Хорошим примером значения русской литературы для Финляндии является тот факт, что работы русских писателей живут в Финляндии в форме многочисленных переводов. И дело даже в том, что одно и то же произведение может быть переведено несколько раз в течение десятилетий и даже столетий. Наглядным примером может служить «Преступление и наказание» Достоевского, которое было переведено на финский язык не менее 10 раз, и первый из переводов вышел еще при жизни писателя. В Российской Империи, в Великом княжестве Финляндском в период между революциями был издан и второй перевод этого произведения.

Но во время уклона финской политики в сторону фашизма эта книга не была переведена заново. К сожалению, Достоевского тем не менее использовали в качестве инструмента политической пропаганды, и история сохранила грустное доказательство — радиоречь финского министра, которая должна была прозвучать в честь уничтожения Ленинграда осенью 1941 года. В этой речи имя Достоевского использовалось в доказательство правомерности уничтожения Ленинграда и его населения. К сожалению, русская литература имеет значение и в качестве источника русофобской пропаганды.

Просвещение Финляндии, произошедшее после войны, и демократизация страны постепенно оказали влияние и на друзей русской литературы. В течение последних десятилетий «Преступле-

ние и наказание» было несколько раз заново переведено на финский язык, а последний перевод вышел в этом году.

Тот факт, что эта книга переведена на финский язык множество раз, служит доказательством того, что русская литература является не просто важной для финской души, но даже органической ее частью. Мы живем и дышим посредством русской литературы, особенно в наши дни, когда атеистическая энергия загрязняет и уничтожает культурные ценности Европы и всего мира.

Мне бы хотелось привести еще несколько примеров: каждую осень в программе финских театров появляются различные интерпретации великих произведений русских писателей. «Чайка», «На дне» и другие всегда идут в каком-либо из финских театров, даже в виде нескольких интерпретаций одновременно.

Я счастлив, что финский народ любит русскую литературу. Это является, как бы сказали финны, «здоровым знаком» того, что в наше время ненависти и атеизма, на пороге Армагеддона и Третьей мировой войны, наша финская душа в глубине своей все еще чиста и здорова.

Почему финны любят русскую литературу? Наверняка потому, что лучшим временем в финской истории было, как мы сами говорим, «царское время», то есть время, когда зародилась сама Финляндия и ее государственные институты. По словам известнейшего и наиболее уважаемого финского историка Матти Клинге, «Финляндия полностью является творением Александра I».

Когда в некоторых странах уничтожаются памятники героям и оскверняются могилы, я прошу не забывать о том, что в нашей стране многочисленные русские и советские памятники, а также знаки дружбы между Финляндией и СССР, навеки стоят на своих местах — Александр II в центре Сенатской площади в Старом городе Хельсинки, многочисленные могилы советских солдат по всей Финляндии, и даже парк Ленина в Хельсинки, который, правда, время от времени кто-то хочет переименовать во что-то другое, но который финны хотят сохранить навеки.

Как сказал один известный финский политолог, главной идеологией XX века была русофобия. Я добавлю, что она остается важной идеологией и XXI века. Сегодня то, что на западе называется «русской литературой» — слишком часто ничто иное, как русофобия, война против России, против русских женщин, против демократически избранных лидеров России. Все сорокины, пелевины, ерофеевы и политковские благодаря массивной рекламной кампании стали единственными современными представителями русской литературы, хотя в реальности их тексты полны ненависти и враждебности по отношению к России. С их помощью можно загрязнять души западных людей мыслью о том, что русская идея — это грязь и порнография. Эта рекламная кампания действует эффективно и повсеместно, и так

называемые «эксперты по России» крепко завербованы в качестве ее агентов.

Мы живем в пугающее и опасное время. Энергия атеизма чувствуется повсюду. На границах вашей страны существуют формирования псевдогосударств. Их политика представляет собой сплошной дьявольский хаос.

Случай с «Бронзовым солдатом» в Эстонии стал показательным. Подобные псевдогосударства, агонизирующие в собственной болезни, совершают тихий суицид. В результате этого процесса распадется Европейский Союз, как распадется и военный союз НАТО. Разрушителями их станут те маленькие страны, функцией которых в Европе является, похоже, исключительно разработка различных русофобных провокаций. Почему? Потому что они больны русофобией. Эта болезнь стала болезнью нашего времени.

* * *

В заключение несколько слов о русских писателях в Финляндии. Количество русских эмигрантов в Финляндии растет — сейчас, по крайней мере, шестьдесят тысяч, в ближайшие годы их будет больше, чем шведскоязычных финнов в стране. Значит, русскому языку нужно придать официальный статус.

Некоторые русские писатели-эмигранты пишут по-фински, и пишут отлично. Но в Финляндии существует и свой шведскоязычный литературный мир, и самая известная русская писательница-эмигрант Зинаида Линден из Ленинграда пишет все свои произведения на шведском языке!

Не стоит забывать и о литературе на финском языке в России. Карельские писатели уже давно пишут прозу, поэзию и другие произведения на финском языке, который оказывается чище, свежее и сильнее нашего финского языка.

Здесь нужно сказать пару слов и о карельском языке, точнее — о разных его диалектах, которые являются самым близким к финскому из родственных ему языков. Этот старинный язык также обогащает финский язык, и написанные на нем стихи, проза и переводы являются исключительно ценными.

В Петрозаводске также выходит весьма качественный и многосторонний журнал на финском языке «Carelia» и газета на финском языке. Литература на финском языке в России является для нас, финнов, важной отдушиной. Она в частности обогатила мою жизнь очень сильно. Она должна продолжать свое существование, и ее необходимо поддерживать.

* * *

В заключение нужно сказать правду: мы живем в сложное время. Русофобия в мире растет. Россия и русские ежедневно становятся

объектом нападков враждебных русофобов. Все чаще эти силы зла нападают на нашу православную церковь и ее священников. Нам не остается ничего другого. К большому сожалению, я должен сказать, что эту битву нам не разрешить, подставив другую щеку. Русофобия не может выиграть эту битву, так как является идеологией смерти, и ясно, что смерть не может победить жизнь.

Русская литература — это вечное доказательство непобедимости жизни и ценности человечности. Нужно еще раз отметить, что она является не только достижением русской культуры, но и достоянием всего человечества. России необходимо самой воплощать в жизнь крупные проекты, в результате которых русская литература была бы переведена на все языки мира.¹

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

¹ Выступление на соборной встрече «Духовная сила слова: основа единства народа».

Игорь ИЗБОРЦЕВ

ВЕРШИНЫ РОССИИ

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 году в Пскове. В 1984 году окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ.

Член Союза писателей России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный паломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др.

Лауреат Всероссийской литературной премии им. Св. кн. Александра Невского. **Живет в Пскове.**

*Россия, веру призови!..
В сей день
торжественный и славный,
Нас бережет Отец Державный
Для новых подвигов любви...*
Я. П. Полонский (1819-1899)

У России много вершин. Географических, исторических духовных... В России вообще невозможно жить вне вершин — такова ее метафизическая суть. Именно поэтому — «умом Россию не понять...» Можно увидеть ее вершины, поднимаясь в небо на воздушном шаре или шагая с рюкзаком за спиной к линии горизонта; можно наслаждаться ими, читая Карамзина, Ключевского, Соловьева; можно поклоняться им, перелистывая страницы четьих-миней¹. «В Россию можно только верить»². И лишь верой постигать ее самые величественные, самые значимые вершины, иные из которых так высоки, что теряются где-то среди невообразимых просторов вселенной.

27 сентября, в день праздника Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, промыслом Божиим, я оказался на одной из таких вершин...

Священный холм подле Старого Изборска. «Идея создания памятника возникла около полутора лет назад. Она принадлежит писателю, публицисту, общественному деятелю Александру Проханову. Идею поддержала группа известных в России и Псковской области людей: доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор

¹ Жития святых.

² *Тютчев Ф. И.* «Умом Россию не понять...», 28 ноября 1866.

Анатолий Кирпичников, генеральный директор ФГУП «Адмиралтейские верфи» Владимир Александров, заслуженный деятель искусств РФ, реставратор Савва Ямщиков, руководитель инвестиционной группы «Монолит», общественный деятель Александр Нотин и недавно погибший в авиакатастрофе генерал армии Геннадий Трошев. Для установки памятника был выбран Старый Изборск (Печорский район, Псковская область), поскольку, по мнению инициаторов, именно с Псковской областью связано становление государственности России»³. Так пишут в прессе.

Мне представляется иная картина. Каким образом узнаем мы о существовании законов физического мира? Быть может, их придумывают ученые для вящей пользы человечества, для облегчения нашей жизни? И школьник ответит, что ученые законы не создают, а открывают. Где-то на скрижалях мироздания отточенный талантом, образованием ум исследователя находит нужные строки и переносит их на нашу сторону бытия. И вот они уже на страницах научных трактатов, учебников, вот они воплощаются в жизнь...

Наверное, Александр Андреевич Проханов, в силу присущего ему художественного дарования, разглядел предвечно существующую идею этого холма, осмыслил, сформулировал. Таким образом, ему принадлежит собственно не идея создания холма, а духовное прозрение этой идеи?

Как бы там ни было, Старый Изборск сам по себе всегда был духовной вершиной Руси. Тут рождалась ее главные смыслы, свершались величайшие события. И именно здесь убеждаешься, что Святая Русь скована из крестов, и через кресты восходит солнце... Сколько их, этих славных свидетелей православной старины — святых крестов — вырастающих прямо из матери-земли в цветущих долинах, на вершинах и склонах холмов, у святых источников? Кресты поклонные, памятные, намогильные, вырубленные из огромных цельных камней — это не только свидетели славной истории Святой Руси, но и охранители, оградители западных русских рубежей от бед и напастей, от врагов и супостатов. Вот еще один поклонный крест, венчающий священный холм. В нем, кресте, сила этого места! Он в своем вечном воздвижении поднимает в небеса все, что ему предлежит и предстоит. Это он освящает землю, камни, весь холм, исполняет его энергией, смыслом, силой...

Как не любить Александра Андреевича за его талант, мужество, духовную красоту? Но иногда согласиться с ним просто невозможно. Мысль его иной раз заносит в страну далече — очень далече. «Священный Холм» зажил своей жизнью. Своими корнями, как растение, он зацепился за русскую историю...»⁴ Какие-то нездоровые ассоциа-

³ <http://informpskov.ru/society/45914.html>.

⁴ Александр Проханов: «Псков является духовной матерью России». <http://www.culture.pskov.ru/ru/news/interview/event/3733>.

ции рожают эти слова — шевелящиеся, цепляющиеся, ползущие... «Здесь, в Холме, живут Матросов, Пушкин, Невский, Петр Первый, 6-я рота, старец Филофей»⁵. Да не здесь, Александр Андреевич! Другие места уготовал Господь всем отошедшим в вечность. Есть рай, есть, и, соответственно — ад. А внутри холма могут жить насекомые, микроорганизмы и т.д. «Он (т.е. холм — *И.И.*) жив и будет жить, даже когда нас не станет...»⁶ Я надеюсь, что все-таки бессмертная душа дана нам, людям, а не холмам и долинам, и поэтому мы, люди, будем жить и тогда, когда вся материя распадется на атомы, и сами атомы исчезнут. Можно, конечно, объяснить все это афористичностью мышления писателя Проханова, насыщенностью его художественного языка метафорами, образами и т.д. Но создавать языческие легенды у основания креста Господня, у подножия главного символа христианства — дело никуда негоднее даже для столь известного и талантливого писателя. «Нет другого ключа, — говорит святитель Игнатий (Брянчанинов), — который бы отверзал врата в Царство Божие, кроме Креста Христова». Крест Христов! Не земля, но именно он делает холм священным! В нем, кресте, освящающая и преображающая мир сила. Готов повторять это многократно, тихо и громко, в любое время и в любом месте...

Что же касается 6-й роты, подвига, войны... Мне приходят на ум слова Расула Гамзатова: «Искры рождаются от ударов камня о камень. Война не прибавляет людей на земле, но она прибавляет на земле героев»⁷. Очень точная мысль...

Ударяются друг о друга камни войны. Энергия удара рождает искры, которые еще за мгновение до этого были частью камня. А теперь они улетают в вечность. Это герои, зачастую мы даже не знаем их имен...

Какова логика подвига, логика героизма? Иногда это долгая дорога от начала жизни до яркой вспышки в ее конце. Каждый шаг здесь — это воспитание мужества, стойкости, воинского умения и мастерства. Таковой путь, например, проходили мужчины в древней Спарте.

В горах Дагестана говорят так:

- Что самое отвратительное и уродливое на свете?
- Мужчина, дрожащий от страха.
- Что еще уродливее и отвратительнее?
- Мужчина, дрожащий от страха⁸.

У каждого народа есть своя дорога к подвигу. Иногда по ней следуют единицы, иногда — целые отряды, роты, полки. Но даже если их много — они все равно избранные и поэтому притягивают к себе

⁵ Александр Проханов: «Псков является духовной матерью России». <http://www.culture.pskov.ru/ru/news/interview/event/3733>.

⁶ Там же.

⁷ Расул Гамзатов. Мой Дагестан. Махачкала, 2008. С. 172.

⁸ Там же. С. 195.

взгляды, мысли, думы обыкновенных, живущих на грешной земле, людей. Я хочу взглянуть на тех, кто идет дорогой подвига моего народа, русского народа. Что двигало ими, что определило их выбор?

Девяностые годы. Раздрай, разлад, разброд. Ложь, грязь, воровство, предательство. Все святое попрано, изолгано, изорвано. И в это безвременье растут, становятся личностями миллионы молодых людей. Что это за личности? Чем наполненные? К чему стремящиеся? На эти вопросы, наверное, исчерпывающе ответил бы фильм «Бумер». «Не мы такие, жизнь такая», — оправдывает свою жестокую и никчемную жизнь один из главных героев. Казалось бы, нет ни малейшего повода для оптимизма. Все проиграно. Но...

Памятник единству и славы России «Священный Холм»

Самое начало марта 2000 года. Даже у нас во Пскове тогда еще мало кто знал, что есть на свете 6-я рота, а в ней девяносто русских чудо-богатырей — «крылатая пехота небесного полка». Помню, по следам события, 13 марта 2000 года, в первый день Великого поста, я написал для городской газеты такие слова: «Прощеное воскресенье. Почти середина марта, но — мороз и холодный ветер, который обжигает и бросает в лицо злые колючие снежинки, будто только что сорванные с чужих заснеженных вершин... Истыкорт, высота 705,6... Возможно, такой же недобрый ветер со снегом с горных вершин врывался в изрытые пулями, изломанные яростью вражеской атаки окопы шестой роты — последней надежды на защиту для сотни русских парней. Была ли у них возможность избежать этого рокового боя и сохранить свои жизни? Наверное, да. Но они сделали выбор и стояли насмерть. Это был сознательный шаг, момент истины. Они

сделали выбор и рядом с раскаленными стволами автоматов положили свои драгоценные (а что же еще дороже?) жизни прямо на бруствер, ставший в то мгновение тем самым алтарем Отечества, который никто не видел воочию, но который незримо всегда рядом, когда Родина нуждается в наших жизнях...»

Война высекла свои искры. Совсем недавно они были подобными тем парням из фильма «Бумер», а теперь они искры, они герои, павшие герои, и их души, пронзая небесный купол, летят к своему Творцу и Богу...

Я слышал, что один из воинов 6-й роты совершил на родине преступление и, чтобы скрыться от руки закона, завербовался в контрактники. Он погиб геройски и награжден посмертно. Если бы он мог знать об этом, — меня мучает этот вопрос! — если бы знал, повторил бы свой выбор? «Да!», — отвечаю я за него, но вопрос все равно остается, пусть не для меня, для кого-то другого. Ведь столько сил было положено, что бы ответом всегда звучало «нет». Столько средств, изобретательности, изворотливости, столько денег за последние двадцать лет потратили наши «партнеры» извне и их коллеги, последователи, внутри, чтобы отрицание, забвение, предательство стало энергиями и смыслами дальнейшего развития России. У них нашлись (и находятся по сей день) для этого силы. Все, что было у нас лучшего, святого, красивого, неповторимого они сложили в ящик, закрыли крышкой, и закрутили на ней колесо «Поля чудес», запустили фабрики звезд, развесили кривые зеркала. Они, верно, надеялись, что отголоски этого бесконечного шабаша закроют уши нашим воинам там, в ущелье Истыкорта, парализует волю, что ничто родное, исконное, святое уж не придет им на память, не вспомнится, не поддержит, не укрепит. Какой вздор! Читайте Гоголя, господа. «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»

Я слышал, что один из воинов-десантников, пулеметчик, уже неоднократно раненый, все стрелял и стрелял во врага; он оперся спиной о дерево и пули противника, попадая в его тело, словно гвоздями, прибивали его к стволу, смешивая его кровь с древесным соком. Позже, этот смертельный союз двух теперь кровных братьев, разъяли с большим трудом, и смертоносный свинец, словно боевые награды, остался на древесном мундире... «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила...» Воистину!

У русского человека была и есть своя дорога. Да, можно его запутать, забить его голову дрянью, запорошить сором и пылью глаза, но суть России, ее смыслы все равно останутся у него внутри. И когда судьба, время сделают его камнем войны, он вспомнит: кто он, откуда и для чего предназначен. И превратится в искру... Кем бы ни был русский человек, покуда он не растерял свою русскость, он останется тем самым искателем Китеж-града, у которого кроме тощей котомки и Евангелия ничего нет, да и не надо ему ничего

другого. А Евангелие всегда напомним о том, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15, 3). Поэтому подвиг для него — всегда рядом, всегда желанен, даже если (по забывчивости) он этого и не знает.

Невозможно без духовного восторга и умиления вспоминать подвиги наших предков. В 1341 году отряд рыцарей-латинян опустошил селения в районе города Гдова. Пятьдесят псковичей под предводительством Карпа Даниловича Колеки двинулись «воевать Занаровье» за обиду, нанесенную гдовичам. Не удивительно ли — не зная с каким числом противника придется столкнуться, крохотная дружина псковичей отбывает практически в неизвестность. А вдруг там сотни, тысячи врагов? Это же верная смерть. Нет, совесть не велит русскому человеку оставить брата в беде. Вперед, в бой! А там уж будет ясно все остальное. Летопись сообщает, что дружинники эти, встретившись с немцами при Кушельском озере, дали бой рыцарям, из которых 20 убили, а прочих обратили в бегство. Так свершались и свершаются подвиги — не по приказу, а исключительно по велению совести!

Совесть... как только станет она основой, средоточием существования народа, главной его жизненной силой, к нему, народу, тот час вернется его величие, гордая осанка, и твердая поступь. Я восхищаюсь красотой своей страны, заглядывая, например, в XIX век. Преклоняю ухо и слышу могучую поступь Русской Империи... В чем она выражается? В количестве штыков, пушек, военных кораблей? Это важная часть мощи и величия государства, но, на мой взгляд, не главная... Мысленно переносюсь в Гуниб. Август 1859 года. Последний оплот Шамиля пал, имам пленен. Двадцать пять лет противостоял он Белому Царю и всей мощи Империи. Казалось бы, теперь, когда главный враг России повержен, балом будет править месть... Но торжествует милосердие — главное свидетельство величия любого государства. Шамиль, как почетный пленник, отправлен в Санкт-Петербург, с ним его семья. Затем спокойная жизнь в Калуге. В 1870 г. Шамиль получает возможность совершить паломничество в Мекку. 4 февраля 1871 г. имам скончался в Медине, где и был похоронен недалеко от святынь ислама, на кладбище Джаннат эль-Баки. Так закончилась жизнь этого выдающегося человека. Великая страна могла позволить себе совершать великие поступки!

Любуюсь тобой, Россия! Мне дороги каждый знак, каждый символ твоего величия! Вот я в Бежецке — небольшом уездном городке Тверской области. Раннее утро 2 августа 2008 года. Едем осматривать достопримечательные места. Первое и наиболее запавшее в душу — село Еськи. Странное на слух название. А этимология проста: «Есь или Язь, — как объясняет словарь Даля, — частокол или плетень поперек всей реки, чтобы не дать рыбе вверх хода и выловить всю

на месте». Примерно двести пятьдесят дворов!⁹ Дома — постройки начала XX (но немало и XIX) века и все больше двухэтажные, окна в резных наличниках. Водился здесь большой рыбный промысел, а также пошивали селяне обувь для армии — это приносило приличный доход и купцам, и просто трудовому люду. Обо всем этом рассказывает замечательный бежечанин Анатолий Николаевич Степанов, он и сам, на манер местных трудяг-купцов, что называется, ладно скроен, крепко шит, а глаза — голубые, ясные и очень теплые. У него обширное по местным меркам производство пиломатериалов. «Богатое было село, — говорит Анатолий. — Сейчас, конечно, подопустело. Большинство домов лишь летом оживают. Ну а раньше...»

Село Еськи, вид на Богоявленский храм

Что было раньше, понимаешь, когда село лишь открывается в перспективе поля. Глаз ухватывает шпиль колокольни, купола храма. Подъезжаешь ближе и видишь, что храм недействующий, или лучше сказать — сиротствующий. Пока, по крайней мере. На крыше зеленеют кусты, и даже небольшие деревца, глазницы окон пусты и черны. Но над главным из пяти куполов возносится крест и понятно, что это явление самого последнего времени (так что насчет «пока» — не пустые слова). Главное же — масштаб этого храма, он и сейчас, пережив столько лихолетий, не утратил величия и стати. А в пре-

⁹ А в прежние времена, по словам Анатолия Степанова, было пятьсот. Есть еще одна особенность этого места — войны и лихолетья XX века обошли его стороной. Ни взрывы, ни пожары, ни прочие проявления человеческой ярости и злобы не потревожили этих смиренных жилищ, благословляемых крестами пятикупольного Богоявленского храма.

жные времена? Поражал воображение! И в столицах таких немного найдется. Кто построил? Как? Ведь это все-таки простое село, хотя и крупное. Анатолий объясняет: «Местные купцы, крестьяне, вкладчину, всем миром и построили этот святой храм во имя Богоявления Господня...» Вот это был мир! Аж дух захватывает. И еще — чувствуется поступь Великой Империи. Лишь она могла вдохновить так грандиозно замахнуться... И довести начатое дело до конца! Чудны дела Твои, Господи!

Анатолий рассказывает о своих планах относительно возрождения родовой дедовской деревни Горни, нынче по наличию постоянных жителей весьма скромной. Но пустующие дома оживут, наполнятся детским гомоном, приедут сюда люди из разных городов, весей, республик. Вдохнет, проснется от долгой спячки школа, крикнет, зазвонит веселым звоном, закрипит половицами, захлопает партами, столами, дверьми... И музей появится. Появится! Куда ж ему деваться? Вот она жизнь! Вот она радость! И я верю Анатолию. Такие люди не умеют лгать, да и Бог таким людям — первый помощник.

Легко дышится и легко верится, что расцветет моя страна, моя Россия! Зазеленеет она, заколосится, покроется яблочно-вишнево-сливовым цветом. Над Кавказом, Средне-Русской равниной, Поволжьем, Уралом, Сибирью... полетят клином белые журавли, подавая нам голоса. Мы будем знать, что это солдаты, но еще и поэты и махать им вслед. А с высоты птичьего полета так хорошо видны вершины — вершины России!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

Русский КОСМОС

Владимир ВАРАВА

ТАИНСТВО ДЕТСТВА В ФИЛОСОФИИ ВАСИЛИЯ РОЗАНОВА

Владимир Владимирович Варава — преподаватель философии и культурологии. Работает на философском факультете Воронежского Государственного университета и в Воронежской духовной семинарии, член редколлегии журнала «Подъем», доктор философских наук. **Живет в Воронеже.**

О, мое печальное детство...
О, мое печальное детство...
Почему я люблю тебя так
и ты вечно
стоишь передо мной?
«Больное-то дитя» и любишь...
В.В. Розанов

«Мир не хочет быть плоским и ясным...»

Философы, занимаясь вопросами выявления сути мироздания, его происхождения и т.д. как правило, игнорируют тему детства. Ни в одном систематическом изложении философии, ни в одном учебнике нет темы детства как самостоятельной философской проблемы, с которой, возможно, и следует постигать сущностную природу человеческого бытия.

Детство полагается сферой педагогики, психологии, в очень малой степени — антропологии, и совсем не воспринимается философией. Но если взглянуть пристальнее в смысл и назначении философии, в ее изначальную коренную суть, то нахождение *первопричины сущего*, то есть уяснение вопроса о *Бытии в его Тайне*, есть и остается главным философским вопросом. И здесь важно то, что это интересно и важно именно для человека, так как искомое первоначало сущего каким-то абсолютно непостижимым образом связано с человеком. Все вопросы теории познания, онтологии и прочее имеют смысл только потому, что их задает человек. Первоначало связано с человеком, в человеке следует искать ответа на *все* фи-

лософские вопросы, если это вопросы не праздные. И поэтому *реакция человека на Бытие* и есть сущность любого метода познания, претендующего на то, что бы быть философским методом.

Подлинно философское постижение мира должно начинаться и заканчиваться изучением человека, и, прежде всего человека в его «пограничных состояниях» — рождения и смерти. *Философское архэ* коренится в человеке. Вот почему тема детства должна присутствовать в качестве первой и главной темы вообще в философии.

Детство — это первая встреча человека с миром (и самим собой), это вообще первая реакция на Бытие. Что может быть более интересным для философского наблюдения, чем эта первая реакция! И не только педагогика и психология должны изучать детство, но философия, ибо в ее сущность входит духовное раскрытие детства (раскрытие духовного содержания детства), то есть *метафизики детства*. А через детство и вообще *метафизики человека* и уже *метафизике самого Бытия*.

Никакая метафизика Бытия невозможна без предварительного уяснения смысла детства. Вот основное задание для философии — изучение духовного мира ребенка, ребенка как уже (с самого раннего возраста) *полноценного духовного существа*. Задача философии в этом свете — разглядеть, высмотреть в ребенке духоносность, тем самым провести радикальную границу между человеком и не человеком. И тогда философия выполнит свое задание — раскрывать тайну человека.

Герметичность этого периода — намек на тайну человека. Поэтому детство следует изучать не столько аналитически, но мифопоэтически, то есть конгениальным методом. Но способен ли на это взрослый, уже утративший сказочную, чудесную целостность мироздания?

Поэтому мифопоэтическое вглядывание в тайну детства, возможно, приблизит нас к нему, позволит нечто понять о той глубине и высоте мироздания, которая так ясно и очевидно открыта ребенку, и которая так, почти бесследно, исчезает по мере взросления. Не зря Христос говорит: «Будьте как дети».

Тема детства, нашедшая отражение в творчестве В. В. Розанова, столь оригинальна, столь евангелически искренна, столь необычна для «взрослого», насквозь залогизированного сознания, что проникновение в ее суть реально меняет нашу *оптику мировосприятия*. Философ весь противится тому «плоскому» образу мысли, который стал определяющим для человека современной эпохи, эпохи утратившей чудный дар — видеть мир неестественным и незакономерным. Кредо Розанова: «Мир не хочет быть плоским и ясным, как доска, как день, как утро, как биржа...»

Важно видеть за чрезвычайным многообразием тем, за внешней хаотичностью мысли, за экстравагантными пристрастиями — преданность самому главному, единому, высшему, тому, что *оплодо-*

творяет, наполняет смыслом все розановское творчество. «Лишь чадородие, то есть материнство, т.е. жалостная, кормящая любовь, его вдохновляет»,¹ — очень точно говорит о Розанове Г. П. Федотов.

И даже прот. Георгий Флоровский, давая резко негативную (и совершенно несправедливую) оценку Розанову, вынужден все-таки отметить у него самое главное — «ясновидение плоти и пола, которым Розанов был несомненно одарен»².

Вот именно с такой «чадородной оптикой», с оптикой, которая избавилась от гнетущих идолов позитивизма, на все смотрящего «естественно» и «натуралистично», и нужно подходить к ребенку, к тайне детской души.

«Выявленная мысль Божия»

«Почему я люблю так детство? Я безумно люблю его, мое страдальческое детство»,³ — раздается время от времени восторженное восклицание Розанова.

Философ буквально заморожен детством. Здесь корень всех его метафизических пристрастий, исток всех его необычайных философем. Метафизика пола, так глубоко развитая философом, скрещивается с детством как продуктом и самой главной тайной этой метафизики.

Розанов в статье «Семя и жизнь» определяет младенца как «выявленную мысль Божию, мысль — в плане создания своего, в улыбке, невинности и чудной безгрешности»⁴. Эти характеристики — *улыбка, невинность и безгрешность* и есть *полноценная духовность*, духовность, явленная в полной мере в столь немощем и беспомощном теле. Ибо улыбка — странное и непонятное, не логичное явление в столь «неразвитом» существе. Она как послание света в мир тьмы, это ее «функция», ее «назначение». Дух в улыбке — наиболее полно явлен, здесь всяческое отсутствие «физиологии», только теплота человеческих чувств. И «матерняя улыбка матери над младенцем», замечает Розанов в письме Толстому, и есть «чистая духовность».

Вот мать и дитя и образуют главную духоносную ось мира; их улыбки встречаются, и появляется свет и смысл в мире. Духовная энергия улыбки младенца превышает мощности всех остальных «энергий» этого мира (тварных и нетварных), и поэтому она есть и смыслообразующая и смыслонесущая основа мира.

Розанов еще к этому добавляет, что «живое человеческое дитя» лучше, чем молитва и гений, ибо это «непосредственная и реально вы-

¹ Федотов Г. П. В. Розанов. «Опавшие листья» // В. В. Розанов: pro et contra. Кн. II. — СПб.: 1995. С. 395.

² Флоровский Г. В., прот. В. В. Розанов // Там же, с. 399.

³ Розанов В. В. Мимолетное 1914 год // Розанов В. В. Листва (Из рукописного наследия). — М.: 2001. С. 128.

⁴ Розанов В. В. Семя и жизнь // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: 1990. С. 215.

раженная мысль Божия, так ясно несущая в невинной своей улыбке, в безгрешных глазах след только что им оставленных “миров”»⁵.

«Оставленные миры» — это предмет трансцендентной тяги человека, это то, что вообще человека делает человеком. Здесь — корень философии, религии, искусства, всякого творчества вообще. Только этих миров всегда ищет человек. А здесь, в младенце, они даны «задаром», и простой взгляд на него дарует человеку эту бесценную духовность оставленных миров. И вдохновляется человек на дальнейшую жизнь и творчество.

И не просто вдохновляет, но и поучает. Розанов-педагог это замечает в «Сумерках просвещения»: «Неуловимо, но ребенок так же воспитывает взрослого, как воспитывается им. Он от взрослого получает факты, знания, поучения (самая печальная при неумении бесполезная сторона воспитания), но своею невинностью, веселостью, играми, забавами и, наконец, зарождающимися пороками он его воспитывает, а в последнем — и угрожает. Все полно мысли, выразительности, тревог и страха, все полно содержания, одухотворенности»⁶.

Говоря о смысле целомудрия, Розанов раскрывает это понятие исключительно в духовном аспекте: «Ибо это (и именуемое у людей «целомудрием», «целостью» до возраста) есть тот личный твой и особенный, даваемый с рождением каждому младенцу, Ангел, который сохранит тебя на всех путях, на протяжении целой жизни, если ты сам его не оттолкнешь и не оскорбишь»⁷. Тем самым, духоносность младенца есть его природно-онтологическое свойство, дарованное а качестве залога, сохранения и обетования.

Бытие уже потому не абсолютное зло, как утверждает буддизм, потому что в нем есть *свет младенца*. Младенец светит светом Божиим и это и есть благословение Божье. И поэтому бытие есть все же благобытие в своем онтологическом корне, несмотря на его «испорченность» смертью.

Детство отдалено бесконечной пропастью от всей остальной жизни, и лишь только *ностальгия* — знак того, что это было, ибо детство не сон, но какая-то сладостная реальность, в которой все было *по-иному*. И Розанов дает нам понимание подлинной метафизики детства, которая раскрывает этот период не в эволюционной парадигме количественно-качественного нарастания и усложнений психофизиологических функций, но как *совершенно самостоятельный*, и что особенно важно, *полноценный (!)* период в жизни человека. Иными словами, младенец являет собой *чистую духовность*: при минимуме телесности — максимум духовности.

⁵ Розанов В. В. Смысл аскетизма // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: 1990. С. 222.

⁶ Розанов В. В. Сумерки просвещения. М.: 1990. С. 220.

⁷ Розанов В. В. Сахарна // Розанов В. В. Листва (Из рукописного наследия). М.: 2001. С. 39.

Метафизика детства, развитая Розановым, не рассматривает его в категориях недоразвитости, неоформленности и прочих «недо», (то, к чему совершенно определенно склоняется секулярная наука, видящая лишь психофизическую эволюцию в мире, в том числе в человеке), для метафизики детства этот период отмечен *особой духовностью*, которая впоследствии утрачивается. Вот почему прикоснуться к ней на миг, и есть главная задача всех наук о человеке. Но само детство остается закрытым.

Дети нам важны и дороги не потому, что они станут взрослыми, а сами по себе, фактом своего лучезарного бытия.

«Кардинальная тайна мира»

Духовное понимание детства выражено Розановым вполне в «Новых эмбрионах»: «Аскет никогда не носил младенца на руках; он не держал потной руки роженицы в руке своей и, дрожа сам в страхе, не удерживал ее от боязни; в утешение, в успокоение он не читал около ее подушки: “Живый в помощи Вышняго...” Не слышал утреннего пробуждения своих малюток, когда они путаются со своими чулочками и башмачками. Не томился над умирающим ребенком. О чем же он судит?»⁸

Аскет в данном случае может пониматься не только в сугубо религиозном смысле; аскет тот, кто игнорирует *таинственную ипостась* детства. Проходя мимо детства, он (аскет) проходит мимо самого бытия, ибо в ребенке концентрируются центральные его смыслы и сущности.

Говоря о поле как о «странном физиолого-мистическом» явлении, философ пишет: «...нет области, менее освященной и даже едва ли освятимой в глубине: эпитет *тайны* — особенно приложим сюда. Неисследимое, непознаваемое или, по крайней мере, с великими усилиями и очень малыми дозами познаваемое»⁹.

Тайна — не случайное слово, но сама суть процесса «зарождения», «происхождения» жизни. Розанов делает интереснейшее наблюдение относительно невозможности для человека проникнуть в самое сокровенное, самое интимное и потаенное — *механику появления нового*. Он пишет: «Эмбриологи замечают, что в важнейшие секунды процесса развития живого существа и в важнейших точках, где сосредоточено это развитие, происходит *помутнение*: процесс двигался расчлененно, прозрачно; он будет далее двигаться столь же прозрачно и расчлененно, но на критической точке, в критическом переломе вдруг появляется *мутность*, и все силы микроскопа и острота скальпеля или иглки оказываются неприменимы. Мутность длится минуты, получасы: в ней совершается что-то очень деятель-

⁸ Розанов В. В. Новые Эмбрионы // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: 1990. С. 302.

⁹ Там же. С. 306.

ное. Но об этом можно только догадываться, ибо, когда после наблюдений вновь становится прозрачно-видимым, все части прежнего эмбрионального существа являются существенно преобразованными: *как, какими силами* — это-то, очевидно, природа и вырвала из-под любопытствующего взгляда человека»¹⁰.

Это наблюдение раскрывает тщетность технократических претензий науки, являющихся в сущности технократическими утопиями, понять и объяснить весь процесс зарождения, рождения и развития жизни.

Много интересного, связанного с появлением жизни, подмечает Розанов. «Чадорождение», по мысли философа, и свято и спасительно. Философ обращает внимание на то, с каким священным трепетом люди всегда относятся к «имущей во чреве». Беременная женщина — существо особого рода. В ее «недрах» свершается таинственный процесс зарождения, созревания и появления нового, ранее не бывшего. Таинственное «ничто» во чреве матери — прообраз тайны самого бытия. Претворение, переход, скачок, рывок *ничто в нечто* — вот непостижимый принцип образования сущего как такового. И женщина является и пассивным «объектом», и одновременно активным «субъектом» этого процесса.

Здесь Розанов делает принципиальнейшее разведение двух типов мировоззрения, по разному смотрящих на единый процесс появления жизни. Он пишет: «...стоя перед этим явлением, должны или вдаться в плоскую пустынную Геккелева-Дарвинова созерцания, о коем читается в неделю Православия: “мир мниша быти без Бога — анафема”; или сейчас и здесь, стоя лицом перед кардинальною тайною мира, перед труднейшей его задачей и вместе — задачей самой высокой по предмету сюда замешанному (человек), мы будем “мнить мир с Богом”, но с “Богом” именно отсюда начиная, здесь и впервые Его непосредственно, субъективно, в таинственном материнстве ощущая»¹¹.

На таинственный характер младенчества восторженно и вдохновенно указывает Августин с первых страниц «Исповеди»: «И вот младенчество мое давно уже умерло, а я живу. ...Младенчество не исчезло — куда оно ушло? и все-таки его уже не было».

Августин ясно говорит о том, что невозможно постичь сущность младенчества непосредственно, здесь нет ни опыта, ни памяти. Для окружающих — младенец, как и умерший, абсолютно герметичная сущность. Августин говорит, что желания в нем, а окружающие — вне его, и «никаким внешним чувством не могли они войти в мою душу».

Это далеко не случайно; в этом одна из особенностей детства, его глубочайшая черта — *закрытость от мира взрослых*. Не только

¹⁰ Розанов В. В. Новые Эмбрионы // Розанов В. В. Религия и культура. Т. 1. М.: 1990. С. 306.

¹¹ Розанов В. В. Семья и жизнь // Там же. С. 211.

отдаленность событий, не только слабое «развитие» психики и сознания являются препятствиями при изучении детства, но именно его недоступность взгляду взрослого.

Чудо ребенка еще и в том, что жизнь, согласно Розанову, есть дар. Для человека, говорит философ: *«Его личная жизнь — единственный новый факт, который он с собою приносит на землю. Он рождается для своей жизни, и его жизнь есть дар Божий земле. Каждого человека Бог дарит земле. В каждом человеке Земля (планета) получает себе подарок»*¹².

«Единственная и бесспорная безгрешность»

Полноценная духовность младенца раскрывается еще в такой его черте как невинность. Это, естественно, не только Розанов заметил, но он сказал об этом удивительно. В «Сахарне» он возмущался не без иронии: «Удивительно, упрекают меня в порнографии (и суд, и цензура), когда и капельки ее нет во мне и единственно оно сидит у цензоров, судей и литераторов. Конечно, я «это» все считаю священным: да *как* же иначе, если у меня есть дети? *как* же иначе, раз я имею отца и мать?»¹³

Нevinность — особо невероятное свойство человеческого существа, ибо человек всегда в чем-то виновен. Обвинить человека хочется всякому, и действительно, процесс протекающей жизни изначально отмечен неистребимой печатью вины. «Все за всех виноваты» — так у Достоевского.

Вот почему невинность поражает и потрясает. Розанов пишет: «Передо мною младенец. Совершенно очевидно, что его предикаты суть предикаты... “кофейного зернышка”. Проходит час, идут часы, и, не отрываясь, я пронизываю его взглядом: это — не только сияние жизни, в той свежести и чистоте, которую мы утратили “под затемняющими ветром и стихиями”, но и совершенно ясно, что это — безгрешность, и собственно — это единственная и бесспорная безгрешность, какую на земле знает и испытывает человек»¹⁴.

Вдохновенный взгляд философа ухватывает абсолютное в младенце, то, чему нет на земле аналога — *«единственная и бесспорная безгрешность»*. Это свойство не может не тронуть сердце грешного человека, для которого грех — короста, тяжесть, бремя зла. Безгрешность уже переходит в святость, причем в святость особого рода — не заслуженную, а дарованную. Детская святость — это святость особой благодати Божией. Розанов продолжает: «“Невинность” — мы говорим о младенце; но только ли это одно? Не виновен ни в чем и камень, и есть разница в содержании этих предикатов у него и у

¹² Розанов В. В. Сахарна // Розанов В. В. Листва (Из рукописного наследия). М.: 2001. С. 23.

¹³ Розанов В. В. Сахарна // Там же. С. 37.

¹⁴ Розанов В. В. Семя и жизнь // Там же. С. 209.

младенца: младенец имеет положительное в себе, т. е. в нем есть не только отсутствие греха, но и присутствие святости»¹⁵.

Это «присутствие святости» освящает все вокруг себя. И аскеты Фиваиды (по язвительному, но, скорее всего справедливому замечанию философа) не достигают того уровня святости, который дарован младенцу. Освящает младенец, прежде всего, дом, в котором он пребывает. Чуткий взгляд Розанова отмечает: «И в самом деле, не замечали ли вы, что дом, в который вы входите, — когда он не имеет детей — мрачен и темен; именно духовно темен; а с играющими в нем детьми как будто чем-то светится, именно духовно светится. ... дом потому светится детьми, что в сущности он ими освящается, санкционируется в бытии своем, в труде своем, в своих заботах. Этот возящийся около ящика с игрушками мир, двух- и трехгодовалый мир, есть уже осуществленное “Царство Небесное”. Около него, как земля и подножие, раскидывается вся остальная жизнь»¹⁶.

И как педагог Розанов точно улавливает: «Семья... перестала согреваться, ибо дети-то и согревают семью. Посмотрите, как скучно и безуютно в бездетных семьях... Семья согреется и просветлеет детьми...»¹⁷

Невинность, безгрешность, святость, все эти так называемые, по Розанову «предикаты младенца», служат духовной цели — преобразению и спасению человека. Всякий человек не может не умилиться при виде младенца, наиболее жестокие и злые сердца посещает радость и теплота. Это можно проверять эмпирически бесконечное количество раз. Реакция взрослого на младенца — всегда одна и та же.

Розанов, вслед за Достоевским, замечает, что «для понимающего человеческую природу нельзя без слез смотреть на младенца». Что это за «без слез»? Этот вопрос приводит нас к самому важному философскому откровению, к той тайне, которую несет в себе ребенок. Розанов спрашивает все более пафосно, настойчиво, стремительно: «Откуда это, тоже, пожалуй, трансцендентное волнение в нас? Ибо что нам ребенок? Чужой? Беспомощный? Но как-то, глядя на него, мы и в себе пробуждаем как будто видение “миров иных”, только-что-только оставленных этим малюткой....

Младенец и в нас пробуждает чувство этих только что им оставленных миров, коих свежесть, яркость, а также и святость он несет на губках своих, на безлукавых глазах; и, бросая всякое дело, мы к нему бросаемся»¹⁸.

Трансцендентное волнение — очень точное и глубокое определение чувства соприкосновения с мирами иными через младенца. И трансцендентное волнение уже переходит в волнение житейское, т.е.

¹⁵ Розанов В.В. Семя и жизнь // Розанов В. В. Листва (Из рукописного наследия). М.: 2001. С. 209.

¹⁶ Там же. С. 209-210.

¹⁷ Сумерки просвещения. С. 220, 222.

¹⁸ Розанов В.В. Семя и жизнь // Там же. С. 215.

достигаемое по поводу детей наибольшей силы. Розанов тонко и точно замечает это в следующем фрагменте из «Сахарны»: «Со времен Гутенберга литература (нечаянно?) попала в яму и говорила все время какие-то формальные, ненужные слова, “он” для “него” и, естественно, что при крике “ребенок захворал” всякая (всякий) бросал раз-Шекспира к черту.

Меня тоже бросят, но разница в том, что Шекспир обиделся, а я кричу мамаше, чтобы она меня бросила к черту, и рад, что бросила, ибо я понимаю и кричу, что “ребенок”, а не “книга”, “жизнь”, а не “литература”¹⁹.

Такова абсолютная ценность ребенка, что даже для «литератора» Розанова ребенок, а не книга будет иметь больший онтологический вес.

Святость достигается не только невинностью и безгрешностью, но имеет даже более глубокие, бытийные основания. Святость — это свет, пронзающий темную, то есть заостеневшую во зле и смерти, твердь непреображенного мира. Свет вечности врывается в плотный мрак смерти, поселившейся в наличном мире. Этот свет — энергия Божией благодати, только ей под силу просветить смертную беспросветность.

Святость ребенка в том, что ему неведома смерть. Неведома ни как понятие, ни как реальность. Неведома в том смысле, что у взрослого мысль о конце вызывает жгучий ужас, панику, и капитуляцию духа. У ребенка этого нет. Его душа защищена от губительного действия смертоносного яда, его сознание танатогерметично. Оно не вмещает смерть не по «недоразвитости», а по особой благодати Божией. И когда тезаурус ребенка сформирован достаточно полно, что отражается в полноценной картине мира, и в этом тезаурусе есть лексема «смерть», но она лишена того «плотного ужаса», непрозрачности, которая свойственна взрослому. Детская дарованная святость просвечивает смерть до уничтожения смерти, ибо в *эдемском сознании младенца* нет зла, ибо нет его и в самом Эдеме.

Глубокое желание личного бессмертия, теплящееся в душе то в виде робкой надежды, то в виде свирепого порыва, свойственно каждому. И то, что в детях, пусть не полно, а хотя бы частично, это желание находит осуществление, — совершенно бесспорно. В. В. Розанов в книге «Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского» определенно указывает на эту особенность людей: «Жажда бессмертия, земного бессмертия, есть самое удивительное и совершенно несомненное чувство в человеке. Не оттого ли мы так любим детей, трепещем за жизнь их более, нежели за свою, уже увядающую; и когда имеем радость дожить и до их детей — привязываемся к ним еще сильнее, чем к собственным»²⁰.

¹⁹ Розанов В. В. Сахарна // Розанов В. В. Листва (Из рукописного наследия). М.: 2001. С. 63.

²⁰ Розанов В. В. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского. Опыт критического комментария // Розанов В. В. Мысли о литературе. — М, 1989. С. 42.

В своих наиболее глубоких наблюдениях и прозрениях розановское понимание детства созвучно Достоевскому. А у Достоевского дети имеют иной онтологический статус, чем взрослые, они «страшно отстоят от людей, совсем будто другое существо и с другой природой». По словам старца Зосимы, который и сам (как и любой старец) являл образ детской кротости, дети «живут для умиления нашего, для очищения сердец наших, и как некое указание нам».

Таково понимание детства как таинства, присущее двум наиболее одухотворенным русским философам.

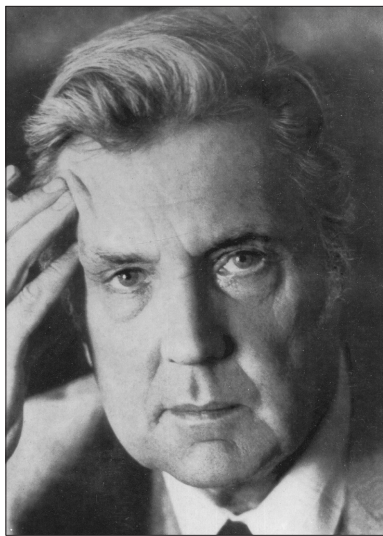
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Илья ГЛАЗУНОВ

ПОИСКИ ПУТИ

Илья Сергеевич Глазунов — родился в 1930 г. в Ленинграде. Ректор Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Действительный член Российской академии художеств, профессор, народный художник СССР, почетный член Королевских Академий художеств Мадрида и Барселоны, кавалер «Золотой медали Пикассо» награды ЮНЕСКО за вклад в мировую культуру. Лауреат премии Джавахарлала Неру, лауреат Государственной премии Российской Федерации. **Живет в Москве.**

В нынешнее время создается много работ, чаще всего философско-культурологического толка, пытающихся осмыслить понятие творчества, рационально, механически исследовать его истоки и перспективы, что на самом деле немислимо без духовного опыта, без постижения главного бытийного вопроса — вопроса о смысле жизни. Только тогда, когда художник задумывается над тем, для чего он живет, для чего творит, к чему стремится, — если не для удовлетворения своих временных амбиций, а во имя непреходящего, — он приближается к истинным основам творчества. О том, как для молодого художника сложен путь в этом направлении, сколько на нем искушений и обманных, подстроенных темными силами тупиковых ответвлений, сколько нужно надежды и веры для всех преодолений, пишет выдающийся наш современник, всемирно известный художник Илья Глазунов в своей многоплановой книге «Россия распятая». Литературное повествование, посвященное вопросам творчества, кажется, не претендующее на серьезные научные обобщения, не изобилующее философской терминологией, — по своей эмоциональной силе, сердечной правдивости, исконной русской духовной мудрости приближается к достойным образцам национального литературного творчества, всегда отличающегося особой силой художественного образа, которому автор верен и на живописном поприще.

Неспроста рассказ о творческих поисках в свои молодые годы Илья Сергеевич начинает с поэтического определения того времени, ощущаемого им, как время «надежды и веры большой». Таково ли было оно на самом деле, или надеждой и верой был

осенен путь одаренного, трудолюбивого молодого художника, который с одухотворенной решимостью преодолевал и это время, и самого себя. Когда-то Серафима Саровского спросили, почему на Руси стало мало святых, на что он ответил — «решимости нет». Как для духовного, так и для творческого подвига, нужна решимость, под которой Серафим Саровский подразумевал, конечно, решимость жертвования собой во имя избранного пути. Не только художникам, но творцам всех видов искусств, музыкантам, архитекторам, актерам, должны быть интересны литературные раздумья на темы художественного творчества такого одаренного человека, как Илья Глазунов. Ведь любой творческий процесс имеет одну онтологическую природу и является выражением любви, любви не абстрактной, но конкретной, решительной, выдающей и передающей в художественных образах постепенное зримое движение к благодати, к Богу.

По согласованию с автором, Ильей Сергеевичем Глазуновым, мы публикуем главы из книги «Россия распятая» (издательство «Голос-Пресс», Москва, 2008).

*Истинный художник тот,
кто умеет быть самим собой,
возвыситься до независимости.*

Михаил Нестеров

*Было время надежды
И веры большой...*

Александр Блок

Школа — это крылья художника

Я часами просиживал в рисовальном классе и анатомическом кабинете, а потом шел в библиотеку, где до рези в глазах всматривался в рисунки старых мастеров, не переставая изумляться их гармонией, совершенством художественной формы. Копируя работу великого мастера, будто беседуешь с умным, всезнающим учителем и потом по-новому смотришь на мир и натуру. Мое глубокое убеждение, что один из самых действенных методов обучения начинающих художников — это работа с натуры и параллельное копирование старых мастеров. Кто лучше может рассказать о законах классической композиции, чем Веронезе, Тинторетто или Рубенс? Одной из самых совершенных композиций в мировом искусстве можно назвать «Афинскую школу» Рафаэля. Копировать это произведение доставляет неизъяснимое, на всю жизнь запоминающееся наслаждение. Рафаэль в своем творении убедительно рассказывает о единстве целого и детали, о философии творческого замысла, о виртуозном мастерстве воплощения задуманной идеи, сочетающей необходимое количество персонажей с глубочайшим осмыслением всей античной философии. Платон и Аристотель — в центре, как носители противоположных начал идеализма и материализма. Как найдены фигуры, какие ритмы движений, что за удивительная поэма, где рифмой служит бесподобная пластика человеческого тела! Когда я впоследствии увидел «Афинскую школу» в Ватикане, то был заново поражен этим шедевром, написанным двадцативосьмилетним гением.

Глядя на произведения Микеланджело, Леонардо, Рафаэля, нам, людям XX века, трудно поверить, что такие титаны жили на земле. Долгие вечера просиживая над легкими, как канцоны Джилли, набросками Рафаэля к его бессмертным ватиканским фрескам, я все более убеждался, что эта кажущаяся легкость — результат напряженного труда и школы, строгой системы художественного видения, где сочетаются высокий порыв вдохновения со строгими ремесленными приемами, передаваемыми от учителя ученику. Строгая система старых мастеров Италии, как и наших иконописцев, предусматривала решительно все: от рецепта грунта до практического воплощения на холсте художественного замысла. Но, несмотря на сходство требований и общность художественных приемов, искусство прошлых веков изобиловало творческими индивидуальностями — даже небольшой художник находил свое достойное место в творческом хоре мастеров своего времени. Глядя же на произведения искусства нового времени, поражаешься другими качествами. При всем кажущемся разнообразии манер и приемов — почти полное отсутствие подлинно самобытной творческой индивидуальности.

Все мы горели жаждой познания, как нам говорили, «законов формы» и технологии старых мастеров. Студенты академии были разные по возрасту, судьбам и путям, приведшим их на одну студенческую скамью. Среди нас были люди, прошедшие войну, изрешеченные пулями. В солдатских гимнастерках сидели они рядом с немцами из ГДР. Были воспитанники Ленинградской средней художественной школы, «иногородние» — выпускники других художественных училищ и техникумов. Но уже после нескольких лет обучения постороннему наблюдателю многие наши работы, выставленные на отчетных студенческих выставках, казались похожими одна на другую — как, впрочем, во всех академиях мира.

Студенты часто не успевали думать об этом в погоне за освоением и изучением натуры. Фотографическое видение некоторыми считалось реалистическим. Для иных это умение повторить формы видимого мира и означало овладение мастерством, творчество у многих понималось как умение художника грамотно исполнить картину на заданную тему. Однако мои друзья понимали, что творчество далеко не исчерпывается ремесленными навыками, и, освоив «алфавит и грамматику», мучительно думали о назначении и смысле творчества, о том, что сказать людям. Исполняя композиции на заданные темы, некоторые из нас не испытывали радости вдохновенного труда.

Обуреваемые вихрем противоречивых размышлений о тайнах искусства, заходя в академический музей с целью поучиться на великолепных образцах академической школы времен Александра Иванова и великого П. П. Чистякова, мы в который раз убеждались, что, как это ни странно, часто первые номера, которыми дореволюционная академия отмечала лучшие студенческие работы, принадлежали людям, не оставившим следа в истории русского искусства. Савинский, например, рисовал лучше Сурикова, Васнецова и, уж конечно, лучше Нестерова. Но, несмотря на свое виртуозное мастерство и художественную культуру, Савинский, в отличие от вышеназванных художников, не стал творческой индивидуальностью.

* * *

После смерти Сталина в библиотеке студентам стали давать монографии о Ренуаре, Дега и Моне. В Эрмитаже говорили о расширенной экспозиции

искусства нового времени; в Русском музее вывесили Врубеля и Коровина; говорили, что выйдет скоро полное собрание сочинений Достоевского...

И вот наконец в Эрмитаже открылась выставка Пикассо, монографии с репродукциями которого до этого времени считались чуть ли не подпольной литературой. И вот сейчас он показался многим «голым королем», скрывающим свою несостоятельность за холодными ребусами выдумок, выдаваемых за свободу индивидуальности. Лично мне всегда казалось, что разрушение не может служить основой искусства, так как искусство есть созидание. Поэтому Пикассо — не новое слово в культуре, а разрушение старого. Мне нравится у Пикассо разве лишь его так называемый «голубой» период, а особенно лучшая вещь этого периода — «Странствующие акробаты», проникнутая одиночеством и грустью. Люди, как две больные птицы, прижавшись друг к другу, смотрят с невыразимым чувством тоски.

Но та выставка в Эрмитаже не показала нам ничего, кроме свободы выдумки и пустого трюкачества. А ведь мы ждали новых пророческих слов, могущих помочь нам найти ответы на мучившие вопросы современности, окружающей нас жизни! Некоторые, исполненные естественного чувства протеста, приветствовали выставку Пикассо, видя в ней вызов лакировочному искусству периода «культы личности». Уходя с третьего этажа Эрмитажа, спускаясь вниз по скрипучей лестнице к сентиментальному Грезу и изысканно-грустным пасторалям Ватто, я думал, что искусство распада, уйдя от человека, от его внутреннего мира, творчески воплощаемого в конкретных формах объективно существующей вокруг нас реальности, завело многих современных художников в тупик и открыло дорогу фальсификаторам, несостоявшимся индивидуальностям. Думалось о курсе на понижение духовных ценностей в современной культуре XX века, когда художественный мыслепобраз в живописи заменяется произволом абстрактного формотворчества, столь далекого от красоты Божьего мира, мелодия вытесняется ритмом или «конкретной» музыкой и т. д.

Некоторые мои старшие товарищи очень быстро и энергично овладели формой, становясь, как у нас говорили, «мастерюгами». К ним принадлежали в первую очередь те, путеводной звездой для которых были старые мастера. Используя музыкальный строй классической композиции, «мастерюги» подчас насиловали ее в угоду современной теме. Иногда впечатление получалось такое же, как от певца, который, не зная языка, имитирует его созвучия...

Шли месяцы, на наших выставках уже не было огромных массовок парадного ликования. Уже было провозглашено, что нам нужны Салтыковы-Щедрины и Гоголи. От искусства потребовали «конфликта». Как же понимался этот конфликт? На деле это был бытательский, мещанский конфликт мелкого бытовизма: сорванец мальчишка, разбивший стекло, не выучивший урок школьник и т. п. На выставках появились: «Таня, не моргай», «Родное дитя на периферию», «Разоблачили бракодела», «На школьном вечере» и другие. Мелкое социальное зубоскальство подменяло подлинный драматизм жизни. Я не находил тогда картин проникновения в тайну времени, выражающих борьбу добра и зла, тем более самосознания русского народа и его многовековой истории.

«Искусство и правда жизни...»

В перерывах между лекциями, в столовой, в общежитии у нас постоянно велись споры о последних событиях в жизни и искусстве. Из разговоров, от посещения выставок у меня складывалось впечатление, что в нашей художественной жизни наметились вполне определенные тенденции. Вспоминаются четыре спора, раскрывающие настроения и мысли моих сокурсников в те же такие далекие пятидесятые...

Один мой товарищ по академии, который готовился в аспирантуру и всегда ходил в выцветшей военной гимнастерке (хотя сам непосредственно в боях и не участвовал), сказал мне однажды:

— Да брось ты свою заумь. Пиши этюды, выбери хорошую тему в предложенном списке, покажи выставочному, может, проскочишь на молодежную выставку. По-моему, все ясно: написал картину — и жми дальше, вкалывай! Жизнь сама по себе так богата! Думать не о чем — поезжай в колхоз, на предприятие, на лесозаготовки, всюду жизнь кипит, в ней столько революционных преобразований! Жизнь — вот наша тема. Машина по асфальту проехала, дворник метет улицу — вот уже жизнь. Умей ее видеть, а видеть это непросто. Мудро сказал товарищ Маленков: типическое — это не среднеарифметическое, а то, что должно быть. Например, поедешь ты в колхоз, увидишь лошадь — правильно, не всюду у нас есть еще трактора! Но... они будут всюду, и потому ты, как художник, должен увидеть трактор, а не лошадь. Раньше, конечно, легче было: прочел «темник», выбрал неизбитую тему, решил по-своему — и порядок! Сейчас, сам знаешь, «темников» нет, самому извилиной шевелить надо — новое время наступило. Вот я видел твои работы, которые ты с Волги привез, не нашел ты типического, не теми глазами смотрел: все церкви да развалюхи.

— Я делал, как видел в жизни, не думая — типическое или нет.

— Вот это и плохо, надо выбирать из действительности, не все же подряд писать! — сказал он снисходительно. — Надо видеть то, что будет, а не то, что есть.

Другой советовал мне писать о народе и для народа. Крепкий, нарочито простоватый, он сам казался мне одним из персонажей картин, посвященных лесозаготовкам.

— Не будь гнилым интеллигентом, будь ближе к народу, как Суриков, Репин, в народе вся сила, народ ведь все понимает.

Я был совершенно согласен с ним, но тотчас же мне пришла в голову мысль: ведь, например, Врубель, Кустодиев, Нестеров или Коровин не писали бурлаков и косарей, но были глубоко народными художниками. И разве они менее нужны людям, чем Репин или Суриков? И разве не являются они сами плотью от плоти народа, выразителями его духовного самосознания?

— Кого ты подразумеваешь под понятием «народ»? — спросил я.

Он задумался.

— Ну уж, конечно, менее всего интеллигентов.

— Но разве Пушкин, Достоевский, Блок, Мусоргский, Бунин — не народ?

После некоторого колебания он растерянно сказал:

— Да, конечно, тоже народ...

Я порою замечал, что люди, постоянно напоминающие о своем рабоче-крестьянском происхождении, очень далеки от реальной жизни народа, интересов и нужд тех самых «работяг», на кровную связь с которыми постоянно ссылались. Более того, мне довелось видеть, как именно такие, «кость от кости», смущенно прятали от столичных гостей своих родителей, приехавших из деревни или далекой провинции. В их постоянном «народ», «для народа» сквозило порой глубоко запрятанное сознание своего превосходства над этим самым народом. В своих картинах, говоря с народом, такой художник как бы «снисходил», опускался на несколько ступеней ниже, чтобы быть «понятнее и ближе народу». И не замечал при этом со своего мнимого пьедестала, что в действительности народ гораздо глубже и духовно выше оторвавшейся от него «кости».

С горечью и сожалением приходилось видеть таких деятелей культуры, которые заявляли, что они сами — народ, но давно утратили всякую связь с жизнью народа, не желая на деле постичь его насущные нужды и его реальную жизнь. Их понимание русской народности сводилось к смакованию и выпячиванию случайных, нарочито огрубленных, примитивных сторон внешнего облика и внутреннего характера народа. По их мнению, особенности характера русского народа таковы: пить не закусывая, купаться при сорокаградусном морозе, матерщинничать и все в таком же духе. Для русских якобы характерно отсутствие мысли, которую заменяет зубоскальский задор во время ударной работы. А ведь, по сути, все это клевета на русский народ, незнание, неуважение и непонимание внутренней его духовности, воспитанной веками.

Такие деятели культуры, чтобы подчеркнуть свой демократизм, «глубокое» знание народа, любили в обиходе пустить в ход крепкое словцо, нарочитую грубость. Но с таким видом, что, дескать, я-то сам человек культурный, слушаю Баха, Бетховена, знаю Рафаэля, а вот вы примитивны, вот я для вас и делаю примитивное искусство, снисходительно опускаюсь до вашего уровня, чтобы вы меня лучше поняли. Это касается, к сожалению, не только художников, но и писателей, поэтов, музыкантов, кинорежиссеров, для которых Россия — объект критики, переходящей в глумление, а не сыновней любви.

Если же говорить о внешних признаках былых «сон-реалистических» картин, то ноги у женщин порой напоминали неотесанные сваи, а слоночья комплекция, вероятно, символизировала крепость физической организации. Непонятно, откуда только брали свои прототипы подобные художники? Для мужского типажа у таких живописцев — набор красных рож, неказистость и примитивная недалекость облика, сочетаемая с грубой физической силой. Позже эта тенденция обрела статус новаторского «сурового стиля».

Если уж говорить о народности, то вернемся вновь к Пушкину. Вот кто никогда не заявлял о том, что он «сам — народ», но был по-настоящему, в полном и высоком смысле слова народен, любил все, что дорого народу, любил его песни, былины, предания, постигал дух народа, историческую жизнь его. Пушкин любил природу русскую до страсти, любил деревню русскую, любил русские национальные характеры, любил народ свой таким, каким он был, со всеми его положительными и отрицательными свойствами, любил в его непосредственной данности и реальности жизни. И нигде, никогда не почувствуете вы у Пушкина снисходительно-покрови-

тельственного тона или умильно-идеализированной сусальности в отношении к простому мужику. То же можно сказать о Достоевском, Сурикове, Васнецове, Мусоргском и о других гениальных сынах великого народа русского, православного!

* * *

...Хрупкий блондин, выглядевший гораздо моложе своих лет, с лицом мечтателя, с прямым взглядом, исполненным духовной силы, сказал мне:

— Искусство — удел избранных. Художник работает для себя... Его поймут лишь единицы, а большинству вообще не нужно искусство. Так называемый народ жаждет хлеба и зрелищ. Это быдло — советское быдло!

— Так зачем же тогда искусство? — спросил я.

— А кто знает, зачем мы живем, почему растет трава, зачем мы любим женщин? Я не знаю, — задумчиво, меланхолически глядел он мимо меня, — почему нас волнует полет облаков, согнутое осенним ветром дерево... Я могу часами смотреть на его скрюченные ветви и думать, на что они похожи. Как чувствовали гармонию мира старые мастера! Я долго рассматривал Рембрандта, откуда у него такой изумительный желто-золотистый цвет, как расплавленный янтарь, и потом понял — это лессировки. Рембрандт — это лессировка. (Лессировка — технический прием в живописи: тонкие, прозрачные и полупрозрачные слои краски наносят на просохшие или полупросохшие поверхности красочного слоя для того, чтобы изменить, усилить или ослабить, цветовые тона картины, обогащая их колористическое звучание. — И. Г.)

— Значит, ты совершенно исключаешь страстное служение художника какой-то духовной, точнее, религиозной идее? Разве искусство не средство выражения этой идеи?

— Какие идеи? — он удивленно пожал плечами. — Суриков написал «Боярыню Морозову», увидев ворону на снегу, а «Стрельцов», — увидев отблеск свечи на белой рубашке.

— Но позволь, — прервал я его, — по-моему, это был лишь толчок, который помог Сурикову воплотить давно живший в его душе мир образов! Дело именно в них, а не в вороне на снегу, которую могли видеть и видят многие художники, не написавшие, однако, «Боярыню Морозову».

— Допустим, — согласился он, — но вот какая была «духовная идея» (я повторяю твои слова) у Врубеля, которого я люблю больше твоего Сурикова, когда он писал «Раковину»? А Рерих говорил: «Умейте прочитать душу камня...» Что это значит?

— Но ведь дело не в раковине, — возразил я, — она у Врубеля лишь повод для выражения собственного мира и фантастических образов своей мечты, ассоциируемых с перламутровыми переливами этого морского чуда. Ведь только Врубель мог написать «Принцессу Грезу» и «Царевну Лебедь». Твои примеры далеко не исчерпывают идей творчества Врубеля и раннего Рериха. Но и в этих вещах проявилось умение русских художников одухотворить неживую природу, наполнить и преобразить ее собственным, глубоко интимным переживанием. Еще Нестеров говорил..

— Ну вот, ты все «русские», «русские», как будто в этом дело, — перебил он меня. — Вермеер, Ван Дейк, Моне, Дега, Хокусаи, Утамаро — все они служат одному: красоте. И в этом их общность. Ты согласен?

— Нет, — я волновался, мне хотелось быть понятым. — Дело в том, что я всех художников, независимо от величины, делю на «изобразителей» и «выразителей». Выразители не пассивно отражают мир (хоть «изобразители» могут достичь в этом отражении высочайшего мастерства и гармонии), а несут в себе некий Прометеев огонь, преобразуют мир высотой своих духовных идеалов, борением духа. Веласкес, Репин, Франс Хальс, «малые голландцы», Клод Моне — гениальные «изобразители». А Рублева, как и весь мир русской иконы, Врубеля, Эль Греко, Иванова в его библейских эскизах я считаю выразителями глубочайших религиозных переживаний человеческого духа. Любимы мной также и наши «миriskусники» со своей особой, я бы сказал, петербургской культурой «Серебряного века». Одни творят характеры и типажи, а другие — философские мыслеобразы, выражающие нравственные, социальные и эстетические категории. Здесь формы внешнего мира служат для выражения мира внутреннего. Дух, по-моему, всегда национален, как национально понятие о красоте. История доказала, что чем более национален художник, тем он и более интернационален в высшем смысле этого слова. Интернационального искусства не существует, есть только национальное искусство...

Он внимательно слушал меня, но не соглашался... Однажды я поздно вечером по обыкновению сидел в академической библиотеке за монографией об Эль Греко и рассматривал (в который раз!) бесподобные по своей конструктивной ясности и одухотворенности головы из «Похорон графа Оргаса». Ко мне подошел представитель «мансардной» оппозиции, которого я уже несколько раз видел в академии ожесточенно жестикулирующим в окружении студентов. Темные глаза его насмешливо горели, он был подчеркнuto небрит, в неряшливом свитере и брюках, по которым сразу было видно, что он занимается живописью. Он всегда смотрел только иностранные журналы, изучал Пикассо, Сезанна, Брака, реже — Матисса и Гогена. Я слышал, что он был исключен со второго курса академии и сейчас работает оформителем в каком-то театре. Увидев Эль Греко, он сказал:

— Что ты каждый вечер со всяким старьем сидишь? Ведь даже в нашем болоте в последнее время стали давать настоящую литературу, о которой раньше нечего было и мечтать. В двадцатом веке должно быть новое искусство, понимаешь — новое! Старые формы отжили навсегда! Как этого в вашей богадельне не понимают! Как можно в век атома, кибернетики, кино, радио и авиации работать так, будто живешь в девятнадцатом веке? Чем шесть лет скрипеть в академии, купи фотоаппарат, выставляй свои фото в золотых рамках, как это делают твои маститые учителя, но не выдавай это за живопись. Да и вообще, с изобретением фотографии реализм отдал концы, глаз объектива раскрепостил искусство, снял с него эту ненужную функцию точного изображения природы и человека.

Я не был согласен с ним.

— Цель науки — изучать и познавать законы окружающей действительности, раскрывать тайны природы и космоса, а искусство, по-моему, выражает проблемы духовной жизни человека. Важнейшая задача искусства — познавать и совершенствовать внутренний мир человека, создавать и укреплять его нравственные идеалы. Наука может расщепить атом, изучать космос, но не может ни на йоту сделать добрее черствое, жестокое сердце!

— Ну, это моралистическое слюнтяйство, — нетерпеливо перебил он меня. — Будущее за технократией. Нравственный прогресс стоит в прямой зависимости от роста науки и техники. — Он презрительно смотрел на меня.

Я не сдавался:

— Ни о каком нравственном прогрессе в связи с научными достижениями говорить невозможно. Можно быть дикарем, а ездить в «кадиллаках» или летать на сверхскоростных самолетах. В век космоса культура западной цивилизации во многом стала антидуховной. Но существует еще так называемая научность, то есть спекулятивное использование научных понятий, терминов и тому подобного. Возникает наукообразие, подменяющее в искусстве подлинную окружающую нас реальность. История человеческого общества богата великими научными открытиями. Но почему ни одно из них прежде не влекло за собой стремление художника обратить свой глаз в окуляр микроскопа Карла Линнея, как это делают многие абстракционисты теперь, уподобляясь Кандинскому? С открытием Коперника художники того времени не стали писать мир, сидя на вращающейся карусели, а с изобретением пороха не брались изображать скорость летящей пули. Изобретение телескопа и первые открытия Галилея потрясли мир, может быть, больше, чем расщепление атома (о существовании которого говорил еще античный философ Тит Лукреций Кар в своей знаменитой книге «О природе вещей»), но не заставили современника Галилея, Рембрандта обратиться к копированию не ведомых прежде ландшафтов Луны. Наоборот, художник всю силу своего духовного напряжения, полную просветленного страдания, любви к людям, сконцентрировал на внутреннем мире человека. Равно как во времена Пушкина было открыто электричество, а в его поэзии об этом — ни слова! Мой оппонент ответил:

— Но человек двадцатого века — совершенно новый человек, у него новое видение, иная психология! Разве реализм способен передать научный прогресс двадцатого века? Ваш «реализм», по сути, есть бегство от новой реальности, которую он не способен воплотить!

Он не желал понимать меня, уверенный в своей и только в своей правоте.

— Неужели ты думаешь, что научное открытие может так повлиять на человека, что в корне изменится характер его ощущений, что он начнет воспринимать электромагнитные колебания и улавливать ухом ультразвук? С изобретением кибернетических машин разве люди обрели седьмое чувство? Они так же любят, рожают детей, радуются и страдают, как во времена Гомера, Данте, Шекспира, Гоголя, Достоевского, Бальзака. Изобретение фотоаппарата, конечно, ударило по натуралистам, которые бездумно копируют природу, а не выражают через конкретный эмоциональный образ философские идеи, мысли, чувства, свое отношение к миру...

— Ты, конечно, и против Фрейда с его психоанализом? — Его гневу, казалось, не было предела.

— Что ж, при всех заслугах Фрейда, у него все-таки упрощенное понимание жизни человеческого духа, нравственного мира человеческой натуры, низведение его к сексуальным инстинктам, к «подполью» подсознания человека.

— Я люблю джаз! Люблю Корбюзье и Райта — отцов архитектуры двадцатого века. А тебе нужны терема, оконца с петушками в архитектуре двадцатого века?

— Русская архитектура — это не петушки, равно как русская народность — не квас и лапти, хотя в ряде случаев петушки мне кажутся вполне уместными в прикладном искусстве. Ты, наверное, просто не знаешь русской архитектуры. В ней нет никаких петушков, зато есть величавая простота архитектурного образа, есть национальное чувство красоты, пропорций, свой творческий метод мышления, создавший такие индивидуальные и неповторимые, объединенные общим понятием русской архитектуры шедевры, как собор Василия Блаженного, Спас-Нередица, Киевская София, псковские звонницы и Покров на Нерли, Владимирский Успенский собор, церковь Вознесения в Коломенском, Иван Великий, Кижі, теремной дворец в Коломенском, Меншикова башня и многие другие. Где ж тут петушки?

— Ну-ну, пошел, смешал все в одну кучу. В России вначале работали греки. Московский Кремль весь строили итальянцы, а Петербург и говорить нечего — Растрелли и разные прочие шведы.

Он победоносно захохотал. Но я уступить не мог.

— Нет уж, извини. В России действительно, как и в других странах Европы, работало много иностранцев, однако нельзя же считать, скажем, Эль Греко — греком, а не испанцем, Бетховена — голландцем, а не немцем. Иностранные мастера, которых приглашали на Русь, были вначале исполнителями воли заказчика. Но впоследствии лучшие из них, подпав под неотразимое обаяние русской культуры, творчески преломив ее принципы, вносили свой вклад в наше искусство и, не потеряв своей индивидуальности, становились русскими художниками. Вот почему у нас в России среди памятников архитектуры, построенных ими, нет ни одного повторяющего тот или иной европейский образец — даже в Петербурге! Мы можем с полным правом говорить о «русском классицизме», «русском барокко» и тому подобном. Это общеизвестно!

— Ну вот и Корбюзье пригласили, чтобы он у нас в СССР создал новый революционный стиль, — ответил он злорадно. — В двадцатом веке стекло, бетон, пластмассы определяют лицо архитектуры, открывая перед ней такие возможности, которые раньше архитекторам и не снились.

— Никогда ни одному художнику материал ничего не диктовал и не мог диктовать, — не соглашался я. — У настоящих творцов материал всегда был лишь средством выразить их творческую волю. Материал может облегчить или затруднить осуществление замысла. Например, русская идея шатра из деревянного зодчества была перенесена и воссоздана в новом материале — камне. И думаю, что могла бы быть перенесена и в железобетон, и в пластик, и даже в стекло. Дело не в материале, а в смысле замысла, силе творческого духа, воплощенных в архитектурном образе. И несмотря на все богатство и возможности новых материалов, архитектура двадцатого века фактически превращена в инженерные сооружения, одинаковые во всем мире и мало отличающиеся друг от друга большими или меньшими удобствами для человека. Как говорил один герой Достоевского: «Необходимо только необходимое». Вот лозунг этой «архитектуры».

— Терпеть не могу твоего Достоевского.

— Это вполне естественно. Ты вообще русскую культуру не любишь. Ты — «левый».

— Мне, во-первых, все равно, русская она, французская или турецкая, я думаю об искусстве двадцатого века, об искусстве будущего. У людей будут совсем другие представления о жизни. Люди изменятся даже морально-

физически. У них будет совсем другое искусство. Тех, кто сегодня работает для будущего, поймут через сто лет. Так всегда было с великими людьми, которых современники травили.

— А мне казалось, что великих людей, за редчайшим исключением, всегда понимали современники, и чем активней было их отношение к миру, чем более страстно исповедовали они свои идеи — тем яростней разделялись их современники на друзей-единомышленников и врагов. Художник обязан понять и выразить прежде всего свое время с его расстановкой сил, с его пониманием добра и зла, с его идеалами красоты, с его пониманием гармонии мира и назначения искусства в жизни человечества. Путь в будущее лежит через сегодня.

— Твои страстные монологи — это литературщина! — насмешливо сказал он. — Современное искусство должно от нее избавиться. Современная форма должна стать содержанием. Претворить материал в форму — вот задача художника. Отец современного искусства Кандинский указал своим гением дорогу в будущее: он первый сказал, что художник должен разрушить все старые представления об искусстве. Малевич, Татлин — подлинные революционеры, творцы будущего.

— По-моему, ты валишь в одну кучу и содержание художественного образа, и «литературный рассказ в красках», который я тоже не люблю. Наша иконопись, которую многие философы называли книгой для неграмотных, — все это тоже литературщина? «Блудный сын» Рембрандта, «Демон» Врубеля, «Афинская школа» Рафаэля?

— Конечно.

— Ну, а что не литературщина?

— Хотя бы Сезанн, Миро, Клее. Из наших — ранний Кончаловский, Машков, Шагал. У них сама форма говорит без всякой литературы.

Но тут заговорил оторвавшийся от рисунка слушавший нас мой сокурник:

— Просто этим людям нечего было сказать! С Сезанна началась обывательщина, «мясная» живопись с ее равнодушием к человеку и его внутреннему миру. Сезаннизм с его мнимым глубокомыслием расчленяет трепетную живую гармонию мира, втискивая ее в прокрустово ложе примитивных геометрических объемов — куба, конуса и шара.

— В общем, я тебя понял, — сказал «мансардник», обращаясь ко мне. — Ты никогда ничего в искусстве не сделаешь. Здорово вас всех покалечили. Но мы вас все равно раздавим. Хоть ты и симпатичный боярин-реакционер, но уж больно отсталый...

С тех пор прошло много лет, но споры эти памятны мне и по сей день. В те дни упорных поисков и сомнений мучительно осознавалась разница между ремесленнической работой и творчеством. Творчество — высший дар человека и смысл его бытия, выражение его свободной воли. Творческий, созидательный дух человека строит новую жизнь, создавая гармонию из противоречий — красоту. Творческий дух вечно пребывает в подлинном искусстве. Первоисток творчества — воля к бессмертию! Подлинное искусство вечно и чуждо спорам о прошлом и будущем.

Свои споры с тремя художниками я записал давно, на рубеже 50–60-х годов — это действительно было так, и я думаю, что приведя их, помогу будущим искусствоведам и художникам ярче осознать те годы. К XXI веку, в который мы вступили, все изменилось и рухнуло в небытие. Но главная тема личность художника, смысл творчества и общество — будет сущест-

вывать вечно. И сегодня, на пепелище нашей русской и европейской цивилизации, художнику еще труднее осознать свой путь, а уверовав в него, обрести себя в борьбе за выживание на бирже «демократического» рынка. В наших давних спорах обозначены основные тенденции в искусстве тех лет. Ныне, уже в XXI веке, во всех странах мира властвует идеология авангарда и ведется борьба с проявлением любого национального искусства. Но свеча нашей цивилизации еще не погасла в душах многих художников XXI века.

* * *

Эта глава моей книги отражает правду умонастроений и напряжение поисков моих сверстников — тогда молодых художников, стоящих на пороге жизни. Многое изменилось с тех пор — «иных уж нет, а те далече»... По-разному сложились судьбы споривших. Большинство после окончания академии попадало в стойло «социального заказа». Жить-то ведь надо! Борьба за деньги; интриги; поиски работы в пресловутом Худфонде... Знаменитые «комбинаты», где талантливые художники, попав в трясины «осознанной необходимости», нередко спивались, гоняясь за прибыльными заказами на заданные «партийные» темы, размножая портреты вождей, копируя во множестве «рекомендованные» худсоветом оригиналы, созданные корифеями Союза художников... А ведь душа художника уязвима и нежна, и каждый мастер в глубине души знает цену жизни, искусству и себе самому.

В 60-е годы поднимался из руин «русский авангард». Его приверженцев пресса называла гонимыми, подробно смаковалось, как их картины давили бульдозером. Его, как и самих художников, снимали на телекамеры специально ждавшие этого акта советского вандализма иностранные журналисты. Многие считали, что, поддерживая наследников комиссаров от искусства 20-х годов, они помогают русской культуре стать на ноги в ее борьбе за свободу — против тоталитарной советской идеологии.

Но зато идея возрождения основ русской национальной культуры всегда вызывала бешеную злобу модернистов Европы, Америки и Азии. В возрождении «русской идеи» они видели и видят самую большую опасность «для мира и прогресса», забывая при этом, что именно великая Россия была в свое время гарантом мира и спокойствия Европы. Некоторые художники «левых» течений мечтали эмигрировать «туда, где их оценят». Отбыв на Запад, многие влачили существование еще более тяжелое, чем все мы в Москве. Ну, а наиболее ловкие, спекулируя на зачастую раздутых и даже мнимых политических гонениях в СССР, достигали известности и материального благополучия. Сегодня, когда рухнули основы прежней советской жизни, они любят приезжать на Родину, выдавая себя за мучеников. Но уехали-то они все свободно и добровольно!..

Начиная с 90-х годов уже прошедшего XX века, многие художники обрели новую конъюнктуру наступившего времени рынка реформ: не верующие прежде, они стали «церковными» художниками, как в картинах, так и в росписях строящихся церквей и соборов. В наше время, когда не существует критериев в культуре и искусстве, начал процветать вопиющий дилетантизм, помноженный на вторичность подражания «классикам» авангарда и бессмысленным изошарадам в духе Сальвадора Дали. Свобода без границ ведет иных к аморальности и порнографии. Все продается и все покупается, — если есть деньги!

Я убежден, что наши художники, режиссеры, актеры, поэты, музыканты — самые талантливые! Жаль только, что они лишены сегодня как государственной поддержки, так и заботы, любви, внимания со стороны ставших богатыми на руинах русской беды, но, увы, не меценатствующих олигархов, банкиров и бизнесменов. Большинство из них не хотят понимать, что гуманитарная помощь России миру всегда заключалась в попираемой ныне русской национальной культуре и великой православной духовности.

* * *

Была весна с ее опустошающей тревогой и жаждой ожидания. Я прочел, как И. Н. Крамской — учитель Ильи Репина — посоветовал молодому, ищущему свой путь в искусстве художнику: «Вы прошли академическую школу и в должной мере овладели профессиональным мастерством — вы должны запереться в мастерской и написать работу, которая бы вас выразила и удовлетворила. Обретите себя!»

Уже заканчивая академию, я решил последовать этому совету. Мастерской у меня не было, а была маленькая комнатка в квартире тети Аси в Ботаническом саду.

Я поплотнее закрыл дверь, чтобы не слышать беспрестанных криков многочисленных обитателей большой коммунальной квартиры, обращенных, в частности, к моей тетушке: «Агнесса Константиновна-а, ваш чайник кипи-и-ит!»

Для начала я взял маленький холстик 40 на 30 сантиметров и приступил к работе, чтобы написать картину щемящей радости прихода весны в послевоенный Ленинград, мечтая выразить языком живописи то, что меня взволновало. Глухая стена дома с одним маленьким окном под крышей, выходящим на Большой проспект Петроградской стороны... Тонкие, чахлые деревца с зелеными огоньками неясной листвы, посаженные на месте разбомбленного дома. Кто из нас не видел старых людей, подолгу сидящих на скамейках в маленьких ленинградских сквериках? Весеннее солнце пробуждает в них воспоминания о пережитом, о далекой юности, о счастье жить, перенеся блокаду и столько утрат. У ног их играют дети, а лужи отражают бездонную синеву небес.

Я долго трудился на натуре и дома, стараясь передать свой замысел, сосредоточить все внимание на главном. Глухая стена, молодое деревце, к которому привязана веревка с сохнувшим на весеннем солнце бельем, лицо старой женщины поднято вверх навстречу теплым солнечным лучам — позировала мне тетя Ася, в углу детская головка, как яркий цветок, контрастный черной одежде пожилой женщины. Мне хотелось сконцентрировать все внимание на ее лице... Живая реальность интересовала меня не просто в своем жанровом бытии, а в ее скрытой поэзии. Я был влюблен в живописную фактуру стены старого дома, в голубую легкость небес, в золотистый свет дрожащего воздуха, в холодные рефлексy тени...

Когда я принес свою новую работу в академию и показал ее профессору Зайцеву, тот спросил:

— Ну и что ты этим хотел сказать?

— Ленинградская весна.

— Это не весна, и тем более не ленинградская. Для Ленинграда что характерно? Летний сад. Парк Победы, ЦПКиО, а ты какие-то задворки раскопал и называешь это Ленинградом.

— Но в Ленинграде тысячи таких сквериков. Многие из них разбиты на месте разбомбленных домов, — попробовал вступить за меня товарищ.

— Садик-то садик, но как его увидишь? Весна с молодостью ассоциируется, с материнством, вон у нас сколько картин на эту тему написано. Посмотришь на такую картину, и жить хочется. А уж если старуху взял, так хоть бы детворы побольше дал. У Яблонской видел? Та же тема, а как решена? Да и потом, у тебя все обрезано как-то, холста, что ли, у тебя мало? Тришкин кафтан получился: неба мало, ноги срезал, фигуру-то нарисовать трудно целиком? Чего все молчишь-то? — возмутился Александр Дмитриевич.

Мне действительно нечего было сказать и возражать ему было бесполезно...

— Народ всего этого не поймет. Народу это не нужно! Что народу до твоих задворков? Написал бы хоть «Парк Победы» Первого Мая, как молодежь деревья сажает!

Если прежде, работая над натурой, я соглашался с авторитетным мнением преподавателя, то теперь уже ничего не мог изменить в своей работе, не потому, что был так уверен в своей непогрешимости, — нет, мы просто говорили на разных языках!

Каждый день я спешил домой из академии, чтобы снова сесть за работу, которая приобретала для меня новый смысл, являясь источником не ведомой ранее, ни с чем не сравнимой радости. А в следующей своей работе я хотел выразить впечатления от ночного города. Огромный дом, глядящий десятками освещенных окон, за каждым скрыта своя сложная жизнь — кто-то ссорится, кто-то одиноко грустит у окна... Огни, огни... А внизу, у подножия дома, влюбленные. Мне так хотелось передать всю хрупкую нежность навсегда запомнившегося мне юного женского лица и маленькой, как лепесток, руки — совсем как у Нины.

Эту работу я закончил в 1955 году. Она потом неоднократно выставлялась на многих выставках, а ныне находится в Московской государственной картинной галерее Ильи Глазунова на Волхонке, 13. Я уже написал «Последний автобус», потом «На мосту», «Осеннее окно», «Ссора», «Ушла» — эти работы выражали состояние моей души и восприятие окружающей жизни. И, наконец, портрет Достоевского, навеянный не только его петербургскими произведениями, но и кварталами наемных домов, где жили его униженные и оскорбленные герои и где мучимый любовью и одиночеством бродил Мечтатель из «Белых ночей». Как мне памяты мои белые ночи на пустынных петербургских каналах. Город Достоевского — это мой город.

Я чувствовал себя счастливым я видел в жизни новый смысл и новый путь.

В стремлении обрести себя, в поисках смысла жизни и тайны бытия я любил бродить по пустынным залам Эрмитажа, стараясь поймать взгляд скульптур Древнего Египта. Но они смотрели мимо меня — смотрели в вечность. Воля к бессмертию — основополагающая черта этой давно ушедшей цивилизации. Реализм и гармония греческих скульптур, триумф врага тьмы Аполлона, великолепие и мощь Древнего Рима... Кто из нас, соприкасаясь с тайной времен, не задавал себе вопрос: откуда мы и куда идем? Наши серые будни становятся такими преходяще-ничтожными перед ликом великой тайны Божьей и историей человеческого бытия на земле.

Александра
БАЖЕНОВА

«РВАТЬСЯ ЕЙ СЛУЖИТЬ...»

о поэзии

Геннадия Иванова

Александра Ивановна Баженова — литературный критик. Окончила Саратовский государственный университет и Литературный институт в Москве. Член Союза писателей России. Ее работы печатались в журналах «Новый мир», «Наш современник», «Дружба народов», «Волга», в газетах «Литературная Россия», «Русская жизнь» (Сан-Франциско, США), «Русский вестник» и других. Она автор книг «Мифы древних славян», «Звездные взлеты русской культуры». Лауреат литературной премии имени братьев Киреевских. Живет в Саратове.

«РВАТЬСЯ ЕЙ СЛУЖИТЬ...» Эти слова Гоголя о родине не случайно цитирует в своем стихотворении поэт Геннадий Иванов, ибо он нашел в них пафос, созвучный устремлениям собственной энергии, ибо он любит Россию, любит русскую землю.

И тверская бежецкая земля, на которой он родился, ему близка, потому что это родина, это земля, которую он *первую* в своей жизни увидел, на которую *впервые* ступил ногой. И северная мурманская земля, на которой он жил в юности, ему близка. Эта суровая, снежная, ледяная, сливающаяся у горизонта с космосом, земля. Здесь самая безмолвная тишина над бескрайними белыми равнинами и самые ревучие, колючие и сокрушительные ветры. Люди немногословные и надежные. Здесь начинается русская земля, здесь она отделяется от Северного Ледовитого океана, простираясь затем на юг, восток и запад бесконечно далеко. Здесь пришло ощущение широты и высоты, бескрайности родных просторов, здесь начали писаться стихи...

И подмосковная земля поэту близка. Он открыл ее, прожив несколько лет в Подмосковье, а теперь ездит туда постоянно из Москвы. Близка, потому что это прекрасная русская земля. Он не перестает удивляться ее природным чудесам: застраивают ее высотками, утрамбовывают и разрезают... А она — цветет, радуется садами и рощами, цветочными полянами, бабочками и стрекозами... И Москва — очень близка.

Он больше всего счастлив там, где «теплее всего мира семейный твой дом», «где в четыре руки обнимают тебя», где можно «всех родных обнять за плечи». Каковы они, счастливые минуты жизни на родной земле, с родными людьми, —

об этом обо всем его искренние, проникновенные стихи. Для того чтобы полнее передать свою любовь, он ищет подходящие краски и слова. Поиск слов, писание стихов — своего рода гимнов родной земле, Богу и божественной природе — занятия истовые, как молитва. Очень честно и точно поэт говорит об этом: «В молитвах и постах я не усердный, / усердный лишь в записыванье строк».

*Есть у меня аллея вдохновенья.
По ней брожу я часто. По утрам
Люблю на ней прохлады дуновенье
И предзакатное тепло по вечерам...*

*Вперед, вперед — в поля, к реке и к рощам...
И только я ступаю на тропу,
Как сразу кто-то обо мне хлопочет
И посылает за строкой строку...*

1990-е и последующие годы, на которые приходится зрелость Геннадия Иванова, труднейшее и подлейшее время для России и русской культуры. Литература в России в основном своем потоке формировалась вне чувства родины. Народ почти исчез из поля зрения, особенно в среде либеральных писателей. Как парадокс слово «инопланетянин» употребляемо в печати именно в это время чуть ли не чаще, чем «народ» (кроме случаев массовой предвыборной пропаганды). На передний край теле-саморекламы выходят все больше люди с затрудненной идентификацией национальной принадлежности (хотя демократы отменили Богом данную национальность в графе паспорта, но Бог-то ее дал и не отменял) и наскоро затушеванной совестью. Наглая американизация в виде масскультуры, оглушение, дебилизация, фальсификация, подделки, подмена, пиратство всех мастей, пропаганда свойств человека самого низменного порядка, льющиеся из эфира; при этом злобное шутовство над русскими и Россией миникомиками — дядями клоунами, которым за шестьдесят, а они игриво выставляются в ярких детских штанишках, думая, что это архи смешно...

Такое не могло не заставить страдать глубоко русского поэта:

*Как много юмора вокруг,
Как много смеха.
Какая, в общем-то, кругом
Идет потеха.
Идет потеха: тра-ля-ля и трали-вали...
А миллионы земляков уже пропали...*

И в другом стихотворении:

*На первый план выходят комики.
На первый план выходят гномики.
На первый план выходят гомики.
Рыдай, великая страна...*

Конечно «не место им на первом плане быть у нас», но кого из имущих власть и деньги это волнует? Те, кто должны многое решать в руководстве страной, скорострельно «прибегают» на юбилей-тусовки мелких холеных хохмачей, чтоб подобострастно склониться к их руке-бичу. Приезжают на «Мерседесах» чиновники в храмы, охотно демонстрируя перед телекамерами свечу в руке, хотя эта модная духовная свеча им еще менее понятна, чем свеча от геморроя.

Поэт видит порабощение воли власти великой страны, и в голову приходят жесткие мысли о будущем русских:

*Что будет с нами, да что будет с нами...
Если не будем себя защищать,
Нам не позволят быть даже рабами —
Нас убивать будут, не укрощать.*

*В нашей безвольной, безропотной стыни
Все нам припомнят и все нам зачтут:
Наши победы и наши святыни
Испепелят, изолгут и сотрут...*

*Хватимся вдруг, чтобы вырвать зубами,
Но будет поздно. И надо понять:
Нам не позволят быть даже рабами.
Так что не стоит об этом мечтать.*

И всегда как единственная неотвязная альтернатива разуму и воле (вернее, там, где умели ловко подменить разум и волю бессмысленностью и безнадежностью) — русская душиловка — водка. Геннадий Иванов с нескрываемой болью пишет (буквально кричит!) об этом горе:

*Отошла старорусская нация.
Отходила столетье она.
Революции. Кровь. Оккупация.
Геноцид. Антихристианизация.
И всегда: — Пей до дна!..*

*Нарождается новая нация.
Правда, русская тоже она.
Потому не снята
Оккупация.
Геноцид. Антихристианизация.
Потому: — Пей до дна!..
Пей до дна.*

Вытаптывание русской культуры, русского языка, унижение России происходит на фоне вымирания коренного населения («По России безлюдье такое,/ что завоешь во мраке полей»; «вымирает село за селом чередой»), это не может не вызывать у поэта щемящей тоски и боли:

*Как пустынно без церкви кладбище,
Без деревни — пустынный поля.
Я теперь прохожу, будто нищий,
Там, где жизнь начиналась моя.*

*Зарастают деревни бурьяном.
Кто-то выглядывает в редком окне.
Басовитые песни баянов
Только в памяти слышатся мне.*

*И теперь лишь на чудо надейся.
Что же стало с тобой, человек?
Люди русские, словно индейцы,
Доживают в бурьянах свой век.*

Таково же горевание и другого стихотворения:

*Камыши мои, осока и торфяники.
Мы не нация уже — только странники.
Мы блуждаем по земле, по своей отчине —
Оттирают нас другие к обочине...*

Кажется, нет просвета и Русь погибла, никогда не воспрянет от пообсевших ее тело карликов-пираний всех мастей. Самое трудное — восстановить генофонд. Но Геннадий Иванов пишет свое программное стихотворение, где пафос возрождения прослеживается в могучей воле русских и чудодейственной необъяснимой воле Божьей:

*Я твержу себе снова и снова,
Что уж было написано «Слово
О гибели Русской земли»,
Но ведь выжили,
П р е в о з м о г л и.*

* * *

*...Ведь не раз уже такое было:
Так же сердце от неверья стыло,
А потом, откуда ни возмись,
Начиналась, продолжалась жизнь.*

Превозможная помощь придет с небес или от нашей собственной воли к жизни, в это, безусловно, хочется верить (не случайно написаны строки с анализом исторической Куликовской битвы: «Исход решила не судьба, / а брань и битва, бой и сеча... / Боброк ударил, а не рок, / не от судьбы бежал татарин»), а пока беречь, любить, сохранять вековечный теплый космос Руси глубинной, затаившейся в ожидании и дарящей русского человека счастьем взаимопонимания, взаимоприятия.

Еще в 1999 году Геннадий Иванов написал удивительный стих-видение, где размывается любая точность объяснения, фантазийность в котором столь объемна, что орфический космос поэта, кажется, находится за гранью понимания:

*Есть реки, которые вдруг пропадают из виду,
Уходят под землю и долго текут под землей.
Россия — такая река, и теперь ее ищут.
А где она выйдет, — об этом не знает никто.*

*Плывут пароходы и яхты плывут с катерами,
Рыбацкие лодки плывут по реке да баржи —
И все пропадает под землю, плывет под горами...
Плывут города и деревни, и солнце во ржи...*

«Унесем зажженные светы» — не об этом ли писал В. Брюсов в свое время?!

А в марте 2007 года во время празднования юбилея В. Распутина, лучший русский прозаик дал интервью «Дню литературы» № 3 (127), там те же неразрешенные вопросы относительно выживания Руси, ее отстаивания, и мысль В. Распутина невольно перекликается с мыслью Г. Иванова о том, что подлинная Русь ушла в невидимое миру пространство, осталась видимой лишь для тех, кто умеет ее разглядеть, для тех, кто ее понимает: «Россию, особенно сейчас надо искать в тысячелетней ее толще. Надо искать в национальной России... Даже президент и его окружение взаправду или понарошку, но вынуждены говорить о национальной России. Пусть у них риторика будет, но — риторика национальная и патриотическая. Я думаю, это один из доводов к тому, что наши усилия не были напрасны...

Не думаю, чтобы Россия взяла и исчезла... Не можем же мы за двадцать лет исчезнуть! Рим или Египет — страны, которые жили больше наверху (они исчезали столетия — А. Б.). Россия всегда была утоплена глубже. Всегда жила какой-то подземной жизнью. При Иване Грозном и при Петре Первом, при Николае и при Сталине. Подземная Русь, как в айсберге, всегда была больше видимого внешнего слоя. Когда попытались извлечь уроки Октября, когда нынешние разрушители стали задумываться, почему воспрянула Россия после семнадцатого года, они пришли к правильному выводу — надо бороться с исторической Россией. Надо уничтожить ту невидимую подземную ее часть. Они решили нынче поднять эту историческую невидимую подземную часть, слегка возвеличить, привести в Кремль, сделать видимой, приобнять, прославить. Они согласились даже с Православием и тоже привели Церковь в Кремль, с целью тут же подменить ее, сделать ее ряженой. С видимой Россией им легче бороться. В результате у нас сейчас наверху ряженная Русь, но подлинная Русь по-прежнему ушла в укрытие. Не согласилась существовать вместе с нынешней властью. Она опять в глубине. Когда надо снова вернуться».

Наша жизнь в широком пространстве космоса остается «маленькой», как жизнь песчинки, а жизнь русской Земли значительна даже сегодня, к ней приобщиться стоит, и приобщиться защитником, служителем, радетеlem ее. Геннадий Иванов, может быть, как и другие русские поэты, всегда видел не

только официальную ряжено-лубочно-фальшивую, опошленную Россию, которая лезет в глаза и бросается тебе под ноги рекламными плакатами, потребительскими предложениями («пива», «пепси»). Он всегда видел эту скрытую от заезжих глаз провинциальную и вечную, как космос, Россию («Я полю родному всю душу доверил...»; «И кажется жизнь бесконечна, / как эти ночные поля!»; «Зачем Канары, если Богом / я послан в Бежецкий район»; «О чем писать, когда достигнешь рая? / Сияет солнце много дней подряд — / лучи в реке искрятся и горят, / а я брожу, от счастья замирая...»; «Радость так и подвозят подводами — / на деревне она и в полях!»; «Там поля весенние, / там пруд, налитый всклень, / там острова да остовы родимых деревень...»; «Разгоним, птицы, дух попрания / священной жизни на Руси!»; «Я брожу среди самых родимых на свете полей!»; «Мне приятен здесь каждый кулик, / тот, что хвалит болото свое!»; «В этот край, как река, я впадаю / много лет с незапамятных пор»).

Разрыв с отеческим миром в стихах многих поэтов — всегда бездомье, неприютность, скитальчество. Только не у Геннадия Иванова. Его эта участь не постигла. Отъезд с родины — да. Разрыв с родиной — нет! Она всегда желанна, как дом родной и любимый. Невидимое миру счастье общения матери-земли с сыном струится меж строк и вольно дышит в стихах, связанных с описанием поездок за города, в родные равнины. Хочется, хочется, чтобы хрупкое равновесие русской природы не погибло, хотя люди уже не в силах охватить заботой всякий клочок родной земли. Хочется верить в оживление всех русских сил, верить: в масштабе страны возникнут такие условия, что русские снова придут на свою землю, в деревню, заново начнут осваивать нашу территорию.

*Ни тропаря, ни кондака не зная,
Стою стыдливо, слушаю, молюсь.
Я за тебя молюсь, родная Русь...
Да сохранится в Боге наш народ.
Пуškai его рассеются враги.
Прошу: «России, Боже, помоги».*

Утонет ли Русь в кислотной среде современного буржуазного довольства среди унифицированных и обезличенных под западноцентричную особь ценностей, или Русь вынырнет из Божьего укрытия и омоет очи россиянам и русским колкой прохладой подземноречья?!

Наиболее любимое словечко Геннадия Иванова (не знаю, случайно ли?) «прекрасный». Более десятка раз у него «жизнь прекрасна»; «прекрасна вполне»; «мир прекрасен и жизнь хороша». А есть еще: «прекрасен мир во всей своей прекрасности», «все прекрасное, все не вечное, но прекрасное все равно», «ты так прекрасна, Русская Земля!», «прекрасный дождь», «прекрасные сады», «ночь темна и прекрасна», «ах, прекрасная ночь!», «ты прекрасна, стрекоза», «царство, прекрасней которого нет»... Даже если слово часто оказывается «под рукой» как дежурное, когда быстро не находится других средств для выражения чувств, для разнообразия синонимического ряда и плотности метафорической выразительности, — все равно слово это характеризует поэта. Не выбрал же он какое-либо агрессивное слово (как

в репертуаре большинства нынешних молодых певцов, поющих кухонными брюзгливыми голосами), не взял пустое «туси-пуси», или что-либо вульгарное, грубое... Его превосходная степень души выбрала превосходную степень красоты.

Красота русской земли повсюду разлита в его стихах, она в тысячах деталей по всему поэтическому цветотканному полю: «октябрь с золотым чемоданом/ стоит на перроне и ждет,/ когда подойдет его поезд./ Он скоро уже подойдет»; «вот и снежный оркестр начинает мелодию выюги...»; «ветлы роскошны, как розы»; «березы стоят в крепдешине изумрудно-прозрачном»; «и ромашки из сонного лога/ излучали свой свет в темноту»...

Загадка творчества Геннадия Иванова в том, что он вроде бы такой, как мы все, и он — среди нас, и, в то же время, необычайно интересен горным вращением своим в русском чудесном мире. Он, с одной стороны, как и другие русские поэты, затрагивает тот же круг тем, которые волнуют других, фокусирует главные мысли, витающие в современном воздухе литературы и реальной жизни, употребляет те же слова, что нынче наиболее востребованы в обществе, словом, подтверждает известную истину: на Ивановых русская земля держится... С другой стороны, талант его особый, обнажающий индивидуальный нерв переживаний. Талант его в умении хранения-консервации в своей поэзии прекраснорусья провинции; талант его в поиске (да, в это смутное, безликое время!) вполне прекрасной жизни для русского будущего, будущего русских семей, — некоего райского сада («нам повезло... у нас пока не ад, а небольшой цветущий сад»).

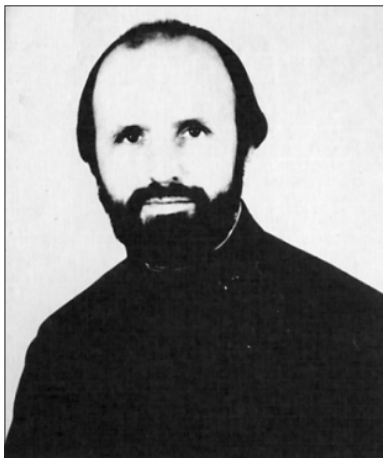
Это все достигается необычайной напряженности трудом на поприще поэтическом и общественном, служением, рвением, «вдохновением и волей» (как в стихотворении «Надо устать...»). Не однажды Г.Иванов своими стихами подтверждал русскую поговорку: Бог-то Бог, но не будь и сам плох.

*Ты говоришь о вечном и простом:
Спасти Россию можно лишь терпением —
Ты говоришь: молитвой и постом!
Но я добавлю: волей и служеньем!*

*Не просто жить — как по теченью плыть.
Не просто жить, как лебеда и тополь...
Служить России, «рваться ей служить»,
Как в «Выбранных местах...» заметил Гоголь.*

ПОЭЗИЯ

Священник
Анатолий ТРОХИН

«БЛАЖЕН, КТО ЗЕМЛЮ РУССКУЮ ПОЙМЕТ»

Священник Анатолий Трохин — родился на Южном Урале в 1956 г., работал помощником машиниста тепловоза, служил в армии, получил режиссерское образование и преподавал, был директором студенческого клуба, экскурсоводом. В 1992 г. рукоположен в сан диакона, а затем, и священника. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Святой, Обетованною Землей
Паломником иду, а не прохожим.
Как Библия она передо мной,
И ум поспеть за чувствами не может.

Похожая на мой родной Урал,
Но красного оттенка, словно рана.
Она плывет, открытая ветрам,
Холмистою долиной Иордана

И подступает к сердцу моему
Высокой Елеонскою горою.
Мне б взять с собой дорожную суму
И так бродить Господней стороною.

Здесь на воде, песке и на камнях
Во тьме земной горят следы Мессии.
Здесь Ангелы поют в монастырях.
А благодать такая... Как в России!

* * *

Все тот же лес и те же облака,
Все так же разливаются закаты,
И эта неглубокая река
По-прежнему поет на перекатах.

Полдневный зной не иссушает трав.
Иду домой по узенькой дорожке,
Там лиственница подняла рукав,
Глядит в мое чердачное окошко.

Блажен, кто землю Русскую поймет,
Ее обнимет гибкими корнями
И здесь, под Божьим небом, прорастет,
Душой сольется с этими полями.

Звенит июль, в разгаре сенокос,
И нас Господь опять благословляет.
А бабочки, как лепестки от роз,
Над травами горячими летают.

УБИЕННЫМ ВО ЧРЕВЕ

И Ангелы восплакали,
Когда родная мать
Несла к ехидне вакуумной
На части разрывать.

Когда под сердцем каменным
Ты ротик открывал.
Когда, сгорая в пламени,
На ножках привставал...

Увидим безымянные
Родимые черты.
На души окаянные —
О, как посмотришь ты?

Прости, прости нас, дитятко.
За грязь, за кровь земли.
И за убийц-родителей
Ты Господа моли.

ПАМЯТИ МИТРОПОЛИТА ИОАННА СНЫЧЕВА

Душе его да будет светлый рай!
Владыка и теперь о нас горюет
И, алчностью распятый, милый край
Любовью и молитвами врачует.

Он словом Божиим укрепляет нас
И «мудрецов» в безумстве обличает...
Звучит над Русью неподкупный глас
И за нее на битву поднимает.

НА ИСПОВЕДИ

Как ребенок больной, просит помощи женщина эта,
Свой печальный рассказ все не может окончить никак.
В покаянии плачет. И тихое облако света
Покрывает ее, отгоняя отчаянья мрак.

Чудотворец с иконы взирает участливо-строго.
Сколько веры вместилось в его непреклонных зрачках!
Я по воле святой отпускаю, помедлив немного,
Согрешенья ее, сам повинный во многих грехах.

В ДЕТСКОМ ДОМЕ

Нине

Светлая девочка пташкой пугливой
Ночью сидит у окна,
Бальное платье для тети счастливой
Все вышивает она.

Робко мечтает о жизни прекрасной,
Нитка бежит от руки,
И вырастают на платье атласном
Божьи цветы — васильки.

Утром блокадным начнутся заботы —
Мертвых подруг увезут.

Тоненькой девочке за ночь работы
Хвостик морковки дадут.

Медленно-медленно хвостик сгрызает,
Так и вкусней, и теплей.
Думает девочка: тетя какая!
Не забывает о ней.

Чистой душе благодати довольно.
Голод сжимает виски.
И голубеют на празднике в Смольном
Божьи цветы — васильки.

УТРО

А тело все тянет к постели...
Звонит телефон, как беда.
«Я слушаю, что вы хотели?
Нет, — это не биржа труда».

Гудок... и нелепость вопроса
В душе бестолково висит...
За шторами сумрак белесый,
В кровати дочурка сопит.

И вновь телефон. «Это Света?» —
Старушечий голос спросил. —

«Нет хлеба, скажите ей это,
Самой принести нету сил».

«Да нет, — вы ошиблись — не Света,
Такая у нас не живет...»
Но снова: «Скажите ей это,
Скажите же — пусть принесет».

Гудок., — Что же нынче случилось?
Я трубку бессильно кладу
И вновь, уповая на милость,
С молитвой к иконе иду.

* * *

Там, где стучат колеса дружные
И долго стекла дребезжат,
На лавочке они, ненужные,
Они, бездомные, сидят.

Лишь старческое одиночество
Для них осталось на веку.
Все прожито. И так им хочется
Попить горячего чайку.

И пьют его вокзальный, жиденький,
Благоприятных ждут вестей.

«Ты посади нас в поезд, миленький,
Чтобы доехать до детей!»

Туда, где плещет площадь шумная,
Ее он за руку ведет.
Она слепая, но разумная,
А он как раз наоборот.

Идут они, всему покорные,
Ни в чем прохожих не виня...
Столбами кажутся позорными
Щиты рекламы для меня.

ВСТРЕЧА

Туда, где сосны средь долины
За веком век поют Псалтирь,
Старуха-мать к монаху-сыну
Спешит в далекий монастырь.

Она к великой благостыне
В ворота древние идет,
Пред каждой храмовой святыней
Поклоны низкие кладет.

Мольба с тоской перемешалась,
Сбегают слезы по щеке...
Она с волнением прижалась
К сухой игуменской руке.

И внемлет с трепетом во взоре
Глаголу из небесных стран:
«С Преображения в затворе
Наш брат любимый Иоанн...»

В окаменении стояла.
Не захотела отдохнуть,
У кельи сына помолчала.
Отправилась в обратный путь.

Еще помедлила немножко.
Пошла, как будто налегке,
У двери черствые лепешки
Лежать остались в узелке.

* * *

А что есть счастье?! — Василек во ржи,
Прохладный, тихий вечер после зноя.
Когда к тебе ребенок твой бежит,
Когда жена любимая с тобою.

Когда ты видишь Божью благодать
В деревьях, травах, утреннем тумане.
Когда ты начинаешь понимать
Сокрытый смысл невзгод и испытаний.

Когда, смирясь, расстанешься с мечтой,
Когда уступишь ближнему дорогу
И вновь, перед иконою святой.
За все несчастья скажешь: «Слава Богу!»

И все же это счастье пройдет,
Оно не даст душе успокоенья,
Пока она к Творцу не отойдет
И не получит у Него прощенья.

* * *

*В Великую Пятницу плащаницу,
лежащую во Гробе Господнем,
по традиции Греческой Православной Церкви
украшают лепестками роз.*

В знак любви, во время Литургии,
Раз в году, в Субботу всех суббот.
Грек-монах, сияя панагией,
Лепестки народу раздает.

Это дар для плащаницы Царской
Самых лучших роз Земли Святой,
Вдоволь напоенных иорданской,
Чистой, прохладною водой.

Посмотрите — Божья милость с нами!
Мир селеньям. И любовь к врагам...
Лепестки летят над головами
И, взлетая, падают к ногам,

В них запечатлелся свет страданья
И пасхальный радостный огонь.

Со благоговеньем и лобзаньем
Собираю, алые, в ладонь.

Этот — всех болящих исцеленье.
Этот, малый, — утешенье вдов,
Этот — дев святое ограждение
И детей оставленных покров.

К каждому, кто в тюрьмах и больницах
От тоски и горечи не спит,
Лепесток Господней плащаницы
Над землей невидимо летит.

Снова прикасаюсь к ним губами
И сжимаю бережно в руках...
Где-то за горами, за морями
Вся Россия в Божьих лепестках.

Николай КОНЯЕВ

ПАСХАЛЬНЫЕ ВЕСТОЧКИ

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Что, помимо спасения собственной души, самое важное для православного человека?

Работа... Семья...

Невозможно было в Светлую Среду 1922 года более неудачно для профессора Петроградского университета, председателя общества православных приходов города Юрия Петровича Новицкого подгадать с его арестом.

Остановленный на последних страницах научный труд...

Больная дочь, которую он должен оставить у женщины, так и не ставшей его женой...

Но в «Евангелии» сказано: «Бодрствуйте, ибо не знаете ни дня ни часа, когда придет Сын Человеческий». Святой Юрий Новицкий и являет нам пример этого «бодрствования», внутренне, духовно, он оказался готов к страшной неожиданности...

Сохранилась записка, чудом переданная Юрием Петровичем из камеры смертников, позволяющая проследить, как совершалось последнее восхождение Святого профессора.

«Дорогая мама. Прими известие с твердостью. Я знаю давно приговор. Что делать? Целую тебя горячо и крепко. Мужайся. Помни об Оксане. Целую крепко. Юрий».

В своей записке-завещании Юрий Петрович не просто прощает мать, по сути сдавшую его в ГПУ (это она дала чекистам его настоящий адрес), но утешает, снимает с нее вину и пытается позаботиться о ее судьбе.

Перечитываешь эту коротенькую записку и возникает ощущение, что Юрий Петрович откуда-то из небесной выси — так сво-

боден он даже и от малейших страхов и раздражений! — смотрит на своих близких, как он смотрит сейчас и на нас...

* * *

У внука святого, Юрия Ивановича Колосова, бережно сохраняются сейчас многочисленные документы о жизни деда. Среди них — целый пакет с фотографиями Юрия Петровича Новицкого.

Вот Юрий Петрович еще ребенок, фотография сделана, когда ему было два года.

Вот Новицкий в гимназии.

Вот — Новицкий студент.

Новицкий — в Геттингене.

Новицкий — следователь Киевского окружного суда.

Новицкий — молодой приват-доцент...

Новицкий — профессор Петроградского университета...

Новицкий — глава комитета по ликвидации цензуры...

Наконец, Новицкий — в зале суда. Завершение земной жизни святого...

Профессор Юрий Петрович Новицкий

Это удивительные фотографии.

Если разложить их по порядку, можно увидеть, как происходит величественнейшая метаморфоза преобразования обычного человека в святого.

* * *

Перебирая фотографии святого, я вспоминал его автобиографию, изложенную им во время процесса:

«До революции я, будучи профессором, принимал участие в работе приходских советов, но тогда не было такой самостоятельной организации верующих.

После февральской революции я продолжал быть приват-доцентом университета.

После Октябрьской революции я работал только в университете и педагогическом институте, читал ряд лекций, ездил читать лекции по России по историческим вопросам.

После Октябрьской революции я был избран членом Правления. Я часто ходил в церковь, настоятели меня знали, и я был избран. Теоретических работ в области религиозной я не вел.

До революции трудов по религиозным вопросам у меня не было, но я читал лекции на религиозно-философские темы: о проблеме добра и преступлений, о преступлении в идее, о Церковном Соборе. Это были лекции чисто философско-исторического содержания.

В восемнадцатом году я уклонился более в религиозную сторону»...

Впрочем, если бы и не знать этой «автобиографии», ее можно было прочесть по снимкам. Вроде и не прибавилось морщин, но перемена поразительная. Воочию видишь, как все мирское, суетное переплавляется в этом лице в чистейшую духовность...

* * *

Говорят, что весной 1922 года Новицкого навещил философ Лев Платонович Карсавин. Знаток религиозной жизни Запада, сподвижник Юрия Петровича по Богословскому институту он скоро будет выслан из Советской России вместе с другими профессорами университета.

Дочь Новицкого, Ксения Георгиевна запомнила их разговор.

— Юра, — сказал Карсавин отцу. — Подумай еще раз. Поедем. Здесь ничего не будет. Ты погибнешь.

— Здесь моя Родина, — ответил Юрий Петрович Новицкий своему другу. — Я останусь...

* * *

Это было страшное для православных петроградцев время.

Бессовестное разорение церквей и поругание святынь с таким откровенным глумлением и проводилось, чтобы спровоцировать восстание и беспощадно подавить его.

Вывести Церковь из-под удара, спасти паству и пастырей и выпало на долю новомучеников митрополита Петроградского Вениамина и председателя общества православных приходов Юрия Петровича Новицкого.

Как свидетельствует внук святого, Юрий Иванович Колосов, мать его, Оксана Георгиевна, рассказывала, что в последние недели Великого поста 1922 года отец часто посылал ее с записками к

Пасхальное яйцо с «весточкой»

митрополиту Вениамину, наказывая, чтобы записка была передана лично в руки владыки.

— Обычно выходил монах, — рассказывала Оксана Георгиевна. — Но поскольку папа предупреждал меня, чтобы я передала записку лично митрополиту, я так и говорила: я не могу, мне надо передать лично. Скажите, что от Юрия Петровича. И меня впускали... Митрополит добрый был... Подойдет и благословит. Видно было, что хороший человек.

Что было в записках, четырнадцатилетняя Оксана, конечно, не знала. Но про записки помнила.

Всю жизнь потом хранила она свою первую награду — расписанное пасхальное яйцо, которым благословил ее священномученик Вениамин.

Яичко разымалось, и внутрь него можно было вложить записку.

Эти записки, как спасти православные петроградские приходы в страшной, развернутой большевиками компании по изъятию церковных ценностей и становились главной пасхальной вестью в дни Великого поста 1922 года.

* * *

В ночь на воскресенье, 13 августа 1922 года, четверо новомучеников Российских: митрополит Вениамин и Юрий Петрович Новицкий, архимандрит Сергей, и Иван Михайлович Ковшаров были расстреляны возле станции Пороховые по Ириновской железной дороге.

Говорят, что перед смертью их обрили и одели в лохмотья.

* * *

Николай Чуков сидел уже в другой камере, отдельно от Юрия Петровича Новицкого.

Ночью на 13 августа он слышал шум в коридоре, но не знал наверняка, что значит этот шум.

Просто встал и раскрыл тетрадку с дневником, а утром обнаружил, что он нарисовал там четырех ангелов с крыльями...

*Рисунок, сделанный прот.
Н. Чуковым в тюрьме в ночь
расстрела 13 августа 1922 года*

* * *

В этом году в день памяти Юрия Новицкого, митрополита Вениамина, архимандрита Сергея, Ивана Ковшарова мне довелось побы-

Священномученик Вениамин, митрополит Петроградский и Гдовский

убранства простоте и суровости той высочайшей правды, которую нес в себе профессор, юрист, христианин Юрий Петрович Новицкий, что казалось, он здесь и стоит рядом с молящимися...

И тоже молится вместе со всеми о спасении нашей страны, о спасении церкви Православной и в том числе и этого храма Святой равноапостольной княгини Ольги...

«Святый мученик Юрий, моли Бога о нас!»

«Христос Воскресе!»

вать на первой литургии в первом храме во имя мученика Юрия.

Храм этот устроен трудами игумена Евстафия (Жакова) и прихода храма равноапостольной Ольги в цокольном этаже церкви.

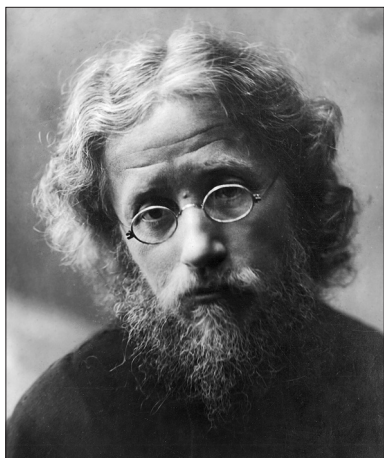
Литургия это всегда великое Таинство, но 13 августа 2008 года в храме Юрия Новицкого она была по особому особенной...

Низкие, незабелённые кирпичные своды...

Голоса хора, звучащие за каменной перегородкой, но не только ясно различаемые в самом храме, но и наполняющие все пространство особой проникновенностью и красотой...

И как точно соответствовала простота и суровость храмового

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г. и № 1 за 2009 г.

В Библии, в самом начале ее — в главе I, содержится учение о сотворении мира и человека. Сейчас нас интересует то место, где рассказывается о сотворении человека.

Ст. 26: *И сказал Бог: Сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему. И сотворил Бог человека, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их.*

Обратите внимание на эти места в Библии.

Первое содержит Совет Божественный (Лиц Святой Троицы) пред сотворением человека, там сказано, что человека должно создать по образу и по подобию Божию. А второе — самый факт творения человека: сказано, что человек сотворен по образу Божию, а о подобии Божиим ничего не сказано. И это, конечно, не случайно.

Образ Божий, как учит Святая Церковь, — в душе человека с ее способностями: ум, сердце, чувство и воля (желания). С этим человек сотворен, и ныне всякий человек с этим рождается, а уподобиться Господу Богу человеку нужно в течение всей своей жизни. Очевидно, человеку необходимо насадить в себе и мысли, и чувства, и желания, подобные тем, которые имеются у Господа. Человек и сотворен был с такими святыми мыслями, чувствами и желаниями, но испортил дело своим непослушанием. Теперь и надо восстановить потерянное. Так понимать надо это дело.

Но... тут сразу же появится масса вопросов:

А как это сделать? А что надо раньше, а что потом? Как приступить к этому делу? и тому подобное...

В предыдущей беседе на эти вопросы дан посильный ответ. Повторим кратко эту часть прошедшей беседы, особенно для тех, кто не был 8 октября, чтобы можно было подойти к теме сегодняшней беседы.

Дадим и дополнения предыдущего, какие довелось найти у святых отцов и подвижников.

8 октября речь была о жизни вечной.

А что такое жизнь вечная?

На этот вопрос определенно ответил Сам Господь Иисус Христос: *Сия же есть жизнь вечная: да знают Тебя, Единого Истинного Бога, и Его же послал еси Иисуса Христа* (Ин. 17, 3).

А как же это можно — узнать Господа?

Опять ответим словами Господа: *Блаженни (счастливы) чистые сердцем, яко тии Бога узрят* (увидят) (Мф. 5, 8).

Следовательно, чистое сердце увидит Господа. А сердце-то и смотреть не может: у него глаз нет. Дело сердца — различные переживания: радость, горе, тоска и другие чувствования. Оказывается, в этом Богопознании главную роль и играют переживания сердца.

Святые отцы говорят единогласно, что чистое сердце праведника переживает в себе присутствие Господа Бога и этим самым узнает Господа.

Святейший Патриарх Сергей в своей книге «Православное учение о спасении» так говорит: «Человек тогда действительно, а не призрачно познает Бога, когда ощутит Его непосредственно, когда Бог будет для него не только бесконечным величием, а перейдет внутрь человека, станет началом, одушевляющим человека и строящим его по Себе».

Обратите внимание на последние слова этой выдержки из книги: «Господь Бог становится началом, одушевляющим человека и строящим человека по Себе».

Да иначе и быть не может. Господь Бог — Всемогущий, Премудрый, Всесвятой, — соприкасаясь с человеком, не может терпеть его нечистоту и непотребство. «Какое общение Света с тьмою?»

И начинается очищение всей души человека, особенно сердца (чувств) как источника душевной жизни человека.

Греховные навыки, привычки скверные — так называемые страсти — постепенно все умаляются, теряют власть над человеком, перестают тиранить его — и вообще исчезают, уступая место добрым, святым мыслям, чувствам и желаниям...

Появляются мысли, какие ему никогда и в голову не приходили, появляются чувствования, каких он никогда не знал и не подозревал даже... Откуда все это? — задает себе вопрос человек, а Ангел Хранитель указывает на Духа Святого Господа, Которого и в молитве мы называем: *Сокровище благих и жизни Подателю*.

Ведь мы же молимся Ему: *Прииди и вселися в нас и очисти нас от всякия скверны.*

«Вот, — говорит святой Ангел Хранитель, — и исполняется просьба твоя: Дух Святой пришел и очищает тебя от скверны твоей».

Из мимолетных — эти новые чувства и желания становятся постоянными, обращаются в добрые навыки, как говорят: душевные расположения и (далее слова Патриарха Сергия из его книг):

«Из расположения своей собственной души праведник и узнает, в чем состоит и какова по своему существу жизнь Божественная, узнает из опыта. Таким образом, познание Бога есть зрение Жизни Божией в себе самой.

Дело в том, что нравственному сознанию христианина Господь Бог преподносится не только как Безусловный Владыка, Который имеет силу и право распоряжаться Своим творением, как Ему угодно, и предписывать все, что найдет нужным. Воля Божия есть прежде всего Воля Святая, которая Сама хочет и исполняет то, чего требует от людей.

“Святы будете”, говорит Господь, но не потому, что такова Моя Воля, а потому, что “Аз Свят есмь”, потому что Святость сообразна существу Божию, Которого вы считаете Единым Источником Истины и Жизни».

Следовательно, Господь Бог насаждает в человеке то, что есть в Нем Самом, хотя, конечно, в самой малой степени будет то, что в человеке, по сравнению с совершенством Божиим».

Вот поэтому и сказано у Патриарха Сергия, что человек из расположения собственной своей души узнает, в чем состоит жизнь Божественная.

«Познание Бога, составляющее сущность вечного блаженства, обратной своей стороной имеет уподобление Богу, достижение возможно полного воспроизведения в себе Образа Божия.

Святой Василий Великий говорит: «Кто через подражание, сколь возможно это, изобразил в себе бесстрастие Божия естества, тот в душе своей восстановил Образ Божий. А кто уподобился Богу показанным способом, тот, без сомнения, приобрел и подобие Божией Жизни, постоянно пребывая в вечном блаженстве».

Все это мною выписано и предложено вам, мои слушатели, для уяснения учения Святой Церкви Православной, как можно узнать Господа Бога и как достигается подобие Божие, о котором говорится в Библии.

Теперь вполне естественный вопрос: что же прежде всего узнает человек при такой близости к Господу?

За эти недели я не раз слышал воздыхания души человеческой: «Как хорошо бы и мне иметь такую любовь к Господу!» И приходилось слышать вопросы и пожелания многих и просьбу — более подробно указать, как к этому делу приступить? с чего начинать надо и что дальше будет?

Словом, желали получить ясные практические указания, как приобретается любовь к Господу.

Думаю, что всем нам надо это знать; ведь всем нужно приблизиться к Господу, всем нам так хочется спасения и радости вечной! И потому я с радостью выполняю такие просьбы: это мой долг, и для того я и поставлен Господом на место это.

Совершенно ясно и понятно всякому из нас, что у нас этой себя позабывающей любви к Господу нет, а следовательно, нет и жизни вечной, которая здесь, на земле, начаться должна. И как грустно это сознание!

Ведь года уходят, смерть за плечами, а этого блага небесного у вас нет. Притом ведь есть прямая и ясная заповедь Господа Бога: *Иисус сказал ему: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим. Сия есть первая и наибольшая заповедь* (Лк. 12, 37—38).

Есть такая заповедь, следовательно, можно ее выполнить. Иначе Господь не потребовал бы этой любви от нас: Господь не требует от человека невозможного.

Так как же это получить? Прежде всего, скажу словами св. апостола Павла: *Любовь Божия изливается в сердца человеческие Духом Святым, данным нам* (Рим. 5, 5). И добавил Апостол: изливается тогда, когда это соизволит Дух Святой, а не когда нам угодно.

«Люби Бога так, как Он Сам заповедал любить Его, а не так, как думают любить Его самообольщенными мечтами».

«Они, прочитав в Св. Писании, что любовь есть возвышеннейшая из добродетелей, начинают сейчас же и усиливаются развивать в сердце чувство любви, им растворять свои молитвы, все действия свои».

«...Господь требует от человека любви (такой), но любви истинной, святой, сердцем очищенным, осененным Божественной Благодатью, а не любви мечтательной, плотской, оскверненной сладострастием и гордостью. От такой жертвы нечистой отвращается Господь».

«Мы никогда и представить не можем, что происходит в то время в душе человека. И слов на языке человеческом нет таких, которые могли бы изобразить это состояние».

«Кто стяжал любовь, тот вместе с этим облачается в Самого Бога», — говорит св. Исаак Сирианин.

«Преждевременное стремление к развитию в себе чувства любви к Богу уже есть самообольщение».

Желающий приступить к Богу для служения Ему должен предаться руководству Страха Божия.

Чувство священного страха, чувство глубочайшего благоговения к Богу указывается нам, с одной стороны, необъятным величием Существа Божия, с другой — нашей крайней ограниченностью, нашей немощью, нашим состоянием греховности падения.

Работайте Господеву со страхом и радуйтесь Ему с трепетом (Пс. 2. 11), — научает нас Дух Святой. Покорным Его велению

Он говорит: *Приидите чада, послушайте Мене, Страху Господню научу вас* (Пс. 33, 12).

Начало великой науки деятельного Богопознания — Страх Божий. Эта наука называется в Св. Писании Премудростью. *Начало Премудрости Страх Господень*.

Напрасно же исполненные сомнения и самообольщения мечтатели гнушаются страхом Божиим как принадлежностью презренных рабов, когда к Страху призывает нас Бог, возвещает, что Сам будет Учителем Страха, что подаст нам духовный дар Страха Божия... Не низко для человека, ничтожной твари, отверженной, погибшей, усвоившей себе вражду к Богу, перейти из состояния вражды и гибели к состоянию рабства и спасения. Уже это рабство — великое приобретение! уже это рабство — великая свобода!

(Страх этот крайне нужен нам.)

Страх очищает человека, prepares для любви: мы бываем рабами, чтобы законно стать детьми. По мере очищения покаянием начинаем ощущать присутствие Божие, от ощущения присутствия Божия является Святое ощущение Страха. Опыт открывает высоту этого чувствования.

Высоко и возделенно ощущение Страха Божия! При действии его часто ум притупляет свои очи, перестает произносить слова, плодить мысли, благоговейным молчанием, превышшим слова, выражает сознание своего ничтожества и невыразимую молитву, рождающуюся из этого состояния.

Превосходно описывает это состояние св. Исаак Сирианин: «Смиренномудрый, когда приближается к молитве или сподобится ее, то не осмеливается и помолиться Богу, или попросить Его. Он не знает, о чем бы помолиться: он молчит всеми помышлениями своими, ожидая только милости, и той воли, которая изречется о нем от Того Величия, Которому он поклоняется. Лице его приклонено к земле, а внутреннее ведение сердца вознесено к превознесенным вратам во Святая Святых... Дерзновение его простирается только до следующих слов, только об этом осмеливается он помолиться: Господи! По воле Твоей да будет со мною».

Страх Господень есть один из 7 даров Святого Духа, которые пророк Исаия начинает так: *Дух премудрости и разума, Дух видения и благочестия, Дух совета и премудрости, Дух Страха Божия* (Исаия 11, 2).

Св. Писание, которое научает нас, что страх Господень чист, пребывает в век века, говорит и так, по-видимому, несогласно с предыдущим: *Страха нет в любви, но совершенная любовь вон изгоняет страх, яко страх муку имать: бойся бо, не совершился в любви* (I Ин. 4, 18).

Это разногласие св. отцы объясняют так:

«Есть два страха: один вводительный, другой — совершенный, один свойственный начинающим, так сказать, благочествовать, другой составляет принадлежность святых, достигших в меру любви».

Например, кто исполняет волю Божию из-за страха мук, тот, как мы сказали, еще новоначальный: он не делает добра для самого добра, но по страху наказания. Другой же исполняет волю Божию из-за самой любви к Богу, любя собственно волю Божию, исполняет ее, чтобы благоугодить Богу. Таковой знает, что есть существенное добро! Таковой познал, что значит быть с Богом! Таковой имеет истинную любовь, которую Святой называет совершенною. Эта любовь приводит его в совершенный страх, потому что таковой страшится и соблюдает верность воле Божией не из-за страха казней, не для того, чтобы избежать вечной муки, но потому, что, как мы сказали, вкусив самой сладости пребывания с Богом, боится отпасть, боится лишиться ее. Этим страхом совершенным, действующим по причине любви, изгоняется вводительный страх. Поэтому и сказано: *Совершенная любовь изгоняет страх*, однако невозможно достигнуть совершенного страха иначе, как только страхом вводительным.

Самое величие Божие наводит святой благоговеющий страх на те разумные создания Божии, которые по причине чистоты и святости своей удостоились ближайшего предстояния Богу.

Бог прославляем в совете Святых, великий и страшен есть над всеми окрестными Его (Пс. 138).

Мы, грешники, будем стремиться любить Господа, но любить тем путем, каким Он Сам заповедал нам: *Будете в любви Моей. Если заповеди Мои соблюдете, пребудете в любви Моей, как и Я соблюл заповеди Отца Моего и пребываю в Его Любви* (Ин. 15, 9–10).

Любовь ко Христу докажем послушанием Христу. Любовь к Богу Отцу докажем послушанием Богу Сыну, Который от Себя не глаголал, но возвестил нам, что заповедал возвестить Отец, Которого заповедь есть Живот вечный (Ин. 12, 49–50).

«Исполнение заповедей Спасителя есть единственный признак любви к Богу, принимаемый Спасителем».

Скажу теперь своими словами: понимаете путь любви к Богу, указанный Самим Господом? Это — исполнение заповедей Евангельских. Это еще не любовь, это — только послушание, но из этого послушания родится любовь.

Епископ Игнатий говорит, что в душу, не обработанную исполнением Евангельских заповедей, не изливаются Дары Святого Духа: *В злхудожну душу не внидет премудрость*.

И так хорошо, ласково, по-старчески, обращается епископ Игнатий к человеку:

«Ты хочешь научиться любви Божией? Удаляйся от всякого дела, слова, помышления, ощущения, воспрещенных Евангелием. Враждою твоею ко греху, столь ненавистному для Всесвятаго Бога, покажи и докажи любовь твою к Богу. Согрешения, в которые случится впасть по немощи, врачуй немедленно покаянием. Но лучше не допускать в себе этих согрешений строгой бдительностью над собою».

Ты хочешь научиться любви Божией? Тщательно изучай в Евангелии заповедания Господа и старайся исполнить их самым делом,

старайся обратить Евангельские добродетели в навыки, в качества твои. Свойственно любящему исполнять волю любимого...

«Любовь к Богу есть дар Божий в человеке, который приготовил себя чистотою ума, сердца и тела. Чем больше приготовил себя, там больше и степень дара, потому что Господь Бог и в милости Своей правосуден».

А какие заповеди Евангельские надо выполнять? И такой вопрос мне задавали! Я считаю такой вопрос пустым и праздным. Ответ может быть один: все заповеди Евангелия без всякого исключения.

А с каким настроением, с каким намерением надо исполнять заповеди Евангелия? Это вопрос серьезный и требует ответа.

Святой Иоанн Златоуст в своих вдохновенных речах много раз касается одной заповеди — о милостыне — и разъясняет, как ее исполнять надо.

Один подает милостыню потому, что этот человек по природе добрый, он не может спокойно пройти мимо горя чужого.

Иной подает потому, что у него есть лишние деньги и у него в этот момент было хорошее настроение.

Иной подает, чтобы его похвалили те, которые видят его доброе дело.

Иной подает потому, что ему приятно, самому радостно бывает после этого, и он хочет еще раз испытать эту радость.

Иной подает в надежде, что его Господь на том свете помилует, освободит от муки вечной. Ведь Он Сам обещал: *Блажени милостивые, потому что они помилованы будут*. Такой человек, грубо выражаясь, — хочет обязать Господа Бога, заставить помиловать его.

Иной подает с брезгливостью, чтобы рваный и драный нищий не ходил за ним. Еще заразит чем... Дать поскорее, и с глаз долой.

Иной подобно этому подает, чтобы отвязаться: идет — просит — надоел.

И еще, и еще бывают различные побуждения к делу милосердия.

А еще один подает, чтобы выполнить заповедь Господа: *Просящему у тебя дай!* (Мф. 5, 42). Увидел бедного — и сейчас вспомнил указанную заповедь Господа и спешит исполнить ее только потому, что того желает Господь. Потом сейчас же забывает свое доброе дело — опять по заповеди Господа: *Пусть твоя левая рука не знает, что делает правая* (Мф. 6, 3). Он ни сам себя не хвалит, ни от людей похвал не ждет.

Вот этот, говорит св. Златоуст, совершил истинное доброе христианское дело. Совершил его ради Христа, ради Христова Слова, ради сыновнего послушания Господу.

Приложите это объяснение Святого Златоуста к делу любому, ко всякой заповеди Евангелия и поступайте так. *И будете Сынове Отца вашего Иже есть на небесех* (Мф. 5, 45).

Помните прекрасные слова святых отцов: «На Небе награждается только одна добродетель — Христианство», то есть такие дела,

которые выполняются ради Христа, для Христа, ради послушания, послушания беспрекословного, нерассуждающего.

Я нарочно так подробно остановился на этом вопросе, потому что здесь правило христианского поведения на всю жизнь. Это еще не любовь к Господу, ее еще нет в сердце, это только послушание, но из этого послушания и рождается любовь. Начните — и увидите, что получится. Опыт сам научит тому.

И еще у меня есть вопрос такой: а если встречу бедного, а подать мне нечего, как тут быть? А вспомните слово святого Иоанна Златоуста, которое читается на Утрени в день Святой Пасхи. Там так говорится: «Господь Бог и намерение целует», то есть и намерение приветствует. Если было искреннее намерение подать, а подать нечего, тогда обратитесь в душе вашей к Господу и скажите:

— Господи! Ты Сам видишь все: нет у меня ничего. Пошли, Господи, человека, который поможет бедному вместо меня, а меня прости, Господи! И да будет Воля Твоя над всеми нами!

И все... и не горюйте больше, не смущайтесь, не засуживайте себя. Ведь Господь — не человек. Он все поймет и всякого пожалеет.

Итак — исполняйте заповеди Евангелия с искренним намерением угодить Господу Иисусу Христу.

Но... это еще не все. Еще крепко помните: на себя не надейтесь в этом деле! На свои силы, на свое разумение никак не надейтесь! Вашей силенки не хватит! Ваш разум подведет вас — не так сделаете, как надо. Да еще и враг — под руку подвернется. Он не оставит вас в покое — не ожидайте. Помните великое слово Господа: *Без Меня не можете сделать ничего*. В этом слове скрыта великая истина!

Об этом мы говорили не один раз, и сейчас повторяться нет времени. Поэтому истинный христианин отлично знает, как он слаб и ничтожен без помощи Божией, и постоянно — неустанно и упорно — тянется к Господу и смиренно умоляет о помощи. И шепчут уста его смиренную молитву: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!*

Молитва коротенькая, легко ее запомнить, а так как каждый момент жизни нужна помощь Божия, то и повторять ее надо каждый момент... Вот побуждение к молитве частой, постоянной.

И знает Господь наши нужды и немощи и завещает нам устами Своего Апостола: *Непрестанно молитесь!* (1 Сол. 5, 18). Непрестанно стучитесь в дверь милосердия Божия!.. Бойтесь остаться одни: поймают вас враг — худо будет. А это так легко!..

Очень вразумительно говорит епископ Феофан (в письме своем одному человеку):

«Заботу Вашу об умном предстоянии Господу — благослови Господи! Ищите и обрящете!.. это — неотложный закон для всего желаемого на пути преуспевания духовного... Даром ничто не приходит.

Помощь Божия всегда готова и всегда близко, но она уделяется только ищущим и трудящимся, и притом тогда, когда ищущие пе-

реиспытают все свои средства... и полным сердцем начнут взывать: Господи! Помоги!

А пока остается хоть малое ожидание от своих способов, Господь не вмешивается сюда, как бы говоря: «ожидаешь сам достигнуть... Ну и жди!.. Но, сколько ни будешь ждать, — ничего не выйдет». Даруй вам Господи Дух сокрушен, сердце сокрушенное и смиренное».

Вот как говорит Богомудрый подвижник: просто — просто, но и крепко... Ведь все и всегда зависит от Господа. Я всегда с особенным чувством читаю третью молитву при причащении больных. Все-все от Господа!

Считаю долгом добавить и указать одно из заблуждений, которое часто бывает у трудящегося... Сделал доброе дело — и похвалил себя в своей душе: вот я какой хороший! Умница какая!.. Чуть-чуть не праведник. Уже теперь Господь мне даст все: обязан дать...

Сверкнула в уме такая мысль, и все доброе ваше потеряло силу и цену: вы себя похвалили... Чего же еще вам надо? Господу и награждать не приходится... И напрасно такой человек что-то ждет от Господа...

Нет, не такое настроение должно быть у нас. Святой апостол Павел сказал ясно: *Если выполните все повеленное вам, и тогда говорите, что мы рабы, ничего не стоящие, потому что сделали только то, что заповедано нам.*

Так и думать станем... а горделивые помыслы (то есть даже мимолетные, только неожиданно мелькнувшие мысли) будем гнать прочь немедленно, потому что, по слову Писания: *Мерзость пред Господом помысл несправедливый.* И об этом подумайте, и серьезно подумайте.

Говорим: без помощи Божией ничего не выйдет. А где и как эту помощь Божию получить можно?.. А только в Церкви Православной...

Верую во Едину Святую Соборную и Апостольскую церковь — поем мы за Литургией. Святые отцы говорят, что в Церковь Святую, как в великую Сокровищницу, Святые Апостолы положили все, что потребно для спасения. И это совершенно правильно. В Святой Церкви все для спасения...

Здесь — правильное учение о Боге и о человеке.

Здесь — веяние благодати Святого Духа. Эта Благодать — благодатная помощь Божия — подается исключительно через Таинства Церкви Православной.

Здесь — святые Учители и Пастыри, в своих писаниях объяснившие великое учение Евангелия.

Здесь — Епископы и священники, которые по долгу службы должны знать более других учение Святой Церкви и разъяснять его.

Здесь — братья и сестры во Христе, которые и помогут в горе и нужде, дадут совет, утешат.

Здесь — одна семья, все — и живые, и умершие, — все соединены в одно, живут общими интересами, заботой о спасении. Каждый любовно заботится как о себе, так и о всех.

Видите, какое великое дело — Святая Церковь и с одной Главою Иисусом Христом. И правильно сказано: «Вне Церкви нет спасения!»

Держитесь же, слушатели, братья и сестры родные, Святой Церкви, Ее Уставов и указаний, и Господь будет с нами!

Аминь.

«Кому Церковь — не мать, тому Бог — не отец».

Ибо от кого же узнает дитя всю правду об Отце, если об этом не расскажет ему мать...

Закончим словами старца иеросхимонаха Парфения Киевского:

«Всякому хотящему спастися надо всем сердцем взыскать Господа, а взыскать Его можно только прилежным и докучным к Нему молением. Ты только молись, проси от всей души Господа, чтобы Он не оставил тебя, а Он вразумит, наставит и от греха сохранит тебя, а сам по себе ничего не сделаешь: без Бога ни до порога».

Примечание 1.

Истинный христианин в этой земной жизни стремится стать на путь добродетели всеми способами, какие указывает наша вера, стремится насадить в себе добрые, святые мысли, чувства и желания и тем, сколько возможно, уподобиться Богу. Ведь есть прямая заповедь Господа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный*. Вот где цель всех стремлений человека, вот (так сказать) идеал, к которому должно стремиться.

И мне не раз говорили при этих словах: «Да тут жизни не хватит!», очевидно, подразумевая под словом «жизнь» жизнь земную. И это совершенно справедливо. Совершенство Господа Бога бесконечно, безгранично, и сколько бы тысяч лет ни прожил человек, и сколько бы ни приближался к бесконечному совершенству Творца и Господа своего, все еще будет очень и очень далек от конца...

А так как заповедь Господа: *будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* — не случайно сказана, не просто слова одни, а Заповедь Вседержителя, то ясно, что она должна быть выполнена, а для этого прежде всего прочего человеку надо жить без конца. Так и верует Святая Православная Церковь, что человек должен жить без конца, жить вечно...

На земле он начинает жизнь вечную, закладывает, так сказать, фундамент будущей постройки, приобретает то расположение, то направление своей жизни, которое после смерти будет развиваться и увеличиваться, — и это все без конца... А так как один человек прилагает больше трудов и усилий, чтобы насадить в себе доброе настроение, а другой — меньше, то вполне естественно, что и степень достигнутого будет различная.

В каждый данный момент один стоит ближе к Господу Богу, другой — еще ближе, а иной совсем далек от Господа Бога... А так как от степени близости к Богу и Господу зависит и степень блаженства

человека, то совершенно понятно, что блаженство праведных будет также иметь различные степени...

И это так и есть и на деле. Св. Иоанн Златоуст говорит определенно: «В сем убеждает нас не только наше умозаключение, но и Слово Божие: ибо и Сам Иисус Христос говорит: что Господь воздаст каждому по деяниям его» (Мф. 16, 27).

И не только в геенне, но и в Царстве Божием найдешь множество различий. Господь говорит: *в дому Отца Моего обители многие суть* (Ин. XIV, 2); и еще: *ина слава Солнцу, ина слава Луне, и ина слава звездам: и звезда от звезды разнится во славе. Так и при воскресении мертвых* (1 Кор. 15, 42).

А если такое положение в Царствии Небесном, то не может ли случиться, что один праведник будет скорбеть и тосковать, когда увидит, что у другого степень блаженства больше, чем у него? Ведь это совсем несовместимо с нашими представлениями о Царстве Небесном, «отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание».

На самом деле, как святые отцы объясняют такое недоумение наше? Отвечает на такой вопрос святой Ефрем Сирианин:

«Многими обителями у Отца Спаситель называет меры разумения водворяемых в Небесной стране; разумею же те различия и разности, с какими наслаждаются там, сообразно со своим разумением, ибо Господь наименовал многие обители не по разности мест, но по степени дарования... Как от одного светильника, освещающего одну комнату (дом), каждый луч бывает различен, хотя свет не делится на многие светильники, так в будущий век все праведные водворяются нераздельно в одной радости, но каждый в своей мере озаряется Единым мысленным Солнцем и по степени достоинства почерпает радость и веселие... И никто не видит меры высшего и низшего, чтобы, смотря на превосходящую благодать другого и на свое лишение, не иметь в этом для себя причины к скорби и беспокойству. Да не будет сего там, где нет ни печали, ни воздыхания, но *всякий по данной ему благодати, в своей мере веселится внутренно, а по внешности у всех одно созерцание, одна радость*».

Примечание 2.

А в том, что действительно каждый момент жизни, каждый шаг мы должны направлять по заповедям Божиим, убеждают нас и Слово Божие, и молитвы Церкви.

На 1-м часе Всенощного бдения мы слышим, как читаются слова псалма 118, ст. 133: *Стопы моя направи по словеси Твоему, да не возобладает мною всякое беззаконие*. В последней молитве Всенощной читается: *Исправи стопы наша к деланию заповедей Твоих*. В начале Литургии священник, благославляя диакона, говорит: *Да исправит Господь стопы твоя*. И много других мест. *Стопа* — это след ноги человека, то есть даже самый маленький шаг человека должен быть направлен *к деланию заповедей Твоих*.

ПОЭЗИЯ

* * *

Евгений ЮШИН

«МЫ — ПОСЛЕДНИЕ ДЕТИ ДЕРЖАВЫ»

Евгений Юрьевич Юшин — родился в городе Озеры Московской области. Закончил филологический факультет пединститута, работал редактором, вел ЛИТО «Магистраль». Лауреат премий им. А. Твардовского и Всероссийского поэтического конкурса им. А. С. Пушкина. Секретарь правления СП России. Главный редактор журнала «Молодая гвардия». **Живет в Москве.**

По нашей странной русской жизни,
Пирам лачуг, тоске дворцов
Не осознать любовь к Отчизне,
Любовь к себе, в конце концов.

Но познаю пчелы молитву
И васильковый взгляд в овсе,
Зарю, идущую на битву,
В петуших перьях и росе,

Тоску разгульную полыни,
Впитавшей дым, впитавшей пот,
Колосья, русский дух над ними,
Сиротство стога у ворот,

Боров небесные окошки,
Веков угрюмых бурелом...
Спешит изба на курьих ножках
За бабкой в ступе и котом.

Там ладят улья медвежата,
Лесовичиха мох придет,
И месяц поит из ушата
Дымы русалочьих болот.

И надломив рассвета соты,
Прикрыв туманом синий взор,
Сама Россия входит в воду,
В блаженство женственных озер.

Гусей пролетных вереница,
Густых кувшинок невода...
И каждый миг

не повторится

Ни через год и никогда.

И никогда под небом сирым
Вот так же —

в славе и красе —

Заря не воспарит над миром
В петуших перьях и росе.

И полетят другие гуси,
И песни новые вослед,
Но так же будут пахнуть Русью
Полынь

и этот белый свет.

* * *

Вот и снова встретились, милая окраина.
Тишина рассветная спит на колоске.
На крыле у селезня синяя окалина.
Чешуя у берега на сыром песке.

А река волнуется, побежит, оглянется.
Молодая — елки ты! — я-то постарел.
А по лугу стелется и по небу тянется
Песня та, которую я пока не спел.

Я умоюсь облаком, солнцем и березами,
В радугу с молитвою сходу окунусь.
С песнями счастливыми, с горевыми грозами
Поплыву вдоль берега, обнимая Русь.

* * *

Осыпайтесь, осыпайтесь листья, дожди заоколичные!
Приседайте жухлые травы в соке небес!
Эти поля шершавые, луговины войлочные,
Этот в осенней капели плывущий лес...

И бесприютно, а сердцу уютно — надо же! —
Ласково даже. Сыты сады водой.
Вот посветлело, и в небе качнулись ландыши —
Целое поле ландышей надо мной.

Тихо мерцают. Каждому счастья хочется.
А над деревней струятся дымки, парят.
А над деревней месяц о трубы точится —
Вот они, искры, в небо-то и летят.

Ай, загадать бы что! Но зачем о выгоде
Думать, бродя за звездами не спеша?
Вышел сосед, закурил, — все глядит-не выглядит:
Что там вдали распознала его душа?

* * *

Свеча моя плачет, а я не сронил ни слезинки.
И скорбны иконы, как будто поднялись из глины.
Я с папой прощаюсь, читаю родные морщинки:
Вот эти — за Брест и Варшаву, а та — за Берлин.

Куда ты, куда отлетаешь от милых полесий?
Озера твои еще помнят тебя и зовут.
Соснового бора небесные, синие песни
Далеко-далеко последней тропой ведут.

А ты поднимись, оглянись — за разбуженным садом
Взвесененным, птичьим — плывут облаков корабли.
Ты нес на плечах меня майским счастливым парадом.
Теперь вот другие тебя на плечах понесли.

Прости, мой хороший, слепышка. Ты будешь мне сниться.
Еще будет много неожиданных и жданных потерь.
Тебя еще помнят скрипучая дверь, половица
И это вот стол, где тебя поминаем теперь.

Как поздно любовь, что ты мне подарил, возвращаю.
Из вечных просторов обратного нету пути.
А если что было не так, то тебе я прощаю.
А если что было не так, и меня ты прости.

* * *

Изо всех карманов город выброшу.
Человеку в городе не жить,
Разве только хочет сердце высушить
Или вовсе душу осушить.

Слишком еще многое не пройдено.
Многое прожито не всерьез.
Я уеду — в черную смородину,
В голоса орешников и гроз.

Долго буду удочки настраивать,
Долго буду сено ворошить,

Медовуху добрую настаивать —
В этом мире некуда спешить.

В сентябре поднимутся озимые.
Боровик со мха приподниму.
Человеку лишь необходимое
Нужно, если только по уму...

Если только сердцем не развяленным,
Как родную песню уберечь
Золотой простор, любовь и яблоню,
И боров молитвенную речь.

* * *

Тихое, родное захолустье.
Речки ослепительный прищур.
Сколько здесь невысказанной грусти
В дреме палисадников и кур!

Пропылит автобус — снова тихо.
Только в центре, где лотошный ряд,
Магнитола взвизгивает лихо
С нашей жизнью вовсе невпопад.

Потому, наверно, и поникли,
Встав в тенечке узеньким рядком,
Бабки с карасями и клубникой,
С пахнущим лугами молоком.

Все тут близко: небо и крапива.
Сто шагов — а вот уже и лес.

Боже мой, как тихо и красиво:
Радуга с дождем наперевес.

Пыль — так пыль, болота — так болота.
Человек — подкова да камень.
Это было... Утекла порода
Из широких наших деревень.

Век двадцатый резал и корявил,
Изрубил нательные кресты.
Лишь похмелье горькое оставил
На полях да сорные кусты.

На хрена такой прогресс лукавый,
Если гибнет самое мое?!
Вот стою на краешке державы,
И волна вздымает острие.

* * *

Мы — репейники, чертополохи,
Васильков полевые огни.
Мы — последние дети эпохи
На развалинах бывшей страны.

А ведь было и детство счастливым,
И рассветная юность — в глаза.
Нас ласкали поречные ивы,
Угощали малиной леса.

Костровые мечтания пели
О ромашках в дорожной пыли.

И за радостью не разглядели,
Как страну из-под ног увели.

Потеряли и голос, и время.
И, дорогою русской пыля,
Иностранцы — крапивное семя —
Заселяют родные поля.

Вот стоим у большой переправы,
Где страдания, порох и кровь,
Мы — последние дети державы,
Сохранившие только любовь.

* * *

Все придет, все сбудется однажды,
Все, чего хотим и не хотим.
В небеса заглядывался каждый,
Но не каждый прочитал по ним.

Каждому с рождения, как причастье,
Мир дарует и медок, и яд:

Временные радости и счастье,
Вечный холод горевых утрат.

А иначе в мире и не будет.
Потому, приемля мир таким,
Поклоняюсь и земле, и людям,
Кем я тоже, может быть, любим.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

ПОЭЗИЯ

Евгений ПРАСОЛОВ НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ

Евгений Владимирович Прасолов — родился в 1941 г., за четыре месяца до начала войны, в деревне Лебеди на Белгородчине. После окончания Старооскольского техникума работал геологом в Якутии на поисках алмазов. Большую часть жизни провел в родном городе Губкине, работая в НИИ по проблемам Курской магнитной аномалии и немного в редакции городской газеты. В настоящее время служит в территориальном Совете депутатов. Член Союза писателей России. **Живет в г. Губкине Белгородской обл.**

В наше смутное время печатается множество самодеятельных поэтических книг, подавляющее большинство которых сливается в один общий мутный поток слабых любительских опытов стихотворчества. Тем ярче, контрастней, неожиданней воспринимаются стихи Евгения Прасолова — они напоминают мне сильный, чистый, солнечный родник, истоком которого являются самые сокровенные, самые светлые глубины русской души. Для Евгения Прасолова умение слагать стихи — лишь одно из средств самообнаружения своего душевного богатства, и благодаря этому средству поэт делится с читателем своей добротой, сердечностью, любовью и тревожными раздумьями о трудной судьбе нашего земного мира. Его стихи не вымучены, не выдуманы, они на редкость естественны, самобытны, ибо органично связаны с правдой духовного мира автора.

Ю. Шестаков

* * *

Под городом Губкином —
бури магнитные...

Все мне мерещится
былью седой:

Где-то в степях,
на Руси на молитвенной
Бьется мой предок
с Ордой Золотой.

Не одолеть эту силу поганую
(То-то слетится на пир воронье!).

И — словно вздох
за смертельною раною:
Имя, о Русь, да святится твое!..

НА КУРСКОЙ ЗЕМЛЕ

По курской земле —
То поля, то дубравы,
На курской земле —
Соловьи на заре.

Россия, Россия,
Ты снова во мгле!
Но строятся храмы,
Но строятся храмы
По Курской дуге,
На курской земле.

Мои Лебеди —
были ль, не были?
Веет память
теплом из детства.
Моя мудрая бабушка Лена
мне оставила сказку
в наследство.
Что не зря
этим гордым именем
называется край наш
издревле.
Будто в наши когда-то
дали
гуси-лебеди прилетали.
Эту сказку я крепко
запомнил,
Я мечтою ее дополнил.
Только в детство
послевоенное
не летели
лебеди белые.

Я вернулся к ним
издалека
и увидел я,
как вырастают
корпуса Лебединского
ГОКа
в лебединую песню края.
Мои Лебеди!
В пульсе Родины
громяхают взрывы
карьерные...
Каждый дружит с мечтой
по-своему
и по-своему счастлив,
наверное.
Потому-то я верю сыну:
он недавно друзьям
божился,
будто видел,
как в небе синем
белый лебедь над ним
кружился.

Только про крест забывают.
И, одержимые духом
Злобы ли,
Пьянства ли,
Блуда,
Слушают все вполуха
Про покаянья чудо.
Сердцем все же постигнут
Сроки и дня, и часа —
Храм на горе воздвигнут
Преображенья Спаса.

Каблучками клацал
От волненья,
Женщина в редакции —
С объявлением.

Словно боль сердечная
Отдается:
«Платье подвенечное
Продается!»

Не по доброй волюшке
Да с охотой,
А по грустной долюшке —
Безработной.

Совесьть — безупречная,
Да не кормит.
Платье подвенечное...
Есть что вспомнить!

Любовался суженый
Белым платьем,

Приминалось кружево
От объятий.

И звала гармоника
Для запева,
И шептала публика:
«Королева!»

Счастье вещь не вечная.
Круг замкнется...
Платье подвенечное
Продается.

ПРАЗДНИЧНАЯ ПЛОЩАДЬ

Был народ, как загнанная лошадь.
Шел он, как над пропастью, по краю.
И, придя на праздничную площадь,
Плакался в жилетку Первомаю.
Что вот вышла перестройка боком,
Что совсем реформы придавили,
И что все мы в прошлом недалеком
Ненамного, но достойней жили.
Хоть чуть-чуть, но все ж была забота,
Хоть чуть-чуть, но вовремя платили.
Если ж кто-то обижал кого-то,
То управу все же находили.

И какой-то молодой оратор
Обещал достойным быть эпохи,
Обещал вернуть он ветеранам
Ими завоеванные крохи.
И, немного строгий от волнения,
У небес священник удрученный
В микрофон просил благословенья
На любовь сердец ожесточенных.
И покуда длилась эта «месса»
И молили люди о Мессии,
Сыто проплывали в «мерседесах»
Новые хозяева России.

МОЛЬБА

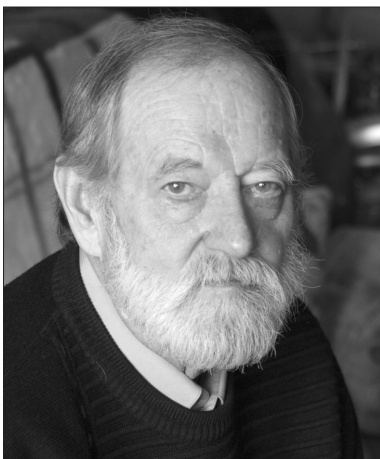
Живу я под вечным небом,
И светит мне вечное солнце,
И верю я в то, что вечна
Земля, на которой живу,
Что будут мои потомки
Над чистым склоняться коловцем,
И пить родниковую влагу,
И падать устало в траву.

Но если не вечно солнце!
Но если и вправду небо
Свернется обугленным свитком
И звезды на землю падут...
Прости им, прости, о, Боже!
Потомкам моим, что не был
Я сыном тебе послушным,
Приблизив Твой Страшный Суд!

НА СТРАСТНОЙ НЕДЕЛЕ

Светлого ждем Воскресенья,
Плоть усмиряем постом,
Чтоб обрести спасенье
Вместе с распятым Христом.
Скоро под сводами храма,
Будто пролившись с небес,

В ладанном облаке дыма
Грянет: «Христос воскрес!»
Буду со всеми свято
Чаять спасенья в Христе...
Только вот вновь распята
Родина на кресте.

Иван ЕВСЕЕНКО

ДОРОГИЕ МОИ

*рассказ в письмах
(из цикла «Трагедии
нашего времени»)*

Иван Иванович Евсеенко — родился в 1943 году в с. Займище Щорского района, Черниговской обл. Работал учителем в сельских школах, сотрудником районной газеты, служил в армии, учился в Курском педагогическом институте. В 1973 году окончил Литературный институт им. Горького (семинар С. Залыгина). Автор почти двадцати книг прозы. Лауреат ряда литературных премий, в т.ч. им. А. Бунина и А. Платонова. Долгое время возглавлял журнал «Подъем». Член СП России. **Живет в Воронеже.**

Дорогие мои Валентина, Олег и Настенька!

Давно не писала вам письмеца-послания. Вы уж на сердитесь на меня, старую. По осени еще собралась было, но очки мои пришли в полную негодность, раскололись на мелкие стеклышки, не соберешь никаким путем. Котенок малый, Тимка, который тут у меня завелся, столкнул их, играючись, с лежанки. Они упали на пол и рассыпались. Но хоть бы даже очки и сохранились, так все равно написать вам письмо я не смогла бы. Не оказалось у меня почтового конверта, и ни у кого иного из пяти жителей нашего селения-хутора Мурашки его тоже не отыскалось. Раньше конверты, марки, ручки-карандаши и великие наши пенсии доставляла из центральной усадьбы, из Нижнего Поля, почтарка, Устинья. Ты, Валентина, должна бы ее помнить, внимательная была такая женщина, заботливая. Но теперь она тоже уже состарилась, отбыла на пенсию, а новая, молодая, отреклась от нас. Чего это, говорит, я буду бить ноги в такую даль, за десять километров из-за пятерых стариков-старух. Оно и, правда, близкий ли свет почтарке каждый день ходить к нам, считай, попусту. Ей, дай Бог, обойти Нижнее Поле, где двести дворов, а мы как-нибудь переможемся — не сахарные.

Летом по теплу и хорошей дороге мы в назначенный день снаряжались за пенсией сами по очереди, а с осени, когда задождило, заслякотило, сидим дома. Деньги нам тут вовсе и не нужны. Магазин, сельпо, закрыли, так что купить-приобрести чего необходимого и нельзя. Хотя и то надо сказать, нам ни в чем магазинном никакой потребности и нету. Со своего хозяйства живем, с огорода да со двора, от утки-курицы.

Но нынче конверт у меня объявился. Как только встала зима, так по первому снегу прибежал к нам на лыжах из района внук Антонины Макаровны, Алеша. Такой, я тебе скажу, Валентина, хороший парень этот Алеша. Дочь и зять Макаровны, Антонина и Константин, навещают редко, работа какая-то там у них в городе ответственная, тяжелая, не оторвешься, а Алеша бабушку не забывает. Он и привез нам (догадливый какой!) и конверты, и ручки-карандаши, и тетрадки в линейку и клеточку для писем.

Очки же я одолжила у Василия Авксентьевича. Они не совсем для моих глаз, но я приловчилась и вот пишу, сочиняю вам послание.

Живем мы тут, в Мурашках, не совсем и худо. Соседки мои, подружки, хоть и в годах уже все, а унынию не поддаются. Некогда нам поддаваться унынию и печали. Огороды-ланы надо обрабатывать, кур-уток, поросят-кабанчиков растить, дом, подворье, блюсти, о дровах для печек-лежанок думать — какая может быть печаль?! По вечерам сходимся мы у кого-нибудь в доме, телевизор смотрим, семечки щелкаем, в карты и лото поигрываем, а иной раз так и по рюмочке выпьем. Тогда уж и вовсе нету нам укороту: песни-причитания такие заведем, что никакое радио-телевизор нам не соперники.

А вот Василий Авксентьевич, как умерла нынешним летом его жена, Варвара Прохоровна, совсем затосковал. Конька своего буланого, Орлика, которого держал все послеколхозные годы, сбыв куда-то в Нижнее Поле. Невмоготу и не в силу стало ему доглядывать за ним. А без Конька-Горбунка этого всем нам, хуторянам, муравьям-мурашкам, тяжеловато будет. Василий Авксентьевич, ладно что человек совсем уже старенький, войну отвоевавший, а на буланом безотказном коньке Орлике огороды нам по весне пахал, дрова-хворост из лесу привозил, на мельницу в Нижнее Поле наши мешки-оклунки доставлял. А теперь вот придется нам что-то иное выгадывать.

Мы, конечно, Василия Авксентьевича в одиночестве и забвении не оставляем. И обед ему готовим, и в доме прибираемся, и портки-рубахи стираем, а все равно заменить Варвару Прохоровну не можем. Она была ему уж подруга из подруг. Наши мужья много моложе были Василия Авксентьевича, а давно в сырой земле лежат. Она же своего вон до какого преклонного возраста уходом да вниманием довела. Таких женщин-жен, как Варвара Прохоровна, поискать надо. Ну да, может, Василий Авксентьевич как-нибудь соберется с духом, переборет свою тоску-печаль.

Я в нынешнем году урожай собрала-вырастила стопудовый. Картошки накопила полный погреб, огурцов-помидоров насолила две бочки, капусты накупила, грибов намариновала и засушила. Мне за зиму и трети всего не поесть, не попить. Вы бы собрались как-нибудь да приехали, пока дорогу не замело, набрали бы всего понемногу, чего зря на городской базар-рынок тратиться.

Разбитые мои очки, стеклышка-половинки Алеша собрал в бумажку и повез в город. Говорит, новые по тем половинкам закажет, так что к следующему письму я уже буду со своими глазами.

*На том оставайтесь живы и здоровы.
Ваша мать и бабушка Анастасия Михайловна.*

Здравствуй, мама!

Отвечаю тебе на бегу, времени свободного нету ни минуты. Мы тут решили расширять свою торговлю, открываем еще один магазин женского нательного белья. Уже купили под него помещение в самом центре города, в хорошем месте. Олег мотается теперь по всяким конторам и учреждениям, согласовывает документы. Дело это нелегкое. Чиновники совсем распоясались: за каждую бумажку, печать и подпись почти в открытую требуют взятку, деньги. И никуда ведь не денешься, приходится платить, иначе ничего не выйдет. Все, какие были у нас запасы, мы на новый магазин извели и теперь сидим, считай, на бобах. А когда пойдет прибыль, еще неизвестно. Но и не расширяться нельзя. Деньги дешевают, их надо пускать в оборот.

Я перешла на новую работу, в банк. Должность солидная, но приходится крутиться, как белке в колесе, ни дня мне теперь, ни ночи, ни выходного, ни проходного.

Настя кое-как учится. Не столько учится, сколько бегает по танцулькам да сидит возле компьютера, в Интернете. А ведь весной школу заканчивает, и надо что-то думать о дальнейшей учебе. Олег предлагает на экономический. А я — против. Мне вся эта экономика, бухгалтерия в печенках. Может, лучше на юридический. Сама же Настя хочет в медицинский на фармацевтический факультет, то есть на аптекаря выучиться. Оно, конечно, тоже заманчиво. Аптекарский бизнес сейчас идет хорошо, так что после института без работы сидеть не будет. Но ведь какая настырная! Поступать намерена не здесь у нас, в городе, а непременно в Москве. О том же не заботится, как родителям ее там учить. Вступительных экзаменов она не сдаст, и нам придется определять ее на платное отделение. А это деньги немалые. Потом квартиру в Москве надо будет снимать, на одежду-обувь что-то студентке давать, на пропитание. Тоже в копейчку влетит. Я в институт своим умом поступала и выучилась на одну только стипендию да на твои посылки. Иной раз заговорю об этом с Настей, так она мне в ответ: «Ты в другое, советское время жила, тогда вы все дураками были!» Может, и правда — дураками. А теперь времена иные. Во главе всего рубль стоит. Ну, да деваться некуда, надо учить Настю, на ноги ставить. С годами, когда заживет самостоятельной жизнью, замуж выйдет, глядишь, и поумнеет. На это у нас с Олегом и вся надежда.

О том, чтоб приехать сейчас к тебе, не может быть и речи. Меня из банка ни на единый день не отпустят. Только ведь начала работать, надо показать себя с лучшей стороны, закрепить. У Олега тоже время нынче самое напряженное — день год кормит. Может, весной как-нибудь вырвемся.

Целую. Валентина.

Дорогие мои Валентина, Олег и Настя!

Письмецо ваше лежало в Нижнем Поле в сельсовете целых три месяца. Замело нас такими снегами, заморозило такими морозами, что никуда и носа не покажешь. К обеду только откопаемся, отгребемся от сугробов, чтоб друг дружку навестить.

Алеша к Макаровне за эти месяцы несколько раз прибегал, очки мне привез. Заглядение одно, а не очки: стеклышки прозрачные, выразительные, дужечки цепкие, вязкие, нигде не жмут и не томят. Я вот пишу теперь в них вам послание и никак не нарадуюсь, такая глазастая стала, будто ястреб.

Алеша порывался в Нижнее Поле по нашей нужде-заботе сбегать, но мы напрочь не пустили его, велели ждать тепла и оттаяния. Вдруг простудится, захворает, будет нам за это от родителей его укор и поругание.

И слава Богу, дождались повесенья, март-месяц на дворе, солнышко высоко уже поднимается, снега умяет. Тут уж мы Алешу сдерживать не стали. Сбегал он в Нижнее Поле, привез и казенные наши пенсии, и письма-конверты, и целый пуд сахару, а то мы все запасы свои извели, чрезмерно чаевничая по вечерам.

Оно бы по теплу можно и жить себе припеваючи. Да не получается. Беда у нас приключилась великая, скорбная. Умер-таки еще в начале зимы Василий Авксентьевич, сколько мы о нем ни заботились, сколько ни берегли. Без Варвары Прохоровны не жизнь ему была, не отрада.

Похоронили, оплакали мы Василия Авксентьевича всем своим селением. Сына его, Александра, на похороны вызвать не сумели. Живет он где-то не в наших пределах, не то в Сибири, не то в Приморском крае. Адреса его в доме Василия Авксентьевича мы не обнаружили, а ведь должен он быть, сберегаться. Александр нет-нет да и присылал письма отцу с матерью. Но и то сказать, хоть бы и нашли, так что толку. В три дня с Приморского этого краю к нам ни на каких крыльях не долетишь — и далеко, и накладно. Александр и на похороны матери не приезжал.

Помянули мы Василия Авксентьевича и в девять дней, и в сорок, и вот всё горюем по его утрате. Он хоть и совсем старенький был, и слабый здоровьем, а все же нам опора и надежда. Мужчина, что там и говорить. И советом поможет, и гвоздь какой, если понадобится, забьет, и печку-лежанку починит. Он мастеровой на все руки был. К Новому году и Рождеству поросят-кабанчиков всегда нам резал-колол. В этом же году кинулись, ан некому. Хорошо, Алеша как раз к Макаровне подоспел, так под нашим приглядом и поколол их всех, порезал, не заробел. Таких ребят, как Алеша, скажу по чести, нынче поискать надо. Любое дело у него в руках горит-спорится. Вот бы нашей Настеньке подобного мужа в будущем. Она бы за ним, как за каменной стеной была.

Жаль, конечно, что вы не смогли приехать, взять у меня картошки, свеклы-моркови, огурцов-помидоров. Картошку мне посчастливилось продать. Залетел тут к нам в предзимье какой-то перекупщик на бортовой машине. Ну, мы и сбыли ему картошку по пять рублей за килограмм. Денег у меня теперь целая мошна. Хочу Настеньке подарок купить к окончанию школы. Алеша мне его враз доставил бы, да и сама, когда дорога уляжется, сходила бы в Нижнее Поле. Там магазин большой, товару всякого не счесть. Ты бы только, Валентина, подсказала мне, чем она интересуется, чего жаждет. А то вдруг куплю что-нибудь такое, что ей не по вкусу.

Вы за деньгами особо не тянитесь, не надрывайте силы. Все богатства одно-едино не заработаешь, да и зачем они человеку все. Достаток есть в доме — и хватит. Главное, чтоб здоровье было да душа спокойная.

*С тем и кланяюсь вам.
Ваша мать и бабушка Анастасия Михайловна.*

Здравствуй, мама!

Мы только что вернулись из Таиланда. Удалось-таки во время Настиных каникул вырваться на две недели, отдохнуть возле моря. Летом вряд ли получится. И Настю надо будет в институт пристраивать, и у Олега с торговыми делами летом самый сезон, прохлаждаться некогда.

У Насти, слава Богу, все есть, ни в чем она не нуждается. Ума бы только побольше. Но если уж ты так загорелась на подарок, то купи ей золотой или серебряный крестик. От чего иного она еще может и отказаться, закапризничать, а от крестика нательного, бабушкиного подарка не откажется. Это я тебе обещаю. Ты меня знаешь, я до поры до времени ласковая и мягкая, а если что не по мне, то быстро любому укорот найду.

Олег купил себе новую машину, «Мерседес». В его положении ездить на старой, поношенной просто уже не прилично. Я тоже записалась сейчас на курсы водителей. Когда окончу их и получу права, то придется и для меня какую-никакую машину покупать, поскромней, конечно, но придется. Добираться на службу маршрутами — одно мучение. Утром пока дожدهшься их, все ноги прстоишь, испереживаешься, ведь, того и гляди, опоздаешь на работу. А управляющий наш — человек строгий, порядок во всем любит, дисциплину. Я его в этом стремлении поддерживаю. Народец русский, известно какой: только попусти его, только дай слабинку, он сразу на голову сядет и ножки свесит, после не обломаешь.

Настя, соплюха этакая, проведала, что я на курсы шоферов хожу, что мы собираемся со временем еще одну машину купить, давай губу заворачивать, намекать и требовать: «А мне машину?!». Ну, ты подумай, мама, еще ни единой копейки в своей жизни не заработала, а на машину зарится. Во, золотая молодежь пошла!

Приехать к тебе пока не можем. Недавно ведь только брали отпуска, отгулы. У меня совести не хватит отпрашиваться еще раз. Олег тоже весь в замоте, дел накопилось неувпоровот, а Настя пусть дома сидит, к экзаменам готовится. Может, осенью, когда с Настей все обустроится, подскочим на день-другой.

Целую. Валентина.

Дорогие мои, Валентина, Олег и Настя!

Весна подоспела, мы с бабками ожили, оттаяли от зимней спячки, ледника. Пора настала пахать-сеять. А без Василия Авксентьевича задача у нас с этим непомерная. То, бывало, он на буланом своем коньке, Орлике, все вспашет и заборонует. Сеятель Василий Авксентьевич был искусный. И сроки все знал: когда и что на молодом месяце сеять, а что при полной безущербной луне, и уж если бросит зерно в землю, так оно у него бубочка к бубочке ляжет и взойдет дружно и споро. А теперь надо все самим, бабьими своими силами и умом.

Главное, конечно, вспахать. Ну, мы думали, думали да приспособили в плужок корову нашу, Машку, Марью Ивановну, которую держим одну на пять дворов. Для удойной коровы труд этот, понятное дело, и во вред, и не под силу. Но куда же нам деваться, старухам?! На Марью Ивановну теперь вся наша опора.

Стародавнее ярмо мы отыскивали в клуне у Василия Авксентьевича. Он мужик запасливый был, рачительный, ничего не выбрасывал, берег и хомуты, и ярма, и соломорезку под серп, и цеп, и много еще всякого инвентаря и инструмента. И, вишь, как воловье то ярмо нам пригодилось. Накинули мы его на Машку, завели в плужок и молвили ей на ушко: «Ну, девка, давай!» И она молодцом и молодичею — плужок наш, лемех потянула, поднатужилась. Я за пахаря-оратая была, а остальные бабки, кто навоз в борозду загребал, кто Машку за поводок-налыгач, водил. И ничего — за неделю все наши огороды-ланы вспахали. В войну и в первые послевоенные годы совсем малыми девчушками-подростками были, поменьше Насти, а матерям своим, солдатским вдовам, помогали по силе возможности. И на волах пахали, и на коровах, а, случалось, так и на себе. Дело в крестьянской жизни привычное. Это, может, только издалека, из города, кажется страшным, когда бабы в плуг впрягутся, а деревне ничего удивительного и нету.

Картошку мы, разохотились, и в три лопаты тоже всего за неделю посадили. Потом, опять-таки, на Машке-кормилице забороновали и теперь живем-прохлаждаемся, пойменные грядки вскапываем, морковь-свеклу высеваем. Если все уродится, то, даст Бог, с голоду и не помрем.

Алешу, нашего Ангела-хранителя еще до Пасхи в армию забрали, да не на один год, а на целых, два — в моряки. Он приезжал к нам на велосипеде попрощаться, подарок мой Насте, покупку привез. Такой, скажу тебе, золоченый-серебряный крестик, что я надорожиться им не могу. На Пасху я тот крестик в Нижнем Поле, в церкви освятила. Пусть теперь Настенька носит его, не снимая, он ей в любом деле будет в помощь и охранение. Я коробочку с крестиком уже обшила материалом, адрес записала и вот на днях сбегая опять в Нижнее Поле, передам почтарке, чтоб она отправила его в городе на почте. Так что ожидайте.

За Алешу мы все очень переживаем и волнуемся. Время вроде бы мирное, но война, нет-нет, да и вспыхнет где-нибудь, И на ту войну в первую очередь посылают таких, как Алеша, справедливых и безотказных. Жаль, Василий Авксентьевич не дожил до этого дня, а то бы он подучил Алешу, как побережься и на воде, и на суше. Фронтовик тоже был безотказный, все познал, все изведal в боях и сражениях, медалей полная грудь и ранений — восемь.

С отдыхом вы хорошо и верно поступили. Упустишь здоровье в ранние, молодые годы, после никакими курортами, никакими морями и океанами не наверстаешь.

*Берегите себя и не болейте.
Ваша мать и бабушка Анастасия Михайловна.*

Здравствуй, мама!

За все лето никак не могла собраться тебе с письмом. Время было очень напряженное. Настю в институт пристраивали, квартиру ей в Москве искали. Я четырежды туда ездила и Олег дважды. Но теперь все уже, слава Богу, уладилось. В Первом медицинском институте она учится, на фармацевтическом отделении. Настояла-таки на своем. Квартиру мы ей сняли неплохую и, главное, почти рядом с институтом, пешком можно дойти.

Живет Настя еще с двумя девочками, своими сокурсницами. Оно и дешевле и спокойней. Всё под присмотром и контролем: то родители этих девочек приедут, то мы с Олегом наведаемся. Но Настя опять губу давай заворачивать. Могли бы, говорит, и отдельную квартиру мне снять. Нет, ты только подумай, мама! Я пять лет жила в общежитии, в комнате на шестерых человек, картошку на электрической плитке жарила, в туалет по очереди ходила. А ей однокомнатную квартиру в Москве вынь да положь! Выпороть бы ее хорошенько, чтоб в ум-разум вошла. Здоровенная уже, могла бы и понимать, что родители пашут, как лошади. На Олега смотреть страшно — одни кожа да кости. Но раньше надо было пороть, когда поперец лавки лежала, а теперь поздно, приходится тянуться из последних сил, учить, на ноги ставить. Если душой не будет, то жениха себе за пять лет в Москве найдет, замуж выйдет, москвичкой сделается. Глядишь, и мы туда переберемся, не век же нам в этой дыре сидеть. Но это, понятно, в отдаленном будущем.

Мы, мама, тут дом себе надумали строить. Квартира у нас хорошая, что там и говорить, но все люди нашего круга и знакомства теперь отдельные дома строят, на земле живут своим личным подворьем, а не как ласточки, на каком-нибудь девятом-десятом этажах, в каменном мешке и коробке. Мы вот тоже решились. Деньги в недвижимость надо вкладывать, а не в чулке-кубышке хранить. Когда дом построим, то и тебе в нем комнатенка найдется, если только ты пожелаешь распрощаться со своими Мурашками. Участок у нас хороший, можно и садик небольшой завести, и грядки-огород. Будешь там копать. Ты без земли не можешь — я знаю. В доме тоже досмотр нужен. Приберешься когда, обед сваришь, щи-кашу. Не нанимать же нам чужого, постороннего человека, который неизвестно еще, как себя поведет. Вдруг попадется неряха какая-нибудь или воровка, после ладу ей не дашь.

Бандероль твою мы получили. Все дошло хорошо, в целости и сохранности. Настя крестик приняла, благодарит тебя, за подарок. Пока у нас, дома была, носила. А как в Москве поведет себя, попробуй уследи. Но я ей строго-настрого приказала: коль надела крестик однажды, то не снимай. Не положено! Вот только послушается ли?! Молодежь теперь, мама, ничему не верит и никого во внимание не берет.

Приехать к тебе сейчас никак не можем. Строительство требует постоянного нашего внимания и присутствия. Поближе к зиме как-нибудь вырвемся.

Целую. Валентина.

Дорогие мои Валентина и Олег!

Письмецо ваше я получила к Воздвиженью. Пошли мы всем нашим старушечьим сообществом в Нижнее Поле, в церковь, а там радость для меня великая — письмецо ваше дожидается в сельсовете. Бабки меня плясать заставили. Так и что ты думаешь, сплясала, все пятки-каблуки поотбила. А как не сплясать от такого счастья. Никому из бабок моих письма нету, а мне — вот оно.

Мы помаленьку живем-можем. Урожай собрали, в погреба-ямы определили, дровами подзапаслись, а больше нам ничего и не требуется.

Но и без огорчений, конечно, не обходится. На то она и жизнь: то радость, то печаль. Корову нашу, кормилицу и поилицу, Машку, Марью Ивановну, пришлось нам сбыть. Сена на зиму мы ей собрать не смогли. Пока был жив Василий Авксентьевич, оно вроде бы как само собой заготовлялось. То он помаленьку косою навжикает травы-овсянки в лугах за речкою, то мы с бабками серпами нажнем попону-другую осота-пырея по кустам и буеракам, просушим все по дворам, проветрим и худо-бедно к осени сметаем стожок пудов на двести. А нынче подошла сенная страда, так никто из нас косу-девятку толком отбить, отклепать не может. Все ж таки мужское это дело, не бабье. Косить тоже нам уже не под силу оказалось. Мы и отступились. Жалко нам было до слез и рыданий расставаться с нашей Марьей Ивановной, что там и говорить. Уж она была корова из коров: и удойная, и в еде не переборчивая, и нрава тихо-спокойного — в борозду вон, под ярмо и плуг встала без всякого послушания и обиды. Мы с ней в полном согласии жили, пасли по самым травяным сытным местам, с осени картошкой, свеклой-морковью, тыквой подкармливали, подстилочку всегда свежую из травы-aira или соломы подстиляли. Машка добром нам за все это платила: молоко все до капельки отдавала, да такое жирное, да такое сладкое, что слаще и не найти нигде. Мы, бывало, и сметанки соберем, и творожка изготовим (покойный Василий Авксентьевич творог очень любил), и маслица иной раз собьем-сколотим. Но вот же по нужде и слабости сил здоровья пришлось нам разлучиться с Машкой, отвести ее в Нижнее Поле,

Правда, и совсем без живности мы не остались. Купили там же, в Нижнем Поле, козочку по имени Белоснежка. Веселая такая, говорливая козочка, с сережками в ушах. А к козочке той, Белоснежке, приобрели мы козлика, Борю, тоже, как снег белого и разговорчивого. Без козлика, без ухажера и жениха Белоснежке никак нельзя. Козлятами ей положено каждый год обзаводиться, молочка нам прибавлять. Козье молоко, понятно, не то, что коровье, но мы бабки сдержанные, и козым будем сыты-довольны. Сена, других всяких подножных кормов для новых наших обитателей мы заготовили с походом даже. Коза, известное дело, есть все подряд, что на глаза попадается: траву всю без разбора, хоть полынь, хоть нехворощь, веточку любую-разную, прутик, не говоря уж про фрукты-овощи. Беды, ненастья нам с козой и козликом никакой не будет, не предвидится. Так что живем, бабки, пляшем!

Вы Настю чрезмерно строгостью не томите, хотя, конечно, и не попускайте. Она в возрасте сейчас таком, когда в один час и ласка и надзор нужны.

Дом — это первое дело в жизни, очаг и колыбель. Стройтесь помаленьку. Обо мне особо не печальтесь. Здорова буду, то, может, и вправду переберусь к вам, для начала хотя бы на зиму. А не здорова, так и здесь, в Мурашках, перемогусь. Чего я вам в обузу и страдание буду?!

Валентина, ты бы прислала мне адрес Настеньки. Я ей посылочку продуктовую соберу, чай, не разучилась еще ладить их. Сальца домашнего положу, грибов сушеных для супа-борща, чернослива, вишен, груш для компота и киселя, а еще семечек тыквенных да ореха-лещины. Орехи в этом году уродились. Я набрала их полный мешок. Пусть Настенька

полакомится. Она маленькой, бывало, орехи-лещину, будто белка какая, щелкала.

Алеша прислал Макаровне фотографию. Мы всем сообществом наглядеться на него не можем: бескозырка, ленточки через плечо — куда твой герой, орел и сокол. Мы ему посылочку продуктовую тоже соберем. Солдатская еда, может, и сытная, да не домашняя, разнообразия в ней поди и нету: ни природной ягоды, ни гриба-опенка, ни орехового ядрышка.

Случилось тут у нас еще одно огорчение. Отрезали нам электрический свет. При Василии Авксеньевиче не решались: все-таки ветеран и участник войны, к нему с уважением полагалось относиться. А мы, бабки-старушки, во внимание не идем. Кто говорит — это начальство дало такое распоряжение насчет электричества, чтоб экономия средств была, а кто на воров-верхолазов указывает, мол, это они провода поснимали, чтоб в городе на деньги выменять. Что верно, а что нет, попробуй разберись в нашем отдалении. Но лампочки-люстры не горят, не зажигаются, ради только одного украшения и висят.

Мы поначалу уstraшились было непроглядной темени и мраку. Телевизор нельзя поглядеть, электрическую плитку подключить, чтоб на скорую руку яичницу-глазунью какую поджарить. А потом и приободрились. Что мы без электричества не живали, что ли?! Да все наше детство и юность-молодость до самого шестьдесят пятого года прошли без него. И ничего, выжили и при керосиновых лампах, замуж повыходили, детей нарожали. Выживем и нынче. В телевизоре том, по правде говоря, нам, старухам, и глядеть нечего, одни только разговоры да развлечения. Здоровей будем. В карты и лото можно и при свете-лучине играть, а песни петь и подавно, тут луна и звезды нам главное светило.

Ты, Валентина, может, и помнишь еще, что свет и в прежние времена у нас часто отключали: то пробки выбьет во время грозы на подстанции, то ремонт какой-нибудь затеется. На тот случай в каждом доме и лампы керосиновые были и самого керосина немалый запас. Мы все это мигом извлекли, наладили, керосина из Нижнего Поля на тачке целую бочку привезли, да вдобавок еще и свечей подлинных, восковых, прикупили. И теперь иной раз как зажжем их, возгорим, так будто в каждом доме церквушка малая, молитвенная. Лучинок из смоловых полешек тоже нащипали необъятную охапку. Если свечи выйдут все, изгорятся, то и при лучинах можно обретаться. Деды-прадеды наши обретались и не погибли. Нет, дорогие мои, нас, бессмертных старух, просто так, одним только электрическим светом не возьмешь! Мы бабки живучие.

С тем оставайтесь живы-здоровы. Насте привет мой и наилучшие пожелания в Москве-столице.

Ваша мать и бабушка Анастасия Михайловна.

Здравствуй, мама!

Спасибо тебе за письмо и поддержку во всех наших хлопотах. Дом строим по мере поступления денег. Нашли хороших строителей из Казахстана. Они много дешевле строят, чем наши местные шабашники, да и быстрее. Лежать им на боку некогда, не за тем в Россию приехали. Работают без вы-

ходных и прогулов, живут прямо на стройке в вагончике-бытовке, которую Олег специально для них раздобыл. Контроль за строителями, хозяйский глаз, понятно, нужен, но пока все идет вроде бы нормально. До холодов, до первого снега казахи эти котлован вырыли и начали возводить нулевой цикл, подвал, где у нас будут гаражи и всякие подсобные помещения.

Я шоферские курсы уже окончила и теперь езжу и на работу, и на стройку на собственной машине, практикуюсь. С машиной совсем иное дело, как на свет народилась. И время сохраняется, и человеком себя чувствуешь. Не то, что в маршрутках, где каждый хамло норовит оскорбить тебя и унижить.

Насчет Насти ты особо не беспокойся. Мы ей денег на проживание оставляем прилично, все необходимое она может купить. Но уж если ты опять загорелась, то отправляй ей посылку по адресу: 105000 г. Москва, главпочтамт, до востребования. С той квартиры, которую мы сняли в конце августа, Настя будет съезжать. По норову своему не сжилась с соседками. Придется все-таки искать ей квартиру отдельную, однокомнатную. Расходы, сама понимаешь, немалые, но пусть живет, помнит родительскую ласку.

В посылку Насте сушеных грибов не клади. Варить-стряпать ее никаким Макаром не заставишь, все больше по кафе да ресторанам кормится. Грибы пропадут у нее зазря. Лучше продай их кому-либо при случае, все будет тебе лишняя копейка.

Насте же положи кусочка два-три домашнего свежего сала. Только выбери с прорезью. Она любит с прорезью. Бывало, и дома отрежет ломоть да с черным хлебом и уплетет за милую душу, аж за ушами лящит. А в Москве тем более. Не все же одними гамбургерами да догами травить себя. Это, мама, такие иностранные бутерброды, в которых все не настоящее, химическое. Я едала — знаю.

Мы с Олегом совсем уже было собрались в Мурашки к Михайлову дню, к Престольному нашему празднику (отмечают его еще или забыли?). Но в связи с Настинными причудами, ничего у нас с гостеванием не получится. Хочешь не хочешь, а придется ехать в Москву, подбирать ей квартиру, а то она сама такое снимет, что потом горя не оберешься.

Со светом, конечно, с вами несправедливо поступили. Вы какому-нибудь депутату об этом напишите, своему, районному, или областному, или даже в Москву, хоть самому президенту. А то они все горазд обещания давать, когда выборы на носу, а как только займут кресла поглубже, так никого днем с огнем не отыщешь.

Целую тебя крепко. Валентина.

Дорогие наши Валентина, Олег и Настя!

Пишут вам старухи из поселения Мурашки: Антонина Макаровна, Елизавета Ивановна (Смолячка) и Ольга Ниловна (Борисиха). Пишем по случаю печальному и скорбному. Сегодня вот уже девять дней, как похоронили мы вашу мать, Анастасию Михайловну.

Зашлась она отправить в Москву Насте посылочку к Новому году и Рождеству. Запаковала ее в ящичек честь по чести, поставила на саночки и снарядилась в Нижнее Поле. Мы ее отговаривали: мороз как раз ударил

крепкий да еще с ветром, метелью и выюгой. Но разве Михайловну остановишь. А ничего, говорит, дойду помаленьку, к полудню должно бы распогодиться. И пошла с теми саночками в поводу.

К полудню оно и вправду распогодилось, солнце проглянуло, метель и выюга затихли. Мы и успокоились. По такому солнышку да по такой благодати чего ж не сбегать в Нижнее Поле. Сами не раз бегали и — ничего — возвращались с Божией помощью. А Михайловна попроворней всех нас, понапористей. Но к вечеру погода опять переменялась: и морозу прибавилось, и сиверко такой задул, что свету белого не видать. Мы давай выглядывать на дорогу, за околицу — не покажется ли там где Михайловна? А ее все нету и нету. Тогда мы собрались и в потемках уже пошли ей навстречу. Обнаружили мы Михайловну за речкой нашей, за ручьем, в сосняке. Свернула она туда с дороги, чтоб набрать хворосту, сушняку какого на растопку печи. Все наши деревенские жители так с покон веку делали. Чего ж домой порожняком, с пустыми саночками возвращаться?! Михайловна почти что уже и нагрузила их, стала увязывать веревочкой, и тут ей то ли худо стало, то ли притомилась с дальней дороги, припала грудью к вязанке той да и осталась лежать на ней бездыханная.

Мы хворост свалили назад под сосенку и привезли Михайловну на саночках домой. Обмыли ее, принарядили во все лучшее и положили на лавку. А сами давай думать и гадать, как быть дальше. Первым делом, конечно, вас надо было бы вызвать письмом или телеграммой. Но вы уж не корите нас, старых и немощных — по такому морозу и пурге дойти мы до Нижнего Поля не в состоянии. Да и что пороку от той телеграммы?! Вы тоже не враз сюда добрались бы — снега лежат с крышами вровень. А Михайловне как ждать вас — на вечный покой, под березы собираться пора.

Посоветовались мы, посоветались и решили хоронить ее сами. Гроб, домовину, как могли, сладили, сбили из досок, которые сорвали в ваших сениях и каморе с потолка. Вы уж и за это разорение простите нас, но больше досок нам взять было неоткуда.

На крест Михайловне мы спилили старую дубовую подсоху в бывшем колхозном коровнике. Он совсем развалился, обрушился, а подсохи уцелели. Крест получился не больно велик (Михайловна тоже росту была невеликого — большой крест ей будет держать тяжело), но крепок. Он долго на могиле простоят, вам ни о каком памятнике-надгробии и беспокоиться не надо.

Пока Михайловна лежала в доме на лавке, прощалась с белым светом, мы помалу вырыли ей последнее пристанище — могилу. Снег разбросали, развели костерок, чтоб оттаять, отогреть землю, а потом ломами и лопатами выдолбили, вырыли ямочку по силе нашей и возможности. Умению тому нас научил покойный Василий Авксентьевич. Подобным образом, говорит, на фронте в лютый мороз и стужу хоронили погибших солдат-бойцов. Земля досталась Михайловне хорошая, черноземная, пусть она будет ей пухом.

Без Михайловны сироты теперь мы все безутешные. Она нам, будто мать родная была, хоть по возрасту и моложе. В любом деле первая, неустанная. И за плужком ходила, и козу Белоснежку с козликом обихаживала, и в лото лучше всех играла, а в праздник песни-переплясы такие затеет, что ни одна Зыкина с ней не сравнится. И вот нет Михайловны...

Мы на кладбище сегодня сходили, а потом в доме вашем свечечку за-тепили, помянули покойницу, да сообща решили письмо вам покаянное написать. Не уберегли мы ее, что там и говорить.

С домом вы по своему разумению поступайте. Продать тут его, понятно, некому, а вот на снос, на вывоз охотника можно и найти. Дом крепкий еще, неизносимый. Михайловна берегла его, тетешкала, словно ребенка малого. На новом месте, на кирпичном, каменном фундаменте дом сто лет простоит, был бы только хороший хозяин.

С тем и прощайте. Оставайтесь живы и здоровы.

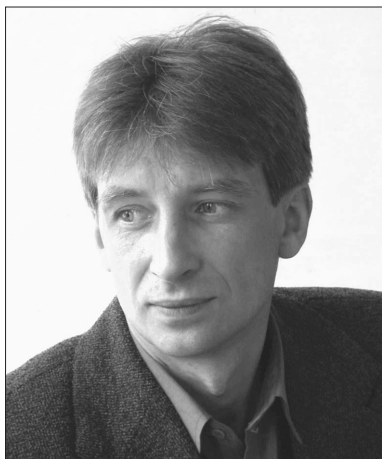
Соседи ваши: Антонина Макаровна,
Елизавета Ивановна и Ольга Ниловна из Мурашек.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

Андрей ФРОЛОВ

«ДАЖЕ БЕЗРУКИЕ ВЗЯЛИ ОРУЖИЕ»

Андрей Владимирович Фролов — родился в 1965 году в Орле. Закончил Орловский строительный техникум, служил в армии, работал — от плотника до инженера. Автор двух книг стихов и сборника рассказов. Произведения публиковались в журналах «Поэзия», «Роман-журнал XXI век», «Простор», «Молодая гвардия», «Невский альманах», альманахе «Орел литературный». Стихи и рассказы активно публикуются в периодической печати — как областной, так и столичной. Член Союза писателей России. Живет в Орле.

* * *

Я вижу свет,
Я слышу звук,
Не напрягая слух и зрение.
Весь мир с момента сотворенья
Не миновал вот этих рук.
Не пощадил вот этих плеч,
В которых вечная усталость.
А всем, что спелось и сказалось,
Теперь уже не пренебречь.
Но, претерпевши столько мук
И до конца отдавши силы,
С восторгом крикну из могилы:
— Я видел свет!
Я слышал звук!..

ОСЕННЕЕ

Сентябрь мазнул небрежной охрой
По кронам престарелых лип.
Полупрозрачный воздух мокрый
К стеклу оконному прилип.

Душа подвергнута унынию,
С каким не справятся врачи.
Заплесневелою пыльюю
Тревожно тянет от печи.

Ступает бабушка неслышно,
Творит волшебные дела:
Казалось, будто в сени вышла —
Она уж снова у стола.

Над чугуном колдует споро —
Движенья плавны и мудры —
И говорит не без укора:
— Чайку попей-ка от хандры...

СЪЕМКИ

Глухое рывканье мортир,
Дым в поле, как стена...
Снимают фильм «Война и мир» —
Сейчас как раз война.

Гороховецкий полигон
Теперь — Бородино.
Наш взвод в массовку приглашен...
Такое вот кино!

На десять дней ворвался свет
В армейский серый быт!..

Жаль, во француза я одет
И должен быть убит.

Красиво падать учит нас
Известный каскадер.
И вот грохочет, как приказ:
«Внимание! Мотор!»

Кино — серьезная игра:
Бежим в атаку, но
Лихое русское «ура»
Кричать запрещено.

Штабной московский генерал
Безмерно горд за нас,
А я бы русского играл
Правдивей в десять раз!

СЛУЧАЙ

...На глупость сетуя свою,
Стоял возница, мокр и зол.
А конь, попавший в полыню,
Не шел ко дну... Никак не шел!

Острее бритвы кромка льда
Кромсала выпуклую грудь,

И черно-бурая вода
Зияла, как последний путь.

А своеволие реки
Влекло безудержно под лед...
И говорили мужики:
— Такая сила пропадет!..

ЮРОДИВЫЙ

Тих, одинок, печален.
Нечего взять с него.
Смотрит из-под развалин
Разума своего:
Взглядом пронзит тяжелым,
И не удержишь слез.

Паперть метет подолом,
Что-то бубнит под нос.
Скорбный, как шорох листьев,
Голос его дрожит.
И от колючих истин
В страхе народ бежит.

ПОСОХ

В зоревых, тяжелых росах,
В стылой сумеречной мгле
По земле блуждает посох,
Дыры делая в земле.

Сеет смуту и раздоры,
И судачат старики:
— Бродит в поисках опоры,
Твердой, праведной руки...

* * *

Теперь, как и прежде, зима неизбежна.
Хотя не морозно еще и не снежно,
Но в сумерках рыжих запуталось время,
Как спички, сгорев, почернели деревья.
А небо готово на землю свалиться —
И первыми это почуяли птицы
И, вскинувшись, высь надо мной раскатали.
И сердце застыло в предзимней печали...

НАБАТ

Даже глухие его услышали.
Даже немые вскричали в ответ...
Он разрастался, уже не стихая,
Мощной волною врвался в рассвет!

В небе клубился и падал отвесно,
Людам до крови сжимал кулаки.
Волей своей заострял повсеместно
Вилы и косы, и просто штыки.

Гулкий,
тревожный,
надрывный,
натужный,
Как предвещение близкой беды...
Даже безрукие взяли оружие.
Даже безногие стали в ряды.

НАДЕЖДА

Эпоха — где уж бесшабашней!
В такой не всякий ко двору.
Стою насквозь позавчерашний
на злом сегодняшнем ветру.

Холодный ветер, черный, бранный
и... он бессилен.

Я держусь
За жизнь одной мыслишкой странной:
а вдруг да завтра пригожусь?

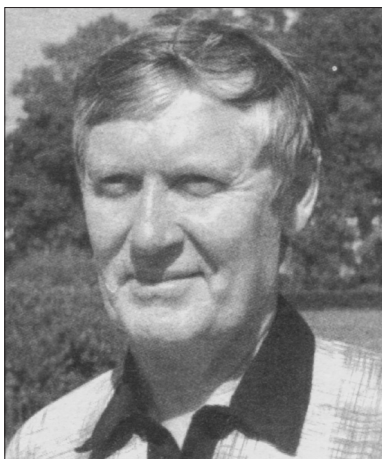
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

ХРИСТОСЪ ВОСКРЕСЕ!

Иван СТРЕМЯКОВ

«ИМЯ НАМ РУССКИЙ НАРОД»

Иван Степанович Стремяков — родился в 1941 году в деревне Старообрамкино Томской обл. После окончания школы работал в совхозе, служил в Советской Армии. В 1970 году окончил медицинский институт в Томске. Первая публикация стихов в 1954 году. Автор многих сборников поэзии. Член Союза писателей России. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Душе чего-то не хватает,
она, как рыба, на мели.
Спешу туда, где пролетают
над сельским полем журавли.

Здесь тоже пьют, и нет порядка,
и та же смертная тоска,
но отчего так сердцу сладко,
а мысль покойна и легка?

Пускай тут грязь лежит по пояс
и комарья неупорот,
на светлых заводах покоясь,
синей и чище небосвод.

Пускай болотная трясина
связала ноги тополей,
святая суть твоя, Россия,
таится тут, среди полей.

ДВЕ КАТЮШИ

Укрепленья бетонные руша
и железо сгибая в дугу,
знаменитая наша Катюша
заступала дорогу врагу.

И другая Катюша — девчонка
выходила на берег реки
и нехитрою песенкой звонкой
поднимала в атаку полки.

И была в этой песенке сила,
что бросала на доты парней.
Две Катюши спасали Россию,
неизвестно, какая сильней?

ДУРОЧКА

Ютится маленькая улочка
в тени развесистых раkit,
а на крылечке Маня-дурочка
с улыбкой ясною сидит.

Разобнажила дева юная
все цыцы-прелести свои,
а люди здоровые, разумные
снуют вокруг, как муравьи.

Они рассорились со сказками,
им тошен этот маскарад,
они с усмешкою неласковой
на сумасшедшую глядят.

Весь мир, как волк в засаде, мечется,
звериной злобою кипит,

одна любовью к человечеству
лишь эта дуручка горит.

Она глядит с улыбкой нежною
и на людей, и на собак,
и не понятно мне по-прежнему,
кто тут мудрец, а кто дурак?

РОДИНА

Тебя, моя Родина — Русь, не понять:
всего тебе Богом отпущено много, —
чего же ты кружишь в тумане опять,
когда под ногами дымится дорога?
Хазары и гунны тебя не сожгли,
и коршун-стервятник не выклевал очи,
опять над тобою трубят журавли,
и грезит о чем-то в полях колокольчик.
Тебя истязали мечом и кнутом,
а ты улыбалась в ответ супостатам,
нередко была на подъеме кругом
и падала сызнова в бездну куда-то.
Еще одна ямка тебе предстоит,
еще одна горка тебя ожидает,
а сердце за мамку болит и болит,
а тучка над Русью висит и не тает.
Эй, Сивка-конек, позовут — появись,
боец без коня — не боец, а букашка!
Иван-богатырь, я прошу, протрезвись,
не время гулять, если Родине тяжело!

РУССКОЕ ИМЯ

Разлетелось княжеское слово
и осело в душах и умах, —
шли пешком па поле Куликово,
ехали на собственных конях.
Вот пришла из Суздали подмога,
воевода весел и румян.
«Как зовут?» — спросил Димитрий строго.
Отвечал с достоинством: «Иван».
«Хорошо отвечивал, толково, —
князь подумал, — Краше слова нет».
«А тебя?» — спросил он у другого.
«Иоанн» — послышалось в ответ.
Все назавтра повторилось снова,
и попробуй не смутиться тут:
прибежал ярыжка из Ростова,
оказалось, Ванькою зовут!

Словно застолбили это имя
или все вокруг сошли с ума:
шлет Иванов Углич и Владимир,
подсыпает Брянск и Кострома.
«Ох уж эти Ваньки! Надоели!» —
вскрикнул князь, доспехами звеня, —
«Посмотрю, какие вы на деле,
а не то дождетесь у меня!»
Ничего, что часто были пьяны
и носили ветер в голове,
показали русские Иваны,
где зимуют раки, татарве,
шли на бой спокойно и красиво,
понимая — нет пути назад...
Что же ты стесняешься, Россия,
называть Иванами ребят?

ЮРОДИВЫЙ

Прошло уже три века,
а Питер все таков...
Сидит в пыли калека,
ругает мужиков.
Замызгано пальтишко,
сивухою разит.
«Да это ж Тюрин Мишка!
нажрался, паразит!»
Пошутит, посмеется
улыбчивый народ,
беспечно отмахнется
и за угол свернет.
Слабеют звуки улиц...
Вот так же и тогда:
беспечно отмахнулись
— и грянула беда!..

ПАЛОМНИК

Жил он с размахом, судьбою играя,
пламя души заливая вином,
был он хозяином этого края,
ну а, вернее, его паханом.
Мимо церквей пролетал он со свистом,
но в Гудауте, где пальмы в дыму,
было виденье ему, атеисту,
ангел небесный явился ему.
И услышал он, с запоя опухший,
не в состоянье поднять головы:
«Хочешь спасти свою грешную душу,
пеший поход соверши до Москвы!»

Шел он на север смиренно и скромно,
ночь коротая порой в шалаше,
что-то впервые светло и огромно
в закостенелой вставало душе.
Кланялись в поле вьюны и ромашки,
солнце тянуло навстречу лучи...
Матерь Россия! Грехи твои тяжки,
но и молитвы твои горячи!
Верю тебе и последнему вору
руку, как брату родному, подам,
вместе взойдем на Поклонную гору,
где золотится Спасения храм...

ОСТРОВКИ СВЕТА

Засосет житейское болото,
завлекут компании не те,
постучишь в церковные ворота:
«Приютите, братья во Христе!
Приютят, дадут и кров, и пищу,
распахнут окошко в мир большой.
Все в святой обители отыщешь,
исцелишься телом и душой.

Будет жизнь осмысленной, иною,
расцветет молитвой и трудом.
А за монастырскою стеною,
на Руси, Гоморра и Содом.
Кто тебя излечит, мир обманный,
исцелит от горя и тоски?
На земле, окутанной туманом,
храмы — словно света островки.

* * *

Мокнут под забором горбыли да доски.
Лень свою отрину, одолею грусть,
отыщу в чулане инструмент отцовский,
плотницкому делу разом обучусь.

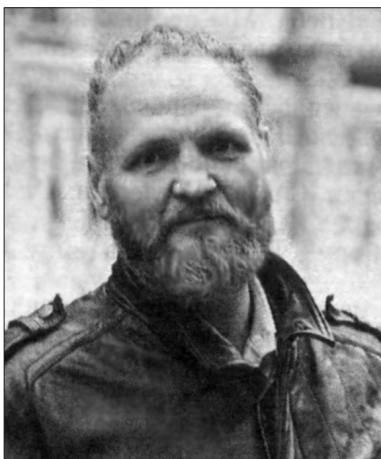
Я построю дом свой окнами на солнце,
сад мой белоснежный распахнет крыла,
и меня приметит, нежно улыбнется
лучшая невеста нашего села.

— Заходите в гости, милые соседи!
Пейте-веселитесь, добрые друзья!
Да никто сегодня не идет, не едет, —
ходят злые тучи, бедами грозя.

Ветхие избушки, улицы косые,
в поле позабытом травы-ковыли.
Что же сотворили мы с тобой, Россия?
На какие муки сдуру обrekli?

Стройка не ведется, песня не поется,
со стены из рамы хмурится отец.
Скоро ли Россия спящая проснется,
в топоры да пилы, грянет наконец?

ПРОЗА

Владимир КРУПИН

ПОВЕСТЬ ДЛЯ СВОИХ

Владимир Николаевич Крупин — родился в 1941 году в с. Кильмезь Кировской области, сын крестьянина, трудившегося в лесничестве. Работал слесарем, грузчиком, рабселькором районной газеты, служил в армии. Окончил областной педагогический институт Н. К. Крупской, преподавал в школе, работал на ЦТ, был гл. редактором журнала «Москва». С 1994 года преподает в Московской духовной академии. Гл. редактор журнала «Благодатный огонь». Секретарь правления Союза писателей России. Живет в Москве.

Благословенна старость — лучшее время жизни человека! Уже пройдено забытое младенчество, счастливое детство, тревожное отрочество, дерзкая юность, попытки взросления, летящая жизнь и неожиданное осознание, что ты въехал в преддверие старения и умирания. Уже похоронил родителей, многих родных и близких, вокруг все чужое, то, что тебе было дорого, попирается новыми поколениями, и поэтому этот земной мир уже не жалко. Да и твоё земное время тоже кончается. Его же не запасёшь, да оно и вовсе не твоё. И не ты первый, глядя на восток, говоришь себе: «Вот меня не будет, а солнце все так же поднимется». Или, как пелось в напрасно забытой русской песне: «Меня не станет, солнце встанет, и будут небо и земля».

То я себя ругаю за прожитую жизнь, то оправдываю, то просто пытаюсь понять, так ли я жил: и при социализме, и при капитализме, и при нынешнем сволочи́зме. И сколько же я поработал сатане лъстивому, прости, Господи! Сколько же грешил! Господи, пока не убирай меня с земли, дай время замолить грехи.

Нет, правда, хорошо старику. Можно забыть, сколько тебе лет, можно не отмечать дни рождения и, в награду, ощутить себя жившим всегда. Тем более я много, по ходу жизни, занимался историей, античностью, ранними и средними веками новой эры, и девятнадцатым веком, и тем, в котором жил, и тем, в который переехал. Полное ощущение, что знаю и софистов античности, и схоластов средневековья, и нынешних юристов, доблестных учеников и тех и других, присутствую в римском сенате и слушаю требования Катона о разрушении развратного Карфагена, и вот, спустя века, хожу по карфагенским развалинам. А ведь я

прошел все центры мира, коими бывали и Александрия, и Каир, и Вавилон, и Пальмира, и Рим, а по истечении сроков видел или их руины или новую надвигающуюся гибель от нашествия золота и разврата. Это я сидел на берегах Мертвого (Асфальтового) моря, вглядывался в его мутные скользкие воды, пытаюсь разглядеть черепки Содомы и Гоморры. И видел черные пески берегов острова Санторини, напоминающие о затопленной Божиим гневом Атлантиде, ходил по склонам Везувия, пытаюсь представить, как Божье возмездие мстило за Богоотступничество.

Самое страшное стояние было у Голгофы, когда ощущал полное бессилие помочь Распинаемому и жгучую вину за то, что именно из-за меня Он взошел на Крест. А потом было шествие вослед святому Первозванному апостолу Андрею в наши, русские северные пределы, погружение в воды Днепра, осененные византийским Крестом. Это я помогал таскать камни для строительства и Киевской и Новгородской Софии, шел с переселенцами в Сибирь, стоял с самодельной свечой на освящении деревянных часовен, а, века погодя, и каменных храмов. Это я, грешный, стремился на исповедь к кельям преподобных старцев, и причащался Тела и Крови Христовых, то из простых, то из золотых чаш, опускался на колени перед светлыми родниками и байкальскими водами. И летал над землей вначале на парусиновых, а затем и на алюминиевых крыльях. Неслись, отставая, подо мной леса, степи и горы, моря и озера. Взлетевши в одну эпоху, приземлялся в другой...

Полное ощущение, что я пришел из вечности, из глубины тысячелетий, а если сюда добавить то, что и впереди вечность, то кто я? Как все понять? Ведь именно в этом бегущем времени, как в течении реки, я барахтался, считая, что живу в настоящем. Но нет настоящего времени, даже начало этой строчки уже в прошлом.

И барахтались вместе со мною мои современники, с ними делил хлеб и соль, с ними старился. Как же нам нелегко было жить в перевернутом мире, где властители умов, происшедшие от обезьяны, и нам внушали, что и мы так же ведем родство от шерстяных тварей, более того, успешно настаивали, что первична материя, а не дух. Как при таком диком, навязанном нам мировоззрении, мы еще сохранились, просто дивно. Бог спас, другого объяснения нет.

К концу жизни осталось выполнить завет древних: познай самого себя и завет преподобного Серафима: стяжи дух мирен, и около тебя спасутся. Это самое трудное. Почему я прожил такую жизнь, а не кто-то другой? Много-много раз моя жизнь могла бы пойти иначе, но шла вот так.

Вспоминаю школу, начальные классы. Мне говорят, чтобы пришел фотографироваться на Доску почета. Совершенно из непонимаемого взрослыми упрямства не иду и не фотографируюсь, а проходя потом мимо Доски, воображаю, что тут могла бы быть и моя фотография, и как-то втайне горжусь, что смог отказаться от обычного пути отличников. Дальше то же самое. Из упрямства начинаю плохо учиться, и в старших классах остаюсь даже на осень, и заканчиваю школу с одной четверкой. Остальные тройки. Не еду поступать в институт, работаю в редакции райгазеты. Далее уж совсем необъяснимый поступок — ухожу от чистой, уважаемой работы журналиста в слесари-ремонтники. Могу не идти в армию, но ухожу на три года. После первого года могу остаться в сержантской школе, но прошу определить в боевую часть. В институте на руках вносят в аспирантуру — ухожу.

На телевидении совершенно фруктовое положение — на работу не хожу, пишу сценарии, да за них еще и получаю. И от этого отказываюсь. В издательстве занимаю высокую должность, через два года ухожу в полную нищету на творческую работу. Возглавляю толстое издание с личным водителем, секретаршей и вертушкой и вновь ухожу в полную неопределенность. Преподаю в Академии, вроде все получается, и вновь прерываю очередной накатанный путь. То есть, образно говоря, всякий раз взбрыкиваю, когда чувствую, что надетая упряжь грозит превратиться в ярмо.

Но это все внешние вещи. Карьерный рост мне не грозил, он был мне скучен. Но пришлось и еще одно пройти — политику. То есть, правильное сказать, общественные дела. Было время, когда общественность наша вынуждала писателей вмешиваться во все проблемы по охране природы, памятников культуры, в нужды образования и воспитания. Оно, может быть, было бы и неплохо, будь от этого польза. А было одно сотрясение воздуха. Были громокипящие аудитории, письма, митинги, протесты. Затянуло в эту круговерть, как собаку в колесо, и меня. Выступал, и много выступал. Идешь по Москве: Кремлевский дворец съездов, Колонный зал Дома Союзов, Зал заседаний храма Христа-Спасителя, залы Домов литераторов, архитекторов, журналистов, композиторов, сотни и сотни аудиторий по стране и за границей. Что говорить о радио и телевидении, газетах и журналах. И все оказалось скучным и ненужным. Только лысел, да седел, да здоровье терял. Не по мне была эта тягостная необходимость звания народного заступника, к которой никогда не стремился, и которая убивала во мне меня.

В самом процессе писательства только оставалась еще радость. Но такая краткая, так быстро проходящая. Ну, прочли, ну перечли, ну, забыли. Что ни скажи, что ни напиши, все булькает в черную воду бегущего по пятам забвения. Что мы можем добавить к высоченной горе написанного? И если бы еще и читатели меня бросили, я бы с радостью швырнул с этой горы свою исписанную бумагу, а за ней и чистую. И долго глядел бы вслед этим черно-белым птичкам.

Лет тридцать шел я до этих веселых мыслей, лет тридцать назад исповедался и причастился. Тогда-то и понял: искать больше нечего, все найдено без меня, осталось одно — уйти от безголового огромного стада людского, и войти в единственно живое в этом мире, в малое стадо Христово. Это главное. Остальное — суета. А как войти? Для монастыря я не созрел, а, может, по годам, перезрел. Но и в одиночку тоже не спастись, это гордыня. Поборолся с искушениями от плоти, от мира, хорошо, но впереди третья борьба — с нападениями от дьявола. Тут-то все мы без Божьей помощи побораемы.

После размышлений и советов с умными людьми, в число коих первыми вошли монахи и батюшки, я все-таки решил направить стопы в монастырь, жить вначале хотя бы не в нем, но рядом. Жена моя, человек верующий, меня одобрила. Итак, я решился хотя бы год обойтись без Москвы, скрыться в благословенных просторах России. Но не в какой-то землянке, не в лесу, а в селе.

Церковь, книги, простая пища, молитвы. А там посмотрим. По своей простоте, которая нынче граничит с глупостью, я не скрывал намерения уехать. Именно в это время приблизился ко мне доброжелательный мужчи-

на, я его и раньше встречал на патриотических вечерах, он говорил о знакомом ему месте в далеких северных пределах, таких далеких, что туда трудно добраться. Что ни газа там, ни водопровода. Зато лес, поляны, родники. Избы, благодаря демократии, брошены и гибнут, кто сейчас туда поедет? Они вообще все теперь по цене дров. То есть там меня никто не достанет и прочее. А ему там от дальней родни достался дом. Вот ключи. Считай этот дом своим и живи в нем хоть всю жизнь, никто не спросит.

Я походил-походил по столичным проспектам, подышал атмосферой мегаполиса и решился. Напоследок, перед поездом, выкинул в урну Ярославского вокзала сотовый телефон, как последнюю связь с покидаемым миром.

Мужчина предупреждал меня, что туда и никакой автобус не ходит, что надо будет взять частника. Так и вышло. И частника искать не пришлось, он сам ко мне подскочил, прямо к вагону. Будто именно меня и ждал. Машина у него была везде проходимая, то есть внедорожник. Внутри был прекрасный запах соснового леса. Я скоро задремал. Но кажется, что тут же и проснулся.

— Мы на месте! — сказал то ли мне, то ли кому-то водитель.

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

Село было небольшое, безлюдное, заваленное чистейшим снегом. Частник посоветовал мне спросить в магазине, где дом, который мой, и сразу уехал. Магазин был маленький, типовой, то есть шлакоблочный, то есть в нем было холодно. Продавщица непонятного возраста, закутанная во много одежд, показала направление.

— Вы что, в нем жить будете? Так-то он крепкий.

Я побежал чуть ли рысью: это же дом, приют спокойствия, молитв, трудов. Дом среди русского пространства! Я его сразу полюбил. Такой аккуратный, три окна на улицу, земля под окном, одворица. Двор крытый, хлев, сарай, баня. Как я понимаю, счастье — это или полное отрешение от всего земного, или же, если такое не под силу, то обладание желанным земным. Первого я не заслужил, а на второе надеялся. Мне хотелось вдали от Москвы, заботящейся только о себе, но насквозь пропитанной болтовней о спасении России, забыть ее и просто пожить по-человечески. Своими трудами, может быть, даже показать пример трудов во славу Божию и российскую. И в самом деле — хватит разводить говорильню, надо что-то делать. Делать! Не языком, а руками. Вот это — моя земля, и моя цель — не дать ей одичать, зарости, показать, что может русский мужчина, если ему не мешать. А здесь — кто или что может мне помешать?

АРКАША И ДРУГИЕ

Стояла царственная северная зима. Это ликование сердца, это взгляд, улетающий в солнечную белизну, эти полные вдохи и выдохи лечебного морозного воздуха, все это увеличивало радость вхождения в новое жилище.

Счастье продолжилось затапливанием русской печи, и сразу подтопка, чтоб быстрее прогрелись окоченевшие стены. Вначале немного поддымил, пришлось даже открывать дверь, чтоб проветрить, но потом труба прогрелась, пошла тяга. И вот, уже можно снять шапку, вот уже расстегнул

дубленку. И как-то возбужденно и нетерпеливо ступал по широким половикам, выходил во двор, прикидывал необходимые дела. Поправить крыльцо, подмазать, побелить печку, вычистить подполье, упечатать окна, застелить полы домоткаными дорожками, красный угол оборудовать. Сложить камин. Да, это обязательно. Сидеть перед ним долгими зимними вечерами, и читать хорошие книги.

Восторженное чувство вселения требовало закрепления, причем конкретного. Ведь как у нас: если хорошо, то надо еще лучше. Я подбросил и в печь и в подтопок поленьев поосновательней, и отправился в магазин. Мимо дома проходил черноватый мужчина в желтой телогрейке. Снявши потертую шапку, протянул руку, представился Аркадием. Поздравил с покупкой, просил по всем вопросам обращаться к нему.

— Дрова, картошка, овощи какие — нет проблем. Со служебного входа.

В магазине, куда, оказывается, шел также и Аркадий, я взял посудину. Естественным было то, что приглашу Аркадия. Стал брать закуску. В кармане пока шевелилось, брал, чего подороже.

— Ты идешь, Аркаша? — спросил я. — Или чего-то покупать будешь? — Зачем было церемониться, все равно же на ты перейдем.

— Нет, я так зашел, — отвечал он.

Продавщица хмыкнула. Мы пошли к выходу. На крыльце Аркаша как-то поерзал плечами:

— Знаете что, разрешите к вам обратиться.

— К тебе, — поправил я. — К вам — раздельно, квас вместе.

— По рукам! — воскликнул он. — Ты взял очень дорогую, я видел. Но ты еще возьми пару-тройку бормотухи, левой водяры. Потом поймешь, для чего. Но если нет возможностей, не бери.

Но я уже начал понимать. К крыльцу двигались несколько, как говорили раньше, темных личностей. Я понял, что придется поить и их. Если хочу иметь тут благоприятную атмосферу для жизни. Нельзя же показать себя скупым, нелюдимым.

— Но почему плохую брать. Возьму, чего получше.

— Не надо, — решительно опроверг мой порыв Аркаша. — Им без разницы. И кильки пару банок возьми. У них желудки как у шакалов. Бык помои пьет, да гладок живет. — И почему-то добавил: — Не бедность страшна — безденежье.

Рукопожатия новых в моей жизни людей были искренни, крепки, имена их я не запомнил. Они дружно заявили, что давно знали о моем предстоящем въезде в село, пребывали в нетерпении ожидания, и что сегодня, сейчас, одновременно с моим приездом, наступает полнота человеческого оживотворения этих пределов. Витиеватость приветствия вернула меня в магазин, где я отоварился дополнительно и основательно. Продавщица многозначительно на меня посмотрела.

НАЧАЛО НОВОСЕЛЬЯ

Около дома нас ждали еще трое человек. Завидя нас, стали прямо ногами разгребать дорожку к дому. Тоже трясли и сжимали мою заболевшую правую руку. На крыльце шумно и старательно топали ногами, оттряхивая снег. Крыльцо содрогалось.

Вот такая артель ввалилась в мои хоромы. В них уже было можно снять верхнее одеяние. Замороженные стекла в окнах начинали сверху оттаивать. Пальто, телогрейки и шубы свалили в угол. Снова обменялись рукопожатиями. Я просил всех называть меня на ты.

— Мы Господа на «ты» называем, а друг с другом будем чиниться.

— То есть вы, то есть... ты не чинодрал?

— Обижаешь.

Аркаша распоряжался. Со двора тащили доски, клали на табуретки, получались скамейки. Два ободранных стола застеливали, как скатертью, нет, не старыми газетами, а очень приличными листками белой, неиспользованной бумаги.

— Откуда такая?

— Да тут всего выше крыши, — отвечали мне.

Аркаша давал знак, что все потом объяснит. И он, да и все, да и я, что скрывать, очень хотели скорее приступить к основному событию новоселья.

— Прошу!

Зашумели, рассаживаясь. Кто-то сел на пол, но кричал, что ему и так хорошо, падать некуда.

— Мы тебе все обустроим, — горячо обещали они. — Вешалку из карельской березы притащим. Дом же с вешалки начинается. Не только театр, а? — И хлопали по плечу.

Аркаша отозвал меня в кухню.

— Налей им по сто, ну, по сто пятьдесят и выгоняй.

— Это нехорошо.

— Тогда совсем не выгонишь. Ну, ты — хозяин, твоя касса, но я предупредил.

— А они женатые?

— Кто как. Но здесь нет.

— А ты женат?

— Да как скажешь, — отвечал Аркаша.

В кухню просунулось два небритых лица.

— Аркаш, горит!

— Цыть! — прикрикнул Аркаша.

От старых хозяев остались треснутые чашки, толстые мутные стаканы, но их все равно на такой табор не хватало. Но оказалось вдруг, что у некоторых стаканы были с собой.

— Сами наливайте, — велел я, за что и получил от Аркаши пинок под столом по ноге.

Запах сивухи заполнил застолье. Опять же, пнув меня под столом, Аркаша подставил мне посудину, как я понял, налитую из качественной бутылки. Этим он давал мне понять отличие нас с ним от основной массы.

— Обождите, хоть колбасу нарежу, — сказал я.

Но они дружно загудели:

— Да зачем, да что ты, да разве мы не едали, да и зачем ты на еду тратился, себе оставь, рукавом занюхаем.

— Поднимем стаканы, да хлопнем их разом, — возгласил Аркаша. — Я видел, что он тоже торопится выпить. — С новосельем! Да скроется разум!

— Да скроется тьма! — поправили Аркашу.

— Во тьме скроется разум! — бодро поправился он.

О, тут народ собрался грамотный.

— Ты, солнце святое, гори! — И я вознес свой граненый кубок.

— Кустиком, кустиком! — кричал невысокий бородач. — Сдвигайте стекло.

Сдвинули. И правда, получилось, как кустик, выросший над столом на секунду и сразу распушившийся. Пошло у всех, кроме одного. У него, как говорится, не прижилось, его замутило, он выскочил.

— Это называется: раз травил я в окно, было душно не в мочь, — такая была реплика.

Бедняга вернулся побледневший, но еще более желающий выпить. Ему налили, но велели пить не сразу, не тратить драгоценность, а отпивать по столовой ложке и прислушиваться к организму. Все с таким состраданием смотрели на беднягу, так солидарно морщились, что участие ему помогло. Больше его не тошнило. Он стал порываться рассказать анекдот, но не мог его вспомнить.

— Сегодня не твой день, — сказали ему. — Не ходи в казино.

Добрались и до закуски. Смели и колбасу, и сыр и все остальное. Хлеба я умудрился не купить, но о нем и не вспомнили. Мазали масло прямо на колбасу. Особенно любовно отнеслись к селедке. Снова налили. Наливал Аркаша. Не забывал и меня и себя. Надо ли говорить, что почти все они уже всю курили.

— А-а! — вдруг крикнул бледный мужчина. — Вспомнил! Вот! Один мужик всегда брал в магазине одеколон «Тройной». А тут приходит, просит еще одеколон «Сирень». — Зачем тебе? — «Будут дамы».

Не надо было ему этот анекдот рассказывать, ибо давно замечено, что слова могут воплощаться. В дверь постучали и вошла дама. Лет то ли под сорок, то ли за.

— Назад! — закричали на нее.

Но я заступился. Она села рядом со мною, оттерев Аркашу.

— А я жду, жду, напрягаюсь, думаю, пригласишь. Но я не гордая, сама пришла. Ждал Людмилу? За тобой хоть по снегу босиком. А ты одних кобелей свистнул.

Застольем командовал Аркаша. Двоих отправил за дровами.

— Пока не напились: марш-марш. Сухих, лучше березовых. Березовые жарче, — объяснил он, считая вероятно, что я и в этом не разбираюсь.

— Какие будут указания? — спрашивали у меня.

— А без указания вы и пить не будете?

— А-а. Ну, это-то. — Мужчина с бородой (в общем-то они почти все были с бородами, но у этого была позапущенней) обратился через стол. — Это-то нас уговаривать не надо. Но, ну ладно, буду тоже на «ты», я сразу, а то потом к тебе не пробьешься, докладываю проблему дорог. Сюда нет дороги.

— И не надо! — я пристукнул по столу.

— Точно. Ты слету ловишь. Спасение России в бездорожье. Любишь Россию — ходи по ней пешком. Как появляются дороги — начинается разложение: наркотики, преступность, остальное. По бездорожью грехи не ходят. Пустынники уходили в леса, в пустыни, в горы. И там были нечистые, но боялись молитвы. Нынешние, как свиньи, не боятся креста.

— Но бояться песта, — закончил кто-то пословицу. — Давай пить, хватит о работе.

Вот уже и последняя бутылка задрала дно к потолку, а коллектив еще только-только начинал разогреваться. Аркаша, выскакивая, уходил на кухню и там чего-то химичил, хотя и меня постоянно помнил. Вскоре и он развел руками. Я принял это к сведению, и побежал в магазин.

Продавщица отлично понимала, что происходит в доме нового жителя, и советовала взять чего попроще.

— Мне-то выгодно продать дорогое, но вас жалко. Вот этим тараканов травят. Берите. Скорее упадут. Но сами это не пейте. А их не напоить. Уже один пробовал.

ЗАГОВОРИ, ЧТОБ Я ТЕБЯ УВИДЕЛ

Хоть и стыдно было выделяться, но себе и Аркаше я вновь взял что-то приличное. Питье называлось «Традиционный русский напиток с дозатором». Около дома стояли широкие санки, нагруженные березовыми поленьями. У крыльца уже поселилась деревянная лопата для разгребания снега. В доме услужливо показали, что на кухне появились ведра с водой. Естественно, я догадался, что это все ворованное или, в лучшем случае, унесенное из дома. И просил все немедленно вернуть.

— Да ты жизни не знаешь, — закричали они. — Кругом же ворье. Ты что, впервые слышишь? Миллионы хапают, а тут лопата, полено березовое. Плевое же дело. Не будь наивняком.

— Полено? — женщина Людмила, сидящая рядом, икнула. — Полено! Тащи сюда! Давай из него, — она поддала мне в ребра локтем, — давай из него Буратино сделаем, а? Заметано? Я, кстати говоря, могу и тройняшек притащить. «Налей, налей, стаканы полней! Бездельник, кто с нами не пьет». Попробуй не выпей, когда искусство призывает. Налил? Спасибо. Вместо чая утром рано выпил водки два стакана. Вот какой рассеянный с улицы Бассейной.

— За того, кого нет с нами! — воскликнул кто-то.

И все посерьезнели вдруг, встали и, не чокаясь, выпили. Причем, я невольно заметил, как они значительно переглядывались, увеличенно изображали горестное свое состояние, взглядывали на меня, потом опять друг на друга, значительно кивали головами, печально глядели на опустошенное дно, садились и сокрушенно и картинно склоняли головы.

Потом, когда прошло приличное моменту молчание, гудеж продолжился. Ко мне протиснулся человек с листочком в руках. Назвался архитектором.

— Земля у тебя есть, надо строиться. Вот, смотри, я сделал почеркушку. Тут полусфера, тут двухскатность, здесь теремообразно. Тут, в плане, зала для собраний.

— Для каких собраний?

— Общественных, каких же? Но договоримся, что полы я у тебя лично проверю. А то, вот случай, реставрировал дом на улице Берзарина в Москве, мне говорят: что-то в этом доме все умирают, смертность зашкаливает. Командую: «Снять паркет, поднять оргалит!». И что? Под ним мина замедленного действия — асфальт. А? Это же сгусток канцерогенности, раковая предрасположенность. Мертвое море раньше называлось Асфальтовое. И когда стали в России делать асфальт, то звали его жидовская мостовая. Гибнем от асфальта. А не за какой-то там металл. Люди гибнут за асфальт.

Женщина затяжелела и задремала, а Аркаша неожиданно стал читать стихи. Оказалось, собственные.

— Ох, бабы, бабы, ума бы вам кабы побольше бы бабы.

Не квакали бы вы как жабы, а были бы Божьи рабы.

— Аркаша, — растроганно сказал я, — я вот тоже все думаю, если бы классицизм не был бы так консервативен, его бы не вытеснил романтизм. А романтизм нам ни к чему. Уводит от реальной жизни, воспекает вздернутые уздой воображения чувства.

— А ты как думал, — отвечал Аркаша. — Как иначе — во всем борьба. Тебе в дом надо собаку обязательно. Я приведу.

Архитектора сменил скульптор, человек с еще большей бородой. И он стал поддерживать высокую планку культурной беседы.

— Еле переждал ваши литературные бредни. Писатели так долго не уважали слово, что оно их оставило, ушло из оболочки. Но есть же и скульптура! Мне главное — объем набрать. У меня рука с одной стороны легкая, сама видит, могу вслепую рельеф вести, с другой тяжелая. Как? Кого слеплю, того или разоблачат, или забудут. Слепил Горбача и что? И его тут же под зад. Борю ваял, и он уже не рулит. Думаю, этих лепить или подождать? Но вообще они как-то сереют, мельчают. Неинтересные черепа, слабая лепка. Какая твоя инструкция?

— Творческий человек инструкций не слушает. У него свое измерение действительности. Возьми к примеру Ренессанс. Какое там Возрождение, чего врать, кто поверит? Дикое язычество античности реанимировали, труп оживляли. Ты согласен?

— Попробуй я не согласиться, — отвечал скульптор. — Ты же начальник, значит, умный, мы обязаны руки по швам. Я вот все пробую к Сталину подступиться. Остальных легко. Я же уже как ископаемый, еще кукурузу успел изваять. При Никите. Он на трибуне, по трибуне стучит початком. Голова легко далась — лысый бильярдный шар. Уши прилепить и похож. Но а что? Вскоре скovyрнули Никитку. Мне и заплатить не успели. С тех пор и запил. Исходное сырье пропивал. Было чего пропивать. Одной бронзы на трех президентов. Мрамору! Керамика шла на пиво, на опохмел. Не хотелось их изображать, трафаретны, какой поворот головы ни возьми, все искусственны, перед зеркалом разучены, я же вижу. Нет, не они спасатели России.

— А кто? Крестьяне?

— Скорее всего.

— Их и изображай. И рабочих.

— Их-то зачем? Они не только Россию, но и свои цепи потеряли. Оставили только каски для стука. Но прикажешь — изображу. Прикажи.

— Нашел приказчика. При чем тут я?

— Как при чем? — скульптор в недоумении смотрел на меня. — Ладно. Завтра же тебя начну изображать и отображать, и себя заодно выражать.

— Ты ж пропил исходное сырье.

Скульптор встряхнулся и долго в меня всматривался. Что уж он смог разглядеть в табачном дыму, но объявил:

— Дерево! Ты не для бронзы, не для гипса, не для, тем паче, мрамора. Твоя голова топора просит. Пару-тройку сеансов и — как живой. Горлонару, мы гонорар так обзывали — горлонар, не надо. — Скульптор посмот-

рел на мою правую руку, даже взял ее в свою и повалил сбоку набок — Замахнемся и на руку. У каждого пальца свой образ, свой портрет.

— Ну, подыдем, — воззвал истосковавшийся по вину и вниманию Аркаша. — За то, чтоб крысы в подвале не плодились.

Вставший в рост мужчина в черном кителе возгласил:

— Нет, не спойть врагам Россию, вина не хватит на земле!

Всем захотелось высказаться и себя представить. Оказались в застолье и агроном, и зоотехник, и военные. Громче всех оказался именно этот, в кителе.

— Ти-ха! Вопрос: от кого зависит наша жизнь? Конкретно. Думайте. Вам же есть чем думать, вас же, мозгачей, зачем сюда везли? Молчите? Теперь поглядите в окно. — Все мы поглядели в темноту уже полностью оттаявших окон. — Есть под окнами голубые каски ООН? Нет? А почему нет? — Он так грозно обвел взглядом застолье, что мы не смели и слова молвить. После паузы прозвучало: — Докладываю на поставленные вопросы. А потому нет, что в стране есть оборона. Дошло? А в этой обороне я был, кстати, не очень лишним, но сейчас не об этом. Горько вспомнить момент истории между Мишкой меченым и Борькой алкашом, когда все потащили на продажу, и измены пошли сплошь и рядом. И одна наша сволочь, это был даже полковник, продал секреты обнаружения низколетящих целей. Это, о-о-о! Бери нас голыми руками, вот как это называется. Вот такой оказался Мазепа, Петлюра, Бандера и Азеф заодно. В общем целый поп Гапон. Н-но! — Оборонщик поднял указательный палец, потом помахал им справа налево и обратно. — Н-но, русский ум неустрашим. Я вас сейчас успокою. Мы за отрезок времени замасштачили кое-чего получше. И ждем-с: летите, голубчики. Не летят. Зна-ают. Так что скажем спасибо этой продажной сволочи. Тащите, воруйте, продавайте, нам это только на пользу. Это же русские мозги, это же надо понимать, это не что-нибудь. У нас не только извилины, но еще и в извилинах сверхъизвилины.

— Скоро магазин закроется, — напомнил скульптор. — В счет авансов, а?

— Я с ним! — вызвался и этот высокий, в кителе. Для себя я назвал его оборонщиком.

— Бегите, — согласился я.

— Ноги в руки! — добавил Аркаша. Он не упускал командирство. Перехватил у меня деньги, мгновенно оценил их количество, немного убавил и отдал. — Вместе давайте. Пулей! Друг за другом следить! В магазине не пить!

Они даже и пальто не стали надевать.

— А вот и я, она самая, — раздался женский голос. Это проснулась Людмила. Она будто откуда-то вернулась, да она будто и не пила до того. Поправила прическу и сходу включилась в наши разлохмаченные разговоры:

— Была я в Испании. Коррида. Лицезрела быков. Мельче наших, глупее, нервные, в общем. Один оторвался, когда их гнали, вот я вам рассказу, два киоска снес и летит!

— Фантомас разбушевался, — вставил кто-то.

— А я поймала. Хоп за кольцо в ноздре, ему стало больно, он и пошел как теленок.

— Наша жизнь! — выступил Аркаша. — Стихи свои. Других не держим:

*Ты, Россия моя, золотые края.
И была Россия, Святая Русь, а теперь какая грусть.
Раньше были мы свободны и не были голодны.
Большевики пришли. Зазря не послушали мы царя.
Остались с одной лопатой, да с судьбой своей горбатой.
Утром встанешь, на стол глянешь, на столе ни шиша,
В кармане ни гроша.
Потому что пришла перестройка, а это одна помойка.*

— Это ты уже сто раз читал, — махнула рукой женщина. — Ты плюй на политику, лирику рвани, лирику.

— Прочешь? — спросил меня Аркаша. И предварил: — Это критика:

*У меня выбор был большой, зачем женился я на ей?
Оказалась такая скважина, ревнует ко всем и к каждому.
Сочиняет такие страсти, что не знаешь, куда скласти.
От удивления я кричу, больше с такой женой жить не хочу.
Не работаю нигде и денег не имею,
Хожу-брожу по селу, да вино пить умею.*

Собутыльники, видимо, и это знали. Смотрели на автора иронически и даже насмешливо. Но ждали моей оценки.

Я спрятался за формулу, уже испытанную временем:

— Не знаю, как тут насчет поэзии, но насчет политики все правильно. Только зачем ты женился на ей?

Но дискуссия не завязалась, ибо за нами прибежали из магазина. Наши посланники, скульптор и оборонщик, отличились. Обменяв ассигнации на желанное лекарство, они тут же приняли его. Так как принимали не из стаканов, а лили в себя прямо из горла, то неосторожно перелишили и рухнули, не отходя от прилавка. Аркаша послал еще держащихся на ногах выручать своих, а остальных стал немилосердно выталкивать.

— На свободу с чистой совестью! Ночевать у них есть где! — уверял он меня. — А замерзнут — так и надо. Это не люди уже, это накипь, это пена. Надо от них Россию очищать. Это мне так умные люди втолковали. Оставить соль земли. Да и мороза уж такого, чтобы очень, нет. Я сколько раз в сугробе ночевал, живу же.

Хотя все это новоселье, этот табачный дым, от которого болела голова, да и выпитое, действовали так нежелательно, я все-таки воспротивился такому финалу. Хотя и хотел остаться один, хотел для начала изладить хотя бы полочку для книг, не думал же, что будут такие масштабы застолья. Придется терпеть.

Аркаша отгреб ногами к порогу гремевшие пустые бутылки, налил всем и возгласил новый вариант здравницы:

— От пьянки не будет Россия во мгле, не хватит поскольку вина на земле! — Аркаша выпил, крикнул и запел: «Маруся, раз, два, три, калина, чорнявая дивчина, в саду ягоды брала». И стал даже маршировать на месте.

На втором куплете из магазина вернулись спасатели. Оборонщик уже держался на ногах и стал брякать граненым стаканом по бутылке:

— Команде пить чай!

И все воспрянули, услышав радостные звуки. Надо ли сообщать, что курение возобновилось с новой силой, надо ли говорить, что число пирующих увеличилось. Надо ли говорить, что интеллект, разбуженный вином и выпущенный на свободу, не хотел молчать.

— Ты, Лева, не путай хрен с морковкой, антисемитизм с антииудаизмом. Мондиализм, масонство, космополитизм, они сами вызывают к жизни национализм, а потом обижаются.

Еще один небритый вставил свое, видимо, наболевшее:

— Я специалист по земле и злаковым и скажу так: хлеб с клеем не возмут, а в искусстве терпят примеси.

— Сиди, Вася.

Тут Людмила досадливо дернула плечом:

— Опять про умное. Да ну вас! Я ушла. — И ушла.

ЗАСТОЛЬНЫЕ КРИКИ

— Хозяин нужен! — кричали за столом. — Хозяин! И задницу доллару не лизать, а нефтяные рубли не на Абрамовичей тратить, а на народ. Всех русских в Россию вернуть! Кредиты давать на сто лет и безпроцентно.

— Ворье на копание траншей! Подростков за курение и пьянку пороть! Телевизоры собрать, спрессовать и закопать! Вон, в Белоруссии, людей ценят, а не хапуг. Лукашенко, Фиделя Кастро и Уго Чавеса в президенты России! Хай будь триумвират!

— А вот отгадай, что нужно, чтобы любое дело загубить, — спрашивал окончательно поправивший здоровье скульптор, — что? Надо все время кричать: инновации, инновации, инновации. И каркать: мастер-класс, мастер-класс, мастер-класс. И заездить всех симпозиумами и чтениями.

Я соглашался и в свою очередь тоже выступал:

— Вот вы думаете, зачем я пришел в этот дом? — Я от земли ушел, но к земле вернулся. Земля спасет. Земля!

— Отличный посыл! — воспарял специалист по земле Вася. — Не сразу, но запомнишь, я взят сюда не за красивые глаза, а за докторскую, уж я-то знаю, какие травы с какими не растут. Так же и зерно-бобовые. И времени тратить не надо, рядом не сажать. Так же и люди, так ведь? У тебя сколько соток? Тридцать? Неважно. Я тебе устрою на них рай земной. А как от сорняков избавиться, это мой эксклюзив. Не гляди, что пью, гляди в будущее. Сорняки я срываю с сорняками, а полезное цветет, расцветает и процветает. Налей мне лично сам. — Я налил ему треть стакана. — Еще, — попросил Вася. — Подбавь... стоп! Теперь пить, кудри наклонять и плакать.

— До чего дошло! — обращал на себя внимание мужчина в приличном пиджаке, — дошло до создания науки биоэтики. Этично ли отправить маму на прекращение жизни, то бишь на эвтаназию, этично ли послать жену на аборт и этично ли самоубийство, то бишь суицид. Это не выдуманно мною тут, в этом месте, это уже в мире. Не хочу в такой мир!

— И не ходи. Тебя и не выпустят, — отвечали ему.

— Но мы успеем сказать, что наука ведет к гордыне. Пример? Письмо происшедших от обезьяны нобелевских лауреатов.

Для окурков оборонщик нашел подобающую пепельницу, приспособил ведро. Ведро тоже как будто курило, постоянно дымилось. Нашелся и садовод в застолье. Он говорил мне и всем, кто еще мог слушать, что фруктовый сад выгоднее злаков. Легче содержать, а дохода плодовые деревья дают гораздо больше.

— Нет! — кричал специалист по лошадям. — Конь спасет, конь! Заведем сортовую конеферму. Вятскую породу возродим. Везет как тягач, а когда надо, скачет. Земля же столько железа не выдержит, уже начинает стряхивать. Лошадка мохноногая торопится, бежит. Прибежит, спасет.

И я подливал им и верил, что все так и будет. Перестанем пить, возьмемся за ум, будем трудиться. Курить не будем, выражаться. В церковь будем по праздникам ходить.

— А то, что пьем — это простительно. Бог пьяниц жалеет. Да это же не пьянство, это судьба такая. Отцы пили, мы опохмеляемся. Что ж делать, раз мы впились.

— Пьяницы царства небесного не наследуют, — как-то робко сказал бледный большеглазый юноша.

— Не упрекай, Алешка, — крикнули ему. — Мы не пьяницы, а выпиваем по случаю. Ну и запой бывает и что? Пьяницы — немцы, а не мы. Они систематически пьют, это плохо. А запоями лучше. Все-таки в перерывах чего-то изобретаем.

— Да дай тебе денег, тут тебе будет систематический запой.

— А как не пить, в стране хаОс, значит, в людях хаОс. Ударения не перепутайте.

— Транссиб проложили, Гитлера победили, можно и отдохнуть.

— Ты что, да чтоб русским дали отдохнуть? Много хочешь. Да мы в любом веке живем с перегрузками. С пятикратными.

— Куда денешься, у них менталитеты, у нас трехжилность.

Кто-то прижимался ко мне заплаканным лицом, кто-то просил займы в долг до завтра. Конечно, я говорил, что займы не дам, а дам, сколько он хочет и насовсем. Навовсе. Без отдачи. Какие займы, какие в долги, когда все у нас общее.

— Нам нужны победы! — кричал я. — Сопляки и нейтральные идут за сильными. Трижды плевать на спорт: это оттягивание сил на метры и секунды, голы и очки. Это все то же, что в Древнем Риме. Хлеба и зрелищ! От того и исчезли. Ползают по развалинам. Но здесь же Россия, и мы историю Византии не повторим. Здесь Россия! Вы что, все еще не врубились? Хотите и жить и грешить, и снова жить? Тут же не Европа. Нет, парнишки, как хотите, а жить надо начинать серьезно.

— Мы этого и ждали, — кричали мне, — мы по настоящей работе соскучились. Как в песне поется: привыкли руки к топорам.

— Для начала надо по рукам ударить тех, кто дрищет на русскую историю.

— Успокойся, всегда дритали. Ломоносов писал об исторических изысканиях Миллера, на память цитирую: «Из сего заключить должно, каких гнусных пакостей не наколобродит в российских древностях такая запущенная в них скотина».

— Кто, кто, ты сказал? Миллер? Братья, мы договаривались, что если кто начнет в этой пьянке...

— В этих поминках, — поправили его.

— ...кто начнет ум и память пропивать, того вон из застолья. Договаривались? Не наливайте ему больше — он Миллера от Шлецера не может отличить. Умник! Это не о Миллере Ломоносов говорил, о другой скотине, о Шлецере.

— Вот, вот, — одобрил я, — вот уже и научный и одновременно практический спор. Да, ребяташки, пора вам в переднюю траншею.

— Это законно, на фиг, что в траншею, — одобрил меня как-то внезапно появившийся молодой парень, показав большой палец. — Грянет гром — мы моментально протрезвеем. А пока он же не грянул, сиди, на фиг, и радуйся. Вообще, это, на фиг, мужская коронка — пить без передышки. Хотя и тяжело, а крылато.

— А гром, значит, еще не грянул? Ну-ну, — учительски заметил я.

— Вообще, не пить, это так же хорошо, как пить, — высказался выпивший стакан агроном Вася. — Как у нас — с одной стороны, «бездельник, кто с нами не пьет», с другой, как солнце над полями, трезвость. Вот тут и выруливай.

НАСТУПАЕТ ВЕЧЕР

Сидели-то мы плотно, но уже где-то в отдельно взятых группках общего коллектива начинались высокотемпературные разговоры, например: «Я тебе пока по-нормальному говорю, понял? Пока! Или не доходит?» Но такие вспышки я легко гасил, ибо все от меня зависело. То есть не от меня, от моего кошелька. От того, думаю, пока и слушали.

— Кто же виноват в ваших бедах? — вопрошал я. — Вы — русские мужчины. Русский мужчина может спастись или в монастыре или в семье. И чтобы семья, как монастырь. И — любовь! Они жили долго и счастливо и умерли в один день. Поняли народную мудрость: с кем венчаться, с тем кончаться?

— Аристотель, учти, назидал правителям: хотите крепкое государство тире контролируйте музыку. — Музыкант подтверждал высказывание Аристотеля дирижерскими взмахами руки.

Аркаша пытался читать стихи:

*— Я тихонько с печки слез, взял я ножик и обрез.
Мне навстречу Севастьян, он такой же, из крестьян.
Много дел у нас чуть свет: жгем читальню и комбед.*

— Не жгем, грамотей, а жжем, или хотя бы, поджигаем, — успевал я поправить.

— Главное — набрать объем, — гудел на ухо скульптор. — А сколько я наставил бюстов в Доме моченых и в музее Развалюции, при желании можно атрибутировать.

— А меня батюшка спрашивает, — вскидывалась внезапно вернувшаяся женщина Людмила, усмирявшая испанского быка, — почему ты не была на службе, Людмила? Я отвечаю: — Я вино вкушала, батюшка. — Видно было, что слово «вкушала» ей очень нравилось.

Но вообще за столом было такое разномастное бестолковое общение, что я решил упорядочить беседу:

— Да что ж это никто никого не слушает? Я тоже выпил, но не настолько же. Вы еще реинкарнацию вспомните. Жизни же не будет другой. Давайте общий разговор вкушать. Есть тут социолог?

Кто-то откликнулся, подняв голову от стола:

— Как не быть, есть.

— И как ты объяснишь сей синдром полного теперешнего безразличия к судьбе Отечества?

— Ты не поверишь, но я скажу просто: это не безразличие, это необъяснимое преимущество русского народа, то есть торможение истории. России некуда спешить, она живет и, единственная, живет по-человечески. Остальные бегут, бегут и бегут, и исчезают. Хоронят себя в своей жадности и суете. Терпение — понятие русское. Смирение — тем более.

— Слышали? — восхищенно возопил я, — все слышали?

— Сто раз, — отвечали мне.

— И сто первый не вредно послушать. Русскую идею ищут. Да идея любого народа появляется вместе с ним, иначе и народа нет. Приняли Православие — появилась Русь. За Русь! Конечно, за нее лучше не пить, ей это отраднее, но уж ради встречи и знакомства.

— За Русь! — поддержал меня социолог вновь залег своей умной головой на пиршественную столешницу.

— По полной! — крикнул Аркаша.

Такая здравица уничтожила остатки напитков, и я стал порываться в магазин, чтоб выпить еще и за здоровье социолога, но мне доложили, что магазин погасил огни. Но что это отнюдь не проблема, то есть проблема, но решаемая, так как есть проблемы трудно решаемые, есть проблемы долго решаемые, но нерешаемых нет, и эту разрешим, ибо во многих местах за снеженной ночи неумоимо работают самогонная фабрика. Правда, ее владелец, вот собака, взвинтит, по случаю моего новоселья цены. Но это меня не устрасило. И я, помахивая ассигнацией, спросил:

— Чьи ноги? Сам бы, как Ванька Жуков, побежал, дороги не знаю.

Оказалось, что и никто не знает. Только Аркаша.

— Вперед и с песней! — велел я ему.

Уже много бойцов полегло на мои половицы. Тела их раздвинули, сделав проход к дверям. Я вспомнил о печке и подтопке. Все в них прогорело. Закрыв трубу.

Вернулся Аркаша с трехлитровой бутылкой мутной жидкости. Но самогон пить я не стал. Справились с ним и без меня.

ВОТ УЖЕ И НОЧЬ

Проемы окон, не закрытые шторами, были так черны, что казалось — пространство избы сдавливается темнотой. Застолье сбавляло обороты, выдыхалось. Наступила беззвездная ночь. Аркаше я приказал не сметь выволакивать спящих на мороз.

— Какой это мороз, не колотун же. — Аркаша ходил по пятам и все жаловался на жизнь. — Негде же заработать. Ты приехал, оживил, а то бы я вот-вот и кранты. Вот в ноябре я вышел на работку, и отбили сразу мне охотку. Зарплату дали так уныло, что не хватило даже на мыло. И за автобус заплати, и на морозе ногу об ногу колоти. Вот так, друзья интеллигенты, надо народу платить

алименты. Ведь мы живем без папы и без мамы, пустые наши карманы. Выйду на улицу, попрыгаю, поскАчу, вернусь домой и горькими слезами заплачу.

— Как это — поскАчу? — возмущенно спросил я. — ПоскАчу. Поскачу надо. Ты русский язык береги, ты его хранитель, ты народ, понял?

— Храню, храню, — торопился Аркаша. — Вот это, это же не я сочинил, а храню. От них слышал: «Люблю грозу в конце июня, когда идет физкультурпарад, и молча мокнет на трибуне правительственный аппарат».

Нас услышал лежащий у ног и сильно до этого храпящий худой мужчина. Тут, я понял, все были не чужды поэзии. Он, не надеясь, что удастся встать на ноги, все-таки хотя бы сел, и читал сидя:

*Все, что надо, есть в жизни для счастья,
Только нету его самого.
Нету в мире к России участия,
И плевать нам, что нету его.*

И вновь откинулся. А меня посетила простая мысль, что и я созрел для сна. Аркаша спихнул какого-то страдальца со старой ржавой кровати, велел ему карабкаться, как он выразился, в общественную палату, то есть на полати, навалил на панцирную сетку всякие пальто и полушубки пришедших, и показал услужливым жестом: тебе. Сам по-собачьи улегся у ног.

— Да, пьем! — кричал кто-то, — пьем, пребываем во мраке пьянки. Но и в этом мраке есть высверки истины, искры разума и молнии мысли. Скандинавская теория истории России бесплодна! Аналогии с Византией — явная натяжка!

Эти высверки молний озарили мне пространство моего сна. Ближний Восток предстал в нем в своей щетинистой раздерганности, и кто-то горячо шептал на ухо: «Тут она кухня политики, тут! Ставь свой котел на плиту, ставь, пока есть место».

АЛЕША И ЛЮДМИЛА НА КРЫЛЬЦЕ

Видимо, такой сюжет был от духоты, в которой я проснулся. Дышать было трудно. Это печи, натопившись досыта, дали такое тепло, что спящие сдирали с себя пиджаки и рубахи. На черных окнах ожили огромные, гудящие мухи. Снизу, из подполья поднимался запах тлена и гниения. Две худые страшные кошки ходили по столу. Я в ужасе упал обратно на скрипящее железное ложе. И вновь стал задыхаться. Нет, надо на воздух. Он же здесь оздоравливающий, первозданный.

Кое-как пробрался, шагая по телам, но все-таки не по трупам: люди храпели, хрипели, стонали, чесались. На крыльце кто-то был живой. И этот кто-то рыдал. Слабая луна осветила и крыльцо и рыдальца. Этот был тот самый юноша, который сказал, что пьяницы царства Божия не наследуют.

Я постоял рядом, тронул за плечо:

— Иди в избу, простынешь.

— Нет, — отпрянул он, — нет! — Высушил рукавом слезы на щеках. — Я плачу и рыдаю не на показ, а когда думаю о доле возмездия. Я вижу мир, — он повел рукой как диакон и поклонился даже кому-то, — я вижу мир, который виноват перед Богом. Но покаяния не вижу. И плачу

за свою вину слезами и плачу. Безполезно хотеть быть счастливым без церкви. Это мне наказание. Почему они не поставили условия, чтобы тут была церковь? И они бы так не пали.

— Поплакал, и хватит. Иди спать.

— Алеша, — представился он, суя мне дрожащую мокрую руку. — Я был монахом. Я спасался. — Он зарыдал. — Дело моего спасения продвигалось. Мог спастись, реально мог. И пропал.

— Почему, — невольно спросил я.

— Старец послал меня в мир. Иди, говорит, Алеша, золотая твоя душа, спасай, говорит, братьев.

— Спас?

— Погибли. Одного в Сибирь отправили, второй с ума сошел. И я погиб.

— Пока человек жив, он может спастись, — утешил я. — Ты ж еще живой.

— Если вы так считаете, тогда и они тоже могут спастись, да?

И еще одно явление было на крыльце. Опять Людмила.

— Не подумайте чего, покурить вышла. А курить вредно, не буду. Так вот, признаюсь, я была у него референтом, но не будем ханжить — не только! Мне и подковерные игры известны и надковерные. Но он был реальностью, куда денешься, хоть и сволочь. Счастья с ним я не знала, одни опыты. Умный был, хоть и сволочь, не знаю, жив или уже нет. Даже не знаю, отец ли он моих детушек. А эти все, — она махнула рукой, пошатнувшись в сторону дверей в избу, — это все вирусоносители. И — только! Брюконосители и брюхоносители.

— Ах, все не так! — воскликнул Алеша. — Вы же его любили! — И поспешно убежал.

— С чего бы я стала его любить? — спросила меня Людмила. — Ну, для начала, может быть. Да и кто он?

— Людмила, — сердито сказал я, — мне некогда вникать в вашу жизнь, я в ней случаен. Кого ты любила, кто отец, где дети, мне это знать не дано, и не надо. Но откуда все эти артельщики? Это что — колхоз или колония? Или поселение какое?

— Какая тебе разница? — спросила Людмила. — Ну не врубился, не вехал, живи так, — Людмила все-таки стала выскребать из пачки сигарету.

— Минздрав тебя еще не предупреждал? — спросил я и отправился досыпать.

Но по дороге к лежбищу на свою беду споткнулся о поэта. И будто нажал на пружинку, он так резко сел. И сразу стал декламировать:

*Надев коварства гримы, сполняя папин труд,
Из Рима пилигримы на Русь Святую прут.
Цветет в долине вереск, весна пирует власть,
Жидовствующий ересь у нас не прижилась.*

— Каково? — гордо спросил он. — Конечно, не великий сменщик Пушкина Тютчев, но! Учусь у него. «В русских жилах небо протекло». Все слышат? Это написано по-русски, Доходит до вас? Доходит?

— Доходит, — ответил я за всех, хотя слушал его только сам. — Спи.

— Есть! — отвечал он, и в самом деле храпанул.

«ПРОСНИСЬ, ИЛЬИЧ, ВЗГЛЯНИ НА НАШЕ СЧАСТЬЕ!»

А ранним утром... что утром? Нельзя же было их выгнать. Приручил, а честнее говоря, припоил — отвечай. Они видели спасение только во мне. Просыпались, сползали с общественных полатей, смотрели виновато и жалобно, и ожидающе.

— Нам же не для пьянки, — гудел оборонщик, — нам же, чтоб не отвыкнуть. Мы же проснулись, нет же войск ООН под окнами. Не вошли же еще в Россию войска, лишённые эмоций. Так что, по этому случаю, а? Вася, что ты молчишь? Как ты себя чувствуешь?

— Было бы лучше, не отказался б. Но вообще можно пропустить денек, — советовал агроном Вася. — Надо организму давать встряску, надо раз в неделю не пить. Эх, пиджак-то весь измял. — Аркаш, — обращался он к Аркадию, — ты бурь уснувших не буди, под ними похмелье шевелится.

Аркаша ступал сапогами в просветы меж еще спящими и пинками их будил. На пинки не обижалась.

— Проснись, Ильич, взгляни на наше счастье, — сказал он лысому, с рыжеватой бородкой, человеку.

— Серпом по молоту стуча, мы прославляем Ильича, — добавил скульптор. — Слышь, Ильич, сделаю тебе предложение, от которого не сможешь отказаться? Хочешь политическое удовольствие получить?

— А почему бы и нет, — зевнул Ильич.

— Незалежни, незаможни, самостийни хохлы, когда дуже добре не могут втолковать собеседнику простую истину, то кричат: «Я тобі руським язиком кажу!»

Ильич снова, еще крепче зевнул и шумно поскреб лысину. Обратился ко мне:

— Ну, как там мавзолеей? Все пока еще, или, несмотря ни на что, уже? Мавзолей — это же пергамский престол сатаны. Так снесли его или нет? Если все еще нет, так зачем было будить? Аль нальете? Это бы вот было архиактуально, архисовременно и архисвоевременно. — В Монголии, — он зевнул уже слабее, — водка называется архи. Там у трапа самолета прилетевших из России встречают этой архи и очень хвалят Ленина, сказавшего: «Архи нужно, архи полезно, архи необходимо». После этого остальное не помнишь. Не надо нам было туда трактора вдвигать, не земледельцы они, скотоводы. Не любят нас. А арабы плотину Асуана помнят, мы им пойму Нила залили. Доброе утро!

В избе колыхались сложные запахи похмелья. Хотелось на воздух. Ясно, что все равно придется пойти за жидкостью для их реанимации. Другого счастья наутро после русского застолья не бывает.

— Ты иди, — виновато говорили они, — мы тут приберемся.

Дорожка моя была протоптана. Странно, но я чувствовал себя очень даже нормально. Раннее солнце нежилось на облаках над горизонтом, но чувствовалось, что до конца оно из постели не поднимется. Так, потянется пару раз, да и опять на покой. Зима, можно и отдохнуть.

— Ну, и как живете? — вроде даже сочувственно спросила продавщица.

— Да по-разному, — честно отвечал я.

— Ладно, что хоть не по-всякому. Но все равно для всех вы хорошим не будете. Они вас уже и так ославили. Знаете, как о вас заговорят: вот, приехал пьяница командовать пьяницами.

— Спасибо за пророчество, — благодарил я. — А пока надо мне их опохмелить.

— Это благородно, — одобрила она. — хотя из-за них нам никуда и не выехать, но тоже люди.

— Как никуда не выехать?

— А куда нам выезжать? — ответила она вопросом на вопрос. — Товары завозят, чего еще? Да и куда поедешь, билеты такие стали дорогие. Только ворье и ездит. Да кого прижмет, на похороны. Редко-редко на юбилей когда.

В ставшем уже родным доме меня приветствовали, как вернувшегося с поля боя. Было приблизительно убрано. Аркаша дурашливо приложил руку к пустой голове и доложил:

— В глухом краю вглухую пью. Открываем перцовку, начинаем масовку.

Первыми, не дожидаясь никого, выпили оборонщик и социолог, и упали досыпать: оборонщик на пол, социолог лицом на стол. Поэт так и не встал и очков не снял, будто без них не мог видеть снов и храпел в дальнем углу.

На кухне, к моему изумлению, распоряжалась юная особа. В передничке даже.

— Кастрюльку принесла, — сообщила она и назвалась Юлей. — Капустки, свеколку, морковку, борщ надо сварить. Нельзя же без горячего. Так ведь? А то тут такой президент-отель, что с голоду загнешься. — Она щебетала, а сама ловко распоряжалась посудой и овощами. — Лук я сама почищу, вам плакать пока не с чего. Так ведь? Можно бы и крапиву, у меня есть, положить, но она при вашем возрасте бесполезна, кровь густеет.

— А что полезно? Помирать? Воздух не расходовать? В моем детстве пели: «На заборе сидит кот и глотает кислород. Вот поэтому народу не хватает кислорода». А я ж больше кота. Пели?

— Заучу, — пообещала Юля. — Мы были как плюс и минус, как половинки, разве не так? Все будет хорошо, да? У нас будут красивые дети, не так ли? Аля-улю, лови момент! Дозреет вскоре мой клиент. В вашем возрасте надо думать об оставит след на земле.

Принесенное мною содержимое бутылок было вылито трясущимися руками в звякающие стаканы, молча и судорожно, без всяких чоканий, выпито и пережито. И не успел я спросить у Юли, что за момент мне предлагается ловить, как меня дергали за рукав и говорили:

— Выдай еще валюты, а то воровать придется. Надо же продолжить. Нам на халяву и известка — творог, так что хоть бы чего-нибудь. Надо правильный опохмел соблюсти. А то забуримся. Хоть посидим. Ты не думай, если что, мы тебя под монастырь не подведем.

— Это как раз было бы хорошо, — отвечал я. — Был бы игуменом, вы б уже на поклончиках стояли.

— Ну, ты садист, — отвечали мне. — Мы не только стоять, мы сидим еле, а ты поклончики.

— А ежели гром грянет, а? — спросил я грозно.

— Ты и вчера громом угрожал, — отвечали мне, обнаруживая свою, лучшую, чем у меня память. — Мы отвечали, что перекрестимся и встанем. Но сейчас-то не томи.

НОВЫЙ ДЕНЬ. РАЗГОВОРЫ О РАЗНОМ

День начатый правильной опохмелкой, продолжился криками и уверениями в том, что вот сегодня они начнут жить по-новому. Агроном Вася все говорил о сортах полезных растений, о том, как различать цветоножку и плодоножку, как бороться с личинками пилильщиков и с открыто и скрыто живущими вредителями корневой системы.

— Но вообще, я во всем вижу влияние цифр. Даже, в том числе, на живую клетку. Смотри, какой размах, такого ни в одной науке: от бесконечно малых величин до бесконечно больших. Вот такая амплитуда, вот такой маятник. Но ведь это же можно и с ума сойти: как это — бесконечно большие? Они, наверное от этого ужаса, ввели понятие икса. Икс в энной степени, это что? вот и возьми их за грош. От любой ответственности уйдут. А если что — тут же понятие «мнимая величина». Мнимая. Нужна же точка отсчета, давайте от печки танцевать.

— Тут не только их цифры, — говорил ему зоотехник Лева, — есть и тела бесконечно большие, прикинь — звезда размером с галактику. Или в эту сторону: нейтрон недоступен визуальному зрению глаза, а для какой-то частицы он — великан. И у блохи есть свои блохи.

— Лева, стоп! — воскликнул Ильич. — Визуальное зрение? Ты т а к сказал? На колени перед русским языком! На колени! Это тебе не английский. Английский язык легко заменяется долларом, а на русском с Богом говорят, еще Ломоносов заметил. Да и до него говорили, это мы онемели. Ты что, еще не на коленях?

— А ты, что, русский язык?

— На колени за непросвещенное вторжение в мои знания. Сказал бы просто: звезды есть карлики, звезды есть гиганты. А есть сотни движений галактик, звезд и планет. И настоятельно рекомендую начать думать, как при грядущих близких катаклизмах вписать нашу планету в более безопасную систему плавания во вселенной.

— Для начала Москву надо затопить, — говорил агроном Вася. — Я же еще и знаток гидросистем. — Затопить просто. Берем Средне-русскую возвышенность, переходящую в низменность, вспомним опыт Рыбинского водохранилища...

— Это же дорого, — возражали ему, — хоть она и заслужила. Проще вдавить в пустоты.

— Кого?

— Кого еще? Москву! В ней же уже провалы начались.

— Лучше всего ядерным взрывом на обоих полюсах качнуть планету, сместить ось и все! И гуляй! На северном полюсе заряд разместить справа, на южном слева. Делов-то!

— Нет, для начала надо покончить с зависимостью от нефти. Энергий в России огромное количество: солнце, ветер, вода. Но нефтяные воры в законе будут всячески этим энергиям сопротивляться. За энергию без нефти!

Лысый Ильич как-то очень нервно вновь потребовал внимания:

— Вы меня высмеяли, когда я сказал, что западные имена годятся для нас только в собачьи клички. Гор, Буш — чем не клички для кобелей? Никсон — это такой породистый кобель. Тутчер — породистая сука. Маргарет — это сука медальная. Был же Мольер — победитель собачьих сессий. Блэр, Тони — все годится. И так далее. Но сейчас не об этом. Язык — это тайна...

— И он впадает в Каспийское море.

— Не язвите. Наводящий вопрос: во сколько раз больше дано эфирного времени, газет, журналов врагам России? Раз в сто. Самое малое. Так почему же они ничего не могут добиться? Они ж непрерывно льют злобу и ненависть на Россию. Но мы по-прежнему любим родину. Потому что слово Родина — это слово молитвы, и оно неуничтожимо, оно выстрадано нами. Наши слова подкреплены сердцем. Это как золотой запас для бумажных денег. Нет его, и печатай ты свою зелень, сколько влезет. Так и их слова — не обеспечены золотом любви к России. И поэтому не будет им веры никогда. Хотя брехать мастаки. Но народ слушает и чувствует — фальшак! Русскими правят россияне! Сажусь.

— Садись. Года на два наговорил.

На кухне уже закипал борщ, и запах его перебивал остальные.

— Съешь две тарелки, еще попросишь, — говорила именно мне при всех Юлия. — Еще и в щечку поцелуешь.

— Я женат, — на всякий случай сказал я.

— Так это ж где-то.

— Позвольте договорить! — опять вскочил чего-то сегодня часто выступающий Ильич. — Мысли с похмелья скачут как зайцы по старому насту, не оставляя следов, как бы, да? И вот, говоря о преимуществе русского языка, я забыл подчеркнуть, что вообще знание языков — это самое низкое знание.

— А в сноске заметить, — ехидно уколол Лева, — что сие откровение ты свистнул из Посланий апостолов.

Собрался и я выступить. Встряхнулся:

— Задаю вопрос. Всем. Как вы думаете спастись от антихриста?

Они спросили:

— А он, что уже пришел?

— Пить не перестанете, он быстро придет, — оповестил я. — И что вы? И как вы? И примете печать антихриста?

— Ни за что! — резко воскликнул лежащий на полу и вроде бы безчувственный оборонщик. — Он встал, встряхнулся, крикнул и подсел к столу. — Ни за что!

— А чем будешь питаться?

— Подножным кормом! — заявил недремлющий Аркаша. — Я когда на базе потребсоюза мешки таскал, всяких семян наворовал. Как чувствовал. Собирал на жизнь богатство несправедное.

— Аркадий, вы неправильно употребили евангельский текст. Он же не о воровстве.

Это Аркашу поправил Алеша. Он оказывается, сидел тихо и незаметно, но все видел и все слышал. Ел ли он что, пил ли, не знаю.

НАЧИНАЮ ИХ РАЗЛИЧАТЬ

Я уже начинал различать собутыльников и даже пытался запомнить хотя бы имена. Поэта запомнил после ночной декламации. Георгия стал отличать, когда он, ударяя пальцами по краю стола, как по клавишам рояля, воссоздал мелодию «Метельного вальса» Свиридова. Похвалил его. Он воспарил:

— Ты что! Я без музыки как без кислорода. Я всяких Вивальди меж пальцев пропускал. Первый Чайковского наяривал. И его же пятаю. От «Итальянского каприччо» рыдаю. Первая часть, ближе к концу. Похороните меня под каприччо. Да разве от них дождешься? Но музыка, которая не размягчает чувства, и не делает сердце готовым к восприятию Бога, совершенно не нужна! От того-то сатана и вцепился в рокеров, они его слуги, они превращают отроков и отроковиц в тинейджеров и фанатов. — Он запел: а-а-а-аа, — сорвался, схватился за голову, потом за стакан. Тот был пуст. Я потянулся налить. Но он высокомерно отринул мой порыв.

— Генделя, — сообщил он, — Глюка и Гайдна, всех запросто выпиливал. Такие верха брал, парни спрашивают: у тебя что, смычок два метра? Уходил в ультразвук. А сейчас можно вас попросить о создании главной музыки — тишины? Помолчим, братья! Можно? — спросил он меня.

— Помолчим, братья и сестры, — попросил и я.

Но оборонщик прервал краткое молчание:

— Ты говоришь — молчать, но разве это восприемлемо? — спросил он. — Нельзя быть такими небдительными. Германия, что, забыла наш флаг над рейхстагом? Никто же не успокоился. Даже и Грузия тоже уже. Ну, это-то. А Украина? Ведь и эти уже в НАТО скребутся. А Япония? Япония-мать. Даже и Монголия. Им Чингиз-хан отдал земли, куда ступит копыто монгольского коня. А оно ступило до Венгрии. И не надо было это копыто держать сожжением Рязани, подвигом Евпатия Коловрата, гибелью Киева и Владимира, пусть бы монголы почистили Европу. А то она до сих пор гадит и гадит. И изображает из себя, что впереди нас. Какое там впереди — педерастов венчают.

Вдруг, вроде спавший, поэт сел, поправил очки и прочел:

Эстония — такая крошка, любого-каждого спроси,

Она теперь как злая блошка на теле матушки Руси.

И опять откинулся и опять всхрапнул.

— Ну-к что ж, в тему, — одобрил оборонщик. — Продолжу. Или взять немцев...

— Ты уже о них говорил, — закричали ему.

— О них надо два раза сказать. Россия! Уж хотя по мячу пинать научились.

И вновь на краткое время проснулся поэт в очках. Что-то внутри него, может быть, даже помимо его сознания, видимо, соображало и сочиняло, и выдавало на гора, как выполненное задание на тему:

— ПропИли, прокурили, прожрали все и вся,

Но чтоб отдать Курилы? Вот накось-выкусы, —

И привычно храпанул.

— Кем угодно можно быть. — Это уже сам я решил отметить в разговоре. — Но только христианином. Христианином. Запомни и передай своим

евреям: еврей, который крестится в христианство, исполняет израильский закон. Вспомни или перечти пророка Исайю. Это, если еще кто не знает, евангелист Ветхого Завета.

Я достал из внутреннего кармана пиджака и листал Новый завет, находил место. Нашел.

— Считаете меня учителем?

— Да! — грянул хор.

— А мой учитель вот кто. Читаю: «Обрезанный в восьмой день, из рода Израилева, колена Вениаминова, еврей из евреев, по учению фарисей». Послание к Филиппийцам, глава третья, стих пятый. Это мой учитель. Прошу любить и жаловать.

Аркаша назойливо зудел на ухо, что Юля по-прежнему молода и красива, что надо идти к ней на кухню, кушать борщ.

— Пусть на всех тащит.

— Именно тебя хочет угостить.

Выскочила и Юля, успевшая стать брюнеткой, одетая в цыганистое красно-черное, с поварешкой в руках. Загудели комплименты, но Юля молвила:

— Отстаньте все! Я преодолею порывы инстинктов доводами рассудка. Справлюсь, блин, с ними голосом разума.

И, взмахнув поварешкой и взметнув в повороте просторной юбкой, исчезла.

ТЕ ЖЕ И ГЕНАТ

Тут случилось появление нового героя, то есть не нового, вчерашнего молодого парня, но с лицом, обновленным царапинами и синяками.

— Генату осталось? — спросил он. — Он, оказывается, был Генат. — Видали? Все видали? — Он весело тыкал пальцем в свое лицо. — Я парень резкий, поняли все? Хорошо поняли? И снится мне, на фиг, не рокот космодрома. Вчера иду от вас, встретил Тайсона и Мохаммеда Али. Заговорили. Меня не поняли. Говорю, что ж я за свое село не могу выйти, я же, блин, не в зоне. Отвечали, на фиг, по-своему, на своем языке. Приняли меня за грушу. Но я ж не плодовое, на фиг, дерево. Не поняли. Уже, на фиг, за свое село и не выйди. Отметелили. Звал братьев Кличко, не очень-то, на фиг, торопились. Вообще скотство — уже дошло, что и лежачих бьют. Вопрос ко всем: раньше били лежачих? — Генат резко заглотил содержимое для кого-то налитого стакана.

— Лежачих не били, — ответил я, — но и чужие порции не осушали.

— Это я стресс, на фиг, сбросил, — оправдался Генат и стал допрашивать соседа: — Давно пьешь. Чтобы так, по-серьезному?

— Начал только здесь, — отвечал тот.

— Ну-у, — протянул Генат. — Это не в десятку. Я время терять не стал, на фиг. Со школы полощу. Я так заметил: кто впился, на фиг, тот и живет. А кто, то бросит, то начнет, у того постепенно башка перестает сообщать: он как следует и не балдеет, и толком не протрезвляется, не знает, на фиг, то ли по-трезвому жить, то ли постоянно балдеть.

— Пьянство, — поднял голову спавший сидя за столом, социолог, — это не потеря времени, а его преодоление. Прошу выключить записываю-

щую аппаратуру. Буду говорить, стоя на одной ноге, то есть коротко. Кстати, напоминаю, что Наполеон проводил военные советы, приказывая всем стоять. Особо не забалтывались.

— Что ты про Наполеона? Тогда сам вставай. Наполеон.

— Но неужели нельзя понять, — возмутился социолог, — встать не могу. Я лежу на берегу, не могу поднять ногУ. — Не ногУ, а нОгу! — Все равно не мОгу. Но спину выпрямлю. — Он откинулся на заскрипевшую спинку стула. — Говорить образно, кратко, не мешает положение тела в пространстве. Моя фамилия Ахрипов, и в следующие секунды я скажу два афоризма. Один: Косноязычие не мешает мысли. И второй: вечность и Россия — близнецы. Что такое вечность — спросИте у Бога. В данном случае я не поминаю Его имя всуе. А что такое время? Время — составная часть вечности. Время — главное, чем обладает Россия. Она властна над временем, тогда как остальной мир растворяется во времени до нуля. А Россия, как уже здесь кто-то говорил, или мне приснилось, вписана в вечность как радиус в окружность.

— А пространство? — спросил я.

— Это для России данное, — отвечал социолог Ахрипов и снова уснул.

— А я думал — любовь — это приколы всякие, на фиг, то се, хохмочки, а когда сам въехал — тут вообще! Море эмоций! — Это снова выступил Генат. — Говорю ей: меня же клинит, вообще, на фиг, глюки всякие начались, как это? Не спал, цветы воровал, стерег на перекрестке, на фиг, вообще. Целый, на фиг, роман.

— Вот и этот на удочке, — показал на Гената лысый Ильич. — Да тебе любая секретутка на три романа наплетет одних слов. Три романа за сколько времени прочтешь? То есть, сколько времени вычтешь из жизни? И будешь считать, что получаешь удовольствие? Это же разврат и грех — читать для удовольствия и ждать от чтения наслаждения. Вот, для иллюстрации, неокритик Вовик Бодренко, читал-читал и что? И дочитался — стал составлять списки небожителей. Кто в них не попал, теперь жалеет, что с ним не пил.

— Ильич, приставить ногу! — скомандовал Ильичу оборонщик. — В данный момент ты не в ту степь. Гена! — оборонщик стал допрашивать Гената. — Ты работал хоть один день в жизни? Ты заработал этими своими руками хоть на кусок хлеба? На ржаную корку?

— Спасибо аудитории за хороший вопрос, — насмешливо отвечал Генат. — Отвечаю: да, работал. И еще раз — да. Полдня. Что делал, спросите вы. Лягушачьи консервы, в смысле консервы, на фиг, из лягушек, для Франции.

— Вот именно, что Франции. Эгалите, либерте, фратерните! — воскликнул лысый Ильич, возмущенный тем, что не оценили его высказываний о пользе и вреде чтения. — Если дали миру такие лозунги, то и жрите лягушек. Вот это либерте и было началом конца. Лучше ужасный конец, чем ужас от либерте.

Генат возмутился:

— Будете, на фиг, слушать? Делал консервы полдня, весь переблевался и больше работы не искал, на фиг. А мне еще ввали: у тебя перспективы карьерного роста, ты только с год этих лягушек попрессуешь, а потом на повышение, перейдешь на жаб. Они же ж, французы, на фиг, и жаб обсаивают. Нет, бомжатская шамовка и то лучше.

— А на что тогда пьянствовал? — сурово спросил оборонщик, опять выталкивая Ильича из разговора.

Генат возмущился еще сильнее:

— Зачем же я тогда женился, а? Я не как вы, умники, фигней не занимаюсь. Я не на ком-то женился, а на чем-то. Разница? Подстерег, и на жизненном вираже — хоп! Она: «Тихо, кудри сломаешь». Я ненавижу рестораны, сказал я ей, вывернув карманы. Теща — змея исключительная. Стиральная машина у ней была первых моделей, то есть не нынешняя, раньше на цветметалле не экономили. Я культурно отвинтил чего потяжелей и — в приемный пункт. Беру пару, на фиг, бутылей. Ей же, кстати и налил. Выпила — орать. А я ее еще раньше прозвал и прозвище прижилось, я ее звал: теща — би-би-си. Идет по улице, всем говорит, где что, где кто что. Где пожар, на фиг, где кто сошелся, кто развелся, кто от кого ушел, кто к кому пришел. Так и звали: теща би-би-си или брехаловка, а это, на фиг, одно и то же. Дедуля, — ласково обратился он ко мне, — позволь приложиться к графинчику. Не к стаканчику, на фиг, заметь. Помрешь, — пообещал он, — я тебя сменяю.

— В чем?

— В чем получится.

— Гена, не вульгаризируй общение, — заметил лысый Ильич.

— А ты по-русски можешь?

— Уже не может, — заметил зоотехник Лева, — так как год русского языка закончился.

— Обидно вам, — ехидно сказал Генат, — из рая выперли. А то и не пили, и пить со мной не хотели, вот жизнь вас и проучила. На пузырек подсели, а там и игла, на фиг, маячит. — Генат вдруг задвигал ноздрями, он услышал запахи доносящиеся с кухни.

— Пойду на зов желудка, — сказал он. — Искал ее в краю далеком, а где она? Она под боком. Путь к сердцу, на фиг, мужчины лежит через тарелку, на фиг, борща.

И скрылся за занавеской.

МОНОЛОГ ИЛЬИЧА

Немедленно на середину комнаты вышел Ильич, сделал ораторский жест, призывающий к вниманию и обещавший нечто важное:

— Может быть, может быть, кто-то верит этой избитой пошлости, даже, может быть, можно и поверить ей, может быть, путь к сердцу мужчины и лежит через желудок, но тут тот единственный случай, — Ильич говорил как по-писаному: — тут та парадигма, когда, услышав вроде бы трафаретное, к тому же переведенное с ненашего, выражение, случай развернуть его в систему доказательства, что путь к сердцу России лежит отнюдь не через желудок. — Сделал паузу. — А через душу. Именно так. Вот эту мысль надо иллюминировать. Правители без конца талмудычат только о благосостоянии, увеличении зарплат и пенсий. Но это дело далеко не первое. Более того — пресыщенный желудок неспособен принять Духа Святого. А без него — смерть. Меня зачем сюда вербовали? — Снова пауза. — Затем, что я должен был и, кстати, сам желал писать речи для первых лиц России. Перед вами, говоря потэтчеровски, спичрайтер. И, уверяю, неплохой. Не хуже Чубайгайдарбурба.

Я их с легкостью всех переспичил. Но оказались первые лица бессмысленными галатами. Не вняли. Да им, теперь мы все это понимаем, наши труды, над чем мы горбатились, в папочку «К докладу» не клали. У бессмысленных галатов о-ч-чень осмысленные шептуны при каждом ухе. У меня фишка в том была, что Возрождение России свершается за год без единого затратного рубля. Первое лицо государства должно было сказать в послании буквально это: «Год молиться — воспрянет страна, только надо молиться без роздыха». И это заботали. Там же все с рогами. Друзья мои, — Ильич перешел на душевные ноты, — друзья мои, если бы однажды в виде заботы о ветеранах, воевавших за Россию, строивших ее, с экранов телевизора, кино, со страниц газет и журналов, приказом правительства, исчезла бы вся эта мерзость демократии: разрешенность похабщины, муть разврата, кровь насилия, сцен постели и мордобоя, выкапывания только негативных известий, если бы все это свалить в болото перестройки, тогда бы эти ветераны прожили бы и дольше и счастливее. Пока же демократы вгоняют их в гроб именно целенаправленной пропагандой адской жизни и картинами гибели России.

— Штампам говоришь, — сердито заметил оборонщик. — Раньше у тебя было лучше.

— Раньше и я другой был. «Онегин, я тогда моложе, я лучше качеством была». Не обижай меня без нужды. Дай договорить. Самое мерзкое из того, что пришло в Россию — то, что молодежь не ищет призвания, а ищет выгоды. Не глупость же я сказал. А вы все меня окорачиваете.

— Да ты что, да как можно, да разве мы можем, и кого? тебя! Обидеть? — загудел оборонщик. — Ильичушка, родной! Я же вот как помню твои доклады: «Когда появляется Конституция, государство гибнет» и второй: «Когда появляется парламент, народ становится безправным». Они у тебя сохранились?

— Да если не сохранились, я заново напишу.

ЛЮДМИЛА И ОСТАЛЬНЫЕ

Дверь избы медленно открылась, и так же медленно в дверном проеме появился кирпичный сапог большого размера. Но когда он вдвинулся в избу полностью, оказалось, что сапог надет на женскую ногу. Вскоре хозяйка ноги вошла полностью.

— Не ждали, но надеялись, так?

Это снова была Людмила, которая вчера вино вкушала, курила на крыльце, а потом исчезла. Как и вчера она, теперь уже вроде бы и по праву, заняла место рядом со мной.

— Не захотел со мной Буратино делать? Соображаешь. Я б тебя все равно бросила.

— То есть не любить тебя невозможно?

— А как же. Ты вот спроси, а лучше не спрашивай, с чего я пошла в жизнь такую безотрадную, с чего? С чего я запела: «К синю морю подошла, и в него упала»? Или: «Ах, утону я в Западной Двине». Зачем-то же пела: «Не говорите мне о нем, еще бывшее не забыто». С чего? Спроси.

— С чего?

— А, спросил. С чего же бабе погибать, как не с любви проклятой. Он бросил меня, брошенка я. И ты, туда же, спрашиваешь, зачем пью. Зачем

спрашивать об этом пьющих женщин, когда ответ ясен — из-за мужчин. И — только! Не осилила разлуки. — Людмила заплакала. — Чего не нали-
ваешь, позволь спросить? — Я налил ей в чашку, она ее опрокинула в себя, посидела секунду, потом встряхнулась, стукнула кулачком по столу. — Но уж и мстила! Ах, как хорошо мстить. Вот он, паразит, уже стелется, уже у ног ползает, вот! — Людмила ладошкой показала то место, в котором якобы кто-то ползал. — И вот тут его о-тто-пнуть! Токо так! Этих головоногих? Отопнуть!

Людмила показала, как отпινывала — мотнула ногой так, что сапог слетел с нее, два раза по-цирковому перевернулся в воздухе, и по-гвардейски, встал на полную подошву. Людмила полюбовалась своей обнаженной красивой ногой, покивала ступней, и вновь заключила ногу в кем-то поданный, обретавший временную свободу, сапог.

Обувшись, помолчала:

— Чего я задумалась-то? К чему воспарила? Были же и романсы! И гитарники эти под балконом. И рояль был весь раскрыт, и струны в нем. И стояли темных берез аллеи. Вее же прилично, все на уровне. «Отвори потихоньку калитку». А утром уже мое сочинение: «Отвали потихоньку в калитку!» Юморно, а? «Онегин, я с кровать не встану». А потом, что потом? Стала объектом и субъектом опытов на живом человеке как организм женщины. Усыпляют, так? Просыпаешься, да? — оказывается, ты ждешь ребенка. И не одного. А кто отец? Интересно, да? А еще интереснее, где любовь? — она долго держала паузу. — Вот такусенькая жизнь подопытной Евы! — Людмила, будто заверяя печатью сказанное, хлопнула ладошкой по столу.

Этот звук воскресил к жизни социолога Ахрипова. Он тоже врезал по столешнице, но не ладошкой, а кулаком и крикнул:

— Совесть! Совесть! Вот альфа, вот омега! Ее нет в бюджете, но ею все держится. Совесть — голос Божий в человеке. Есть в государстве совесть — оно спасено. Нет? Тогда не о чем разговаривать. Есть совесть и — нет воровства. Есть совесть и — нет сиротства. Есть совесть и — нет нищеты. Есть совесть и — нет сволочей в правительстве. Есть совесть и — нет вранья на всех уровнях, даже в газетах. Но пока по присутствию совести во властных структурах везде по нулям. И как их после этого назвать?

— Нищета, — возразил кто-то, — тоже вызывает к совести. Более того — бедность избавляет от страха. Вот почему богатые боятся бедных, бедные безстрашны.

Тут опять, и это уже становилось традицией, на полу сел поэт, покачался, будто заканчивая умственную работу и выдал:

— Ну, что же, страны Балтии, ну что же вам сказать?

Сидели вы под немцами и хотите опять?

Шум вдруг раздался с кухни и возмущенный вскрик Юли. Она выско-
чила взъерошенная. Поправляя туалет, ни с того, ни с сего закричала на меня:

— А ну, немедленно скажи ему, что Юлия сумеет распорядиться своей внешностью без его участия.

С кухни боком-боком просквозил к двери на улицу и скрылся за ней Генат.

— Он ее давно окучивает, — объяснил Аркаша. — Только разве она тебе изменит.

— О присутствующих, — заметил я назидательно, — в третьем лице не говорят.

— Учись! — заметила Юля и щелкнула Аркашу по лбу. А вновь обратясь ко мне, сообщила: — Карамзин сказал: — «И крестьянки любить умеют».

— А тебе кто сказал?

— Сестра! Умная, до ужаса, прямо как дура. Мужики, говорит, это цитаты. И надо бить их их же оружием. И в меня прессовала тексты. Я, конечно, мелкая, но не в укате пока. Дай, думаю, заучу в запас. А этот (жест в сторону двери), наскреб хохмочек с тринадцати стульев, и считает, на фиг, что умный. Стремимся, говорит, к прогрессу, а приходим к стрессу. Но это-то еще все-таки не на выброс. Понеслись, говорит, ноги в рай, а руками бутылку хватай. Это уж глупость, да? А другая сестра...

— У тебя не одна сестра?

— Начальник! — подшагал строевым шагом оборонщик, — меня делегировали! — Паки и паки спаси, погибаем!

КУДА ДЕНЕШЬСЯ, ОПЯТЬ В МАГАЗИН

То есть, горячка вновь кончилась. Надежда была только на меня. Отказавшись от конвоиров, пошел один. На улице легко дышалось. Но как-то ощутимо зачесалось в нескольких местах тело. «Поздравляю, — испуганно сказал я себе, может, ты уже и блох нахватал от этих интеллектуалов. Вообще, странное село, думал я, странные пьяницы. А того страннее, что у меня началась такая вот странная жизнь. И почему они все такие умные? И кого они так серьезно поминали?»

Продавщица смотрела на меня двояко. Доход я ей приносил, но мои застольные гвардейцы отличились. Она уже знала, что в моем доме появились не мои дрова, лопата, ведра. Я не отпирался.

— Все верну, — отвечал я.

— Уж извините, но вам теперь доверия не будет, — сурово высказалась продавщица.

— Кто они? — взмолился я. — Разве ваше село — место ссылки интеллигентов?

— Вы еще не поняли? Так поинтересуйтесь специально, какая такая была у них мозговая коммуна? Вроде того что — умственный колхоз нового типа. Типа того, что всем докажут как жить. У нас, мол, вредное производство — умственное, нам, мол, за вредность молочка от бешеного бычка. Умственное, а получилась пьянка безпросветная. Еще и насмешить стараются. Приходят и хором, как на митинге: «Мы пьем и сидя, пьем и стоя, а потому пьем без простоя». Да они и лежа пьют. Их набрал человек, хотел спасти. Он-то, единственный, не пил. Но, честно говоря, — поправилась продавщица, — вначале все они были трезвенники, кто даже и в галстук, а потом как-то свернулись. При нем не пили, но как начали поминки справлять прямо на кладбище — остановиться не могут. Вот вы их спросите, как они, еще гроб не заколотили, уже от горя промокли. А вы еще и сами с ними участвуете, не хочу плохого говорить, сами догадайтесь, чем это кончится? Еще быстрее загонят.

— В гроб?

— А вы думаете, куда?

Когда расплачивался, заметил, что крупных бумажек среди других побавилось. А чего я хотел? Вчера же было: чеши-маши на все гроши, вот и размахал.

Домой сразу не пошел, ходил по пустынной улице. Пару раз сильно растер снегом лицо, охладил и голову и затылок. Пока живой, надо уезжать, решил я. А то получается какой-то доморощенный сюрреализм. Очень хорошее я нашел одиночество.

Коммунары курили и хлестали самогонку.

— Пьем в ритме нон-стоп. Махнешь?

— Воздержусь.

— Хвалю за решимость, — одобрил мужчина, который, по-моему, давеча вспомнил либерте. Но я понял, что мне все равно их всех не запомнить и имена не заучить. Буду видеть в нем специалиста по языку. Он продолжал: — Держусь и воздержусь — это разное. Не пить — это одно, а не хотеть пить — это вершина достижения силы воли. Смотри: благодЕтель и благодАтель. Не все же равно делать благо или его давать. А прЕезирать или прИзирать — Это пропасть между понятиями. «Призри на нас и не презри». — Далее он заговорил витиевато: — Да, по грехам нашим побеждаемыми ничим же, кроме как опивством без меры и объядением без сытости, и дымоглотством окаянным, терпим посему зело вельми недостатчу отсутствия двоюнадесятого смысла.

— Закрой хлеборезку, — велел ему Аркаша.

Я жестко посмотрел на Аркашу. Он понял, приложил руку к непокрытой голове, мол, извиняюсь.

— Про хлеборезку — это жаргонно-тюремное выражение, — объяснил специалист по языку. — Я не обижаюсь, ибо это не Аркадий меня обижает, а его устами глаголет жаргонная современность. Жаргоны ворвались в язык как пираты. И так было, в общем всегда. Но это для языка не страшно. Ибо вернется же понимание, что не материя, а Дух и Слово первичны. Сколько тысяч слов говорит демагог, и ему веры нет. Он оброс словами, как брехущая собака шерстью. А слов правды немного, им верят, они есть. Русский язык — язык Богослужебный...

— Ну, замолол, ну, замолол, — и тут не стерпел проворчать Аркаша.

— У новых русских нет будущего, — заговорил вновь социолог Ахрипов. — Главное — они безбожны. Своих детей они искалечили избытком игр, и напугали охраной. Дети новых русских, пока малы, закомплексованы. Вырастая, становятся агрессивны. Они пропьют, проиграют, промотают, рассорят наворованное отцами. И все. Так сказать, Мари полюбит Хуана. Мари Хуана, а? Что получается?

Поэт, лежавший на полу, опять сел. Интересно, что о нем как-то все забывали, пока он не выступал. Выслушивали, и опять он засыпал. Такой суверенный стиль поведения. Сейчас он проснулся на более долгое время, все-таки не на пять секунд:

— Гитару дайте, — спросил он, — нет? Неважно. Поймете так. Ты пой, запевай не с нахрапа, и вытри с мордулии грим. Болтают, что в Риме есть папа, и папина длинная лапа, так нам сообщил пилигрим. Он тянет ту лапу к нам сдуру, наживой и властью томим. Не знаешь ты нашу натуру: в Россию не вдвинешь тонзуру, так нам подтвердил пилигрим... Еще поле-

жу. — Поэт поправил очки и откинулся на прежнее свое жесткое ложе у стены.

— Интересное соединение жаргона и высокого стиля, — откомментировал Ильич.

Коммунары объявили, что ждут моих указаний. Что это посоветовал им их лежачий мыслитель.

— Что это за лежачий мыслитель?

— Я познакомлю, — заявил Аркаша. — Сидеть тихо тут.

Мы вышли на улицу. Аркаша стал объяснять про мыслителя.

— Он вообще никуда не ходит, все лежит. И не больной. Но я его не понимаю, как это — сократить время и притянуть будущее? Как? Спроси его, может, ты поймешь. У него, знаешь, Алешка жил, да иногда и ночует.

По дороге Аркаша опять взялся за чтение своих стихов:

*Товарищ, не в силах я поле пахать, —
Сказал тракторист бригадиру, —
Привык я с девчонкой подолгу стоять,
И в ход не пустить мне машину.
Все шестерни рвутся, подшипник гремит,
И будто сцепление сорвало.
Ни первой, ни третьей сейчас не включить,
И в баке горючего мало.
Вскочил тракторист, на сцепление нажал,
Машина на третьей рванула.
На землю сырую он резко упал,
Упал, сердце больше не билось.*

ЛЕЖАЧИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Вошли в старый дом, в котором было довольно прохладно, но хотя бы не накурено. В красном углу, перед иконой, горела толстая свеча. На диване, обтянутом засаленным, когда-то серым, сукном возлежал здоровенный мужичина. Полтора, двух и даже трехлитровые бутылки из-под пива говорили о причине его размеров. Он даже не приподнялся, показал рукой на стулья.

— Зетцен зи плюх. Или ситдаун плюх. Ты какой язычный?

— Я не язычник. — Я притворился, что не расслышал. Меня слегка обидел такой прием. Но за двое суток я привык к здешним странностям, и решил тоже не церемониться.

— Мне Аркадий сказал, что ты Иван Иванович. — Он даже не моргнул, допивал здоровенную бутылку. Ладно, попробуем спросить. — И до чего же, Иван Иванович ты решил долежаться?

— До коммунизма! — хихикнул Аркаша.

— Чья бы корова, Аркаша, мычала, твоя бы молчала. — Так мыслитель вразумил Аркашу за давешнюю хлебоборезку. Поворочавшись, мыслителя сообщил: — До коммунизма это я раньше лежал. Еще до открытия закона.

— Какого?

— О времени. Заметь — ты летишь в самолете — одно время, едешь в поезде — другое, бежишь — третье. Когда переходишь на шаг — чет-

вертое, так? Остановился — опять иное время. Можно и постоять. Присел — совсем красота. Ну, а уж если лег, да вытянулся, да еще и уснул, тут вообще вечность над тобой просвистывает. Вопрос — загадка: когда время идет быстрее? В двух случаях — в скорости и в неподвижности. Но скорость — это суeta и издевательство над организмом. Счастья же нет, но есть покой, я и задумал уйти в обитель дальнюю.

— В монастырь?

— Сюда! Приполз и залег. Лежу — время ощущаю как шум колес. Все люди — колеса. Катятся по жизни. Но колеса, в основном, малого размера. Надо быть большим колесом, значительным. Пока оно один раз повернется, маленьким надо крутиться раз двадцать. А дорога пройдена одна и та же. А я вообще не кручусь, только повертываюсь.

Иван Иванович и в самом деле повернулся на бок, достал с пола очередную бутылку и к ней прильнул. На половине отдохнул, поотрыгался, и опять возлег.

— Теперь о деле. Арканзас, унеси свои уши в коридор. А лучше озаботься моим организмом. У меня ночь впереди.

Аркаша поглядел на меня. Я понял и выдал некую сумму. Аркаша хлопнул в ладоши и ушел. Иван Иванович сделал богатырский заглот желтой жидкости. Отдышался.

ОН МЕНЯ ВОСПИТЫВАЕТ

— Ты с ними для начала дал промашку. Завоевал уважение, но временное. А надо так: работаешь — вечером налью. Сам хочешь выпить, пей, но без них. И без Аркаши. Нужна дистанция огромного размера. Приходи сюда. Они зауженные специалисты. Каждый вел одно направление. А я обобщал и на стол ему. Потом я тебе от него (он почему-то показал рукой вниз) от него кой-что передам.

— То есть от того, который умер?

— Ну да. Ты ж на замену прислан.

— Кому?

— Тому, который умер.

— Ты меня за кого принимаешь? Иван! То, что за дурака, ясно. А еще за кого?

— Мою приставку к имени не присваивай. Ты же не Иван, Иван-то я. Иоанн, который слезает с печки и после ряда подвигов, сражения со Змей-Горынычем, становится царем. Или вариант: возвращается к своей сохе, в моем варианте к дивану. Так что Иван-дурак — это я. Ты же — руководитель разработок рекомендаций. Страна ждет четкой программы действий. Назначь им умственные нормы выработки, а сам ко мне. — Иван Иванович пошевелился. — Этих штукарей, которые у тебя, пора встряхнуть. Их дело было — возславить новые пути, по которым пошла демократическая Россия, и убедить простонародье, что демократия — это верный, товарищи-господа, путь. Они исследовали, но не угодили по выводам. То есть подвергли сомнению вообще всю систему демократии. И боюсь, что приговорены. Их надо попробовать спасти. Реанимировать, проветрить и сажать за разработку путей движения, по которым (он нажал) н а д о ходить. Может, и заказчики начнут что-то соображать. Ты же понимаешь,

что все эти саммитские уверения в многополярности и многовекторности мира, — это все для идиотов. Мы в России. Ты займешься конкретикой. Я твоя правая рука. Я не какой-нибудь Лев Толстой, чтоб по двенадцать раз переписывать, с одного раза делаю, с пол-пинка все понимаю.

— Иван Иванович, у меня ощущение, что я в театре абсурда, — сказал я.

Он еще раз пошевелился.

— Так ведь и в театре можно всерьез умереть.

Я решил: все они тут сдвинутые, лучше мне быть подальше от них, и не пытаться их переделать. Бесполезно. А этот лежащий мыслитель еще, вроде в шутку, угрожает. Я объявил, что пойду, займусь самыми земными делами. Например, разборкой того, откуда дрова, лопата, ведро, санки.

— Не торопись, — остановил он меня. — Не уйдут они от суда людского. Поговорим. У нас не только ночь, но и вечность в запасе. Обломов одного Штольца перележал, а я не меньше, чем пятерых.

— Но ведь Штолец пережил Обломова.

— Так это ж в книжке. А в жизни? Меня они не переселят.

— И как ты свой закон о времени открыл?

— Осознанно. Сидел в непогоду в аэропорту, и когда докатился до разгадывания кроссвордов, понял: ниже падать некуда. Согласен? Тратить природный ум, помноженный на образование, разгадкой ответа на вопрос: какое женское имя имеет река, текущая по Сибири, значит, делаться идиотом. Напомню, сидел в аэропорту. За прозрачной стеной садятся и взлетают самолеты. Глянешь в другую сторону — платформа, подходят поезда, в третью — на площади автобусы и такси. Плюс общее пешее движение людей и чемоданов. А пока я гляжу на все эти виды движений, движется и время. Так? Я встал, походил, посидел и приступил к раздумьям. Вот тогда и открыл.

— Послушай, — спросил я. — Задам вопрос попроще. Где они берут деньги на пьянку? Ну ладно, я приехал, попоил два дня, а как без меня?

— Ну-у, — протянул Иван Иванович. — мало ли. Вначале-то их поили. Аркашка самогона таскал. А как впились, то и сами стали соображать. А на что новые русские и банкиры жиреют, бизнесмены пузыряются? Это все происходит за счет расходования остатков социализма. Их до коммунизма не пропить. Одного железа на колонну танков, только не ленись таскать. Проводов, меди всякой, алюминия. Да тут пить и пить. Твоя задача — иностранцев не подпустить, от концессий отбиться, инвестиции отвергнуть, ВТО и МВФ кукиш показать. И избавиться от страха, что ТНК всеильны...

— А это что?

— За незнание хвалю. Это транснациональные кампании. Это о них говорил ихний Маркс в «Капитале»: ради прибыли мать родную голой по миру пустят. А нам прибыли не надо, нам радость нужна. Как говорили: большое счастье жить в социализме, но выше счастье — созидать его.

Говоря все это, Иван Иванович нагнулся, поставил на пол-литровую кружку, потом тонкой струйкой сверху, не промахиваясь, с заметным удовольствием стал лить в нее пиво, вспенивая над кружкой белый сугроб, потом, опять же не спеша, вознес кружку на стол, и опять подождав, стал из нее отглатывать. После каждого глотка прислушивался к себе. Каждый раз оставался доволен:

— Сейчас тебе умное скажу.

— Ты вроде пока глупого не говорил.

— На лесть не клюю. Запомни: река времени течет по миру. И плывут в ней народы и государства. А мы на берегу. Куда спешить? Сдали цветной металл — и неделя радости. Может, еще до льна доберемся. Тут, за лесом, сарай. Каждый до крыши забит льном. Уже протрепанным. То есть не истрепанным. То есть золотое валютное сырье. Можно всех европейских идиотов одеть в наши льняные ткани. Ты по-ихнему рубишь? Надо будет договориться без посредников. Да мало ли найдется дел. Нам же счета в банках не держать, это же косвенный грех — жить на проценты. Мы живем напрямую. А возьмем наше национальное богатство — лес. Сажали в пионерах в пятидесятые-шестидесятые. Пришла пора урожая.

— Ты давно здесь лежишь?

— Относительно чего?

— Времени.

— Времени какого?

— Как какого? Обычного.

— Обычного, то года три, а Божеского, может, и секунды не пролежал. Ты мне вот что разверни в виде тезисов. Что такое демократия для России?

— Это свиное рыло, которое залезло в русский огород, жрет в нем и гадит на него. Еще развернуть?

— Сделай одолжение.

— Это троянский конь, введенный в Россию.

— А что в нем?

— Ненависть к русским.

— Ладно-ть, — одобрительно выразился Иван Иванович. — Проверку ты считай, что прошел. Тобе пакет. Он достал из-под изголовья листок бумаги. — Прочти сейчас при мне, а я огонек излажу. Где тут у меня свечки?

В записке, написанной от руки, значилось:

«Итог один — хозяева от нас ждали не тех выводов, которые я им представил. Они недовольны мною, (не тех набрал), дни мои сочтены, меня отсюда не выпустят. Все наши выводы по всем направлениям едины в главном: без Бога все обречено, без Него — гибель. Желудок не заменит сердце, наука не спасет душу. А что они хотели? Без Бога пробовали жить обезьяны, большевики, коммунисты, пробуют демократы, все без толку...»

— Запись не кончена и не очень понятна, — сказал я.

— Дай сюда, — Иван Иванович взял записку, даже и встал, и сжег ее на пламени свечи. — Чего тебе в ней непонятного? Мы в России. С одной стороны, мы плывем вместе со всеми по течению, но одновременно плывем и против течения.

Он качнулся туловищем ко мне, как бы готовясь говорить, но вернулся Аркаша. При нем Иван Иванович сменил темы общения. Продолжал только непрерывно всасывать в себя содержимое емкостей. Мы поговорили о погоде (что-то стала часто меняться, да и что от нее ждать, если люди все извертелись — в погоде, что в народе, что теперешнее глобальное потепление не только от выбросов заводов и фабрик, но и от всякой похабщины в телеящике), о ценах на мировую нефть (зря америкашки думают, что вывели Ирак из оборота), о балете (а все-таки, как ни надрывалась Плисецкая, а до Улановой ей ни доантрашить, ни дофузтить), о Шаляпине (обидно,

что частушки не любил, они же в тридцатые, сороковые и так дальше, были почти единственной народной гласностью, не понял этого Феодор Иоаннович, вятский уроженец), еще о том полялякали, что выражение «прошел огонь и воду и медные трубы» не имеет отношения к людям, а только к изготовлению самогона, тут сильно оживился Аркаша, еще о чем-то, и встреча закончилась.

УХОДИМ

На улице Аркаша продемонстрировал знание частушек. Он, в отличие от Шалапина, их любил:

— У-ту-ту, да у-ту-ту, приходи в субботу ту. Мы тебя, большой начальник, выйдем встретить за версту.

Я высказал восхищение организмом Ивана Ивановича.

— Он у него наверное безразмерный и безотходный?

— Спроси, не знаю, — отвечал Аркаша

— Итак, ты местный, — начал я вести дознание. — Местный, значит, был тут раньше этого высокого собрания.

— Именно так! — восторженно крикнул Аркаша. — Высокого. Когда они появились, я подходить боялся.

— А почему они появились?

— Так разве тебе Ванька не объяснил? Или секрет?

— Ты у меня даже сто грамм не получишь, если не скажешь.

Аркаша остановился.

— Вот которого мы похоронили, а все думают, что тебя на смену послали, которого похоронили, то он их по институтам собирал и уговаривал поехать. Они вырабатывали какую-то программу по всем статьям. Ты же понял, тут все специалисты. И какие! Что тебе космос, что тебе зоотехник. Он тебе еще не обещал корову костромской породы, холмогорку? «Только у коровы костромской породы необыкновенные глаза». Так в парнях пели. Пел?

— Ты сейчас не о корове пел. И что они, эти специалисты?

— Они мозгачи, башки огромные. Что оборонщика взять, агронома, этого Ильича лысого. Около них я тоже начал чего-то соображать. А все равно нуль без палочки, а они единицы с ба-альшими нулями.

— Ты сообразил их спойть.

— Меня бы кто спойл. Хотя я-то всегда был всегда готов. Их стал утешать. Они не сопротивлялись. А тоже, ты и сам представь — работа не идет, пойти некуда, с довольствия сняли. Тут начнешь керосинить. Первый раз они засадили на кладбище, когда твоего предшественника закапывали. Страдали, что без отпевания. Хотя Алешка чего-то по своим книжкам читал. Я шел мимо с пятилитровой бутылкой. Утешил.

— То есть подскочил, как Тимур и его команда, и втравил в пьянку. Аркаш, ты самый настоящий бес.

— Так получается, — согласился он.

— И еще хочешь у меня жить.

— Не в тебе же. — И пообещал: — Я пить буду, а курить не брошу. Курить вредно, а умирать здоровым обидно. Смешно?

— Изыди! — вспомнил я заклинание.

— Как пионер, всегда готов, изыду. Но куда?

Белые снега около дома походили на полотно художника, которое раскрашивали во время сеансов санитарных высказываний восхитительными пятнами, от желтого до красного и даже до коричневого.

— Не хочется мне в дом, — вздохнул я. — К авторам этого сюрреализма на снегу. А ночевать надо. Утром уеду. Навсегда.

— Ты что, этого ты не вздумай. Мы только воспрянули. Только с твоим приездом жизнь начали. Они пить перестанут. Отучим. А с тобой потихоньку будем для ради здоровья принимать. Я им! Как приучил, так и отучу. Хотя они и профессора всякие, а я верх держу.

— У тебя баня есть?

— Найдем и баню. Я тут думал с утра и решил, что у тебя жить буду. Пусть и Юля. Хозяйка же нужна. И программы им велю найти. Они много намолотили. Каждый по своей программе. Когда после его смерти они загудели, то я часа два бумага на чердак таскал, чуть не надорвался.

ОПЯТЬ В ДОМЕ

В дом я все-таки вошел. И жизнерадостно сказал этим программистам:

— Волоките ваши свершения, начну проверять.

— Так сразу? — испуганно закричали они.

Из кухни возникла румяная кудрявая Юля, сказала, что как ни сопротивлялась, эти сожрали весь борщ и теперь их, сытых, не напоить. От Юли явно пахло сигаретным дымом. Она показала старинные щипцы для завивки волос. На рукояти была монограмма, явно дореволюционная.

— Где взяла?

— Нагнулась да подобрала. А какая тебе разница? Мне лишь бы красивой быть. Ты еще когда-а повезешь меня в парикмахерскую, а тут сама и без затрат. Я для тебя выгодная. Экономический класс, не упusti. Из репертуара сестрички: «Аля, ку-ку, лови момент, пока доступен абонент. Уже созрел, дозрел клиент... Без кайфу нет лайфу. Ты хочешь допинг? Скорей на шопинг». А ты думал! — И опять исчезла.

Я не успел понять, что думал, как подскочил Вася и подобострастно сообщил:

— Когда я докладывал о борьбе с личинками пилильщиков, то хотел еще добавить, что погода на месяц вперед определяется на четвертый-пятый день новолуния. Но это-то все знают. Как вы думаете?

— Нет, я не знал.

— Не может быть! — Он расцвел от счастья, дирижерски взмахнул рукой и взревел: — Гаудеамус и-ги-тур...

— Не эту! — перебил композитор и завел свою: «Пою тебе, бог Гименей...» — Потом оборвал и сообщил: — Мы спИлись, но пока не спилИсь, а вот еще не спЕлись.

— Так в ненастные дни распевали они вакхически-языческое, — охарактеризовал пение специалист по языку.

— Э — эх! — крикнул оборонщик. — Святым бы кулаком, да по харе бы по поганой, по нехристю!

— Рано, рано! — закричали ему.

— Ох, пора бы! — прорезался социолог Ахрипов. — Разве не факт, что министр культуры, не разрушающий русскую культуру, демократам негоден. Ну, и как их назвать?

Людмила поднялась из-за стола, приняла ораторскую позу:

— Русский язык не отдам никому, русский язык прекрасен! Я русский выучу только за то, что на нем объяснялся глухонемой Герасим! А вот мое, подпевайте: «Мы лежим с тобой в маленьком гробике».

Но подпеть не получилось, слов не знали. Тогда Людмила просила помочь еще одной песне: «Был выходной, но мусорА не отдыхают». Но и тут сниксовали.

Поэт, неизвестно встававший ли, евший ли, пивший ли, сообщил две строчки новой продукции:

— Нам, русским, жить небесно и светло,

Ведь в русских жилах небо протекло. —

И вновь улегся, видимо, для сочинения следующих строк.

Я посмотрел на публику, на разоренный стол, махнул рукой и вышел. И на крыльце опять попал на Алешу, снова навзрыд плачущего.

— Ты что?

— Я не могу им показывать слезы. Я плачу, я паки и паки вижу мир, — он повел мокрой рукой перед собою. — Я вижу мир, виноватый пред Богом. Мир данную ему свободу использует для угождения плоти. Не осуждаю, но всех жалею. Только обидно же, стыдно же: старец надеялся, что я пойду в мир и его спасу. Откуда, как? Спасется малое стадо. В него бы войти.

— Ну ты-то войдешь.

— Разве вы Бог, что так решаете? Нет, надо с ними погибать! Они все были очень хорошими, все говорили о спасении России только с помощью Православия. И верили. А от них другого ждали, и их не поддержали. Но не отпустили. Тогда они с горя и сами веру потеряли. Ее же надо возгревать.

— Но кто же им не поверил?

— Приемщики работы.

— Какие приемщики?

— Не знаю. Но так ощущаю, что злые очень.

— А ты, Алеша, у Иван Ивановича жил?

— Я же не только у него. Но он хотя бы крестится. А то еще был старец, того вспоминать горько. Всех клянет и даже не крестится, объясняет, что нехристи крест присвоили, ужас, прости ему, Господи. Я все надеялся, а зря. То есть, я виноват, плохой был за него молитвенник. Да и вообще плохой. Опять грешу, опять! — воскликнул Алеша. — Опять осуждаю. Лучше пойду, пойду! — Он убежал, клонясь как-то на бок.

НАКОПЛЕНИЕ ЭКСПОНАТОВ В МУЗЕЙ МЫСЛИ

Вскоре день, как писали ранее, склонился к ночи, надоело ему глядеть на нашу пьянку. Убавилось ли ночлежников, не считал. Обреченно улегся я на панцирную сетку и просил только не курить. Засыпал я под звон сдвигаемых стаканов и возгласы:

— Ну! По единой до бесконечности!

— За плодотворность наших мыслей!

Слышно было, как Ильич добивался признания и его мысли:

— Но есть же, есть же душа каждой строки! Неслучайно раньше восклицательный знак назывался удивительным. Запомнили?

— Народ! — кричал Ахрипов, — я забыл, вот это стихи или песня. Только я забыл, это строевая или застольная?

— Какая разница? Запевай. Но не эту. Героическую.

— Запеваю!

Запели:

— Жизни только тот достоин, к смерти кто всегда готов.

Православный русский воин, не считая, бьет врагов!

— Не так, — поправлял Георгий. — Не так ведете мелодию. Я звуками всех мелодий пропитался, как повар запахами кухни.

— Плохое сравнение, — заметили ему.

— Ладно. Как оранжерея запахами цветов. Итак! Петь могут все! У всех же есть диафрагмы. Сюда внимание, сюда! Подымаю руку, замираю — вдыхаем, наполняем грудь большой порцией воздуха. Ах, накурено! Итак! Взмах руки — начало звука. Звука, а не ультразвука! Поем Пятую Чайковского. И-и!

— Обожди, дай произнести тост.

— Говори по-русски! Не тост — здравицу. Учить вас!

— Здравница! За нее!

— За здравицу?

— Здравница за мысль. Что мы без нее? Кто бы нас тут держал, если б у нас мыслей не было. За мысль!

— Уже не держат. Но за мысль пью! Вы хотите мыслей, их есть у меня! Мы же музей мысли создавали, забыл?

— Да, туда вот эту закинуть, что не Герасим утопил Муму, а Тургенев, а дети думают: Герасим. Тургенев утопил. А вообще — дикий западник.

— Хорошо, западник. Но у него хоть есть что прочитать. «Живые мощи». А Достоевский твой что? Прочтешь и как пришибленный. «С горстку крови всего». Шинель эта. Ее потом на матренином дворе либералы нашли. То-то к Достоевскому, особенно к топору Раскольникова, русофобы лишнут. Нет, коллеги, Гончаров их на голову выше. Но не пойму, как не стыдно было в это же время выйти на сцену жизни Толстому с его безбожием? И явился, аллегорически говоря, козлом, который повел стада баранов к гибели. А уж потом вопли Горького, сопли Чехова, оккультность Блока. Удивительно ли, что до окаянных дней солнца мертвых стало совсем близко.

— Тихо, поэт проснулся! Читай!

И в самом деле слышно было, как поэт монотонно прочел:

— И откуда взялась Астана? И откуда вся эта страна? Владеют казахи задаром Уралом-рекой, Павлодаром. Знать, надо к порядку призвать сию рать. Еще: И не хохлам с караимом владеть нашим Крымом. Мы в Россию его возвратим, и да здравствует русский наш Крым! Еще: И тут уж пиши не пиши — стреляли в царя латыши.

— Спасибо, спи. Так о чем гуторили, то бишь дебатировали?

— Мы можем говорить только о России.

— Это тоже, что ли, в музей мысли?

— Можно и в запасники. А вот эту сразу в экспозицию. Мысль о мысли.

— Мысль о мысли? Плоско. Теряешь форму.

— Не тут-то было. Записывай.

— Еще и записывать? Много хочешь. Тебя слушают и хватит тебе. Записывать за ним!

— Пиши: «Когда я был вундеркиндом...»

— Это у тебя быстро и навсегда прошло.

— Добиваешься, чтоб я забыл мысль? Так вот — страсть состоит из страсти. Так?

— А масло состоит из масла.

— Не сбивай. Но страсть начинается с мысли. То есть? То есть проведи опыт, отдели страсть от мысли. Пьянка — страсть? отдели пьянку от мысли.

— Ну, отделию. И буду пьянствовать бессмысленно.

— Люди! Я не восклицаю, я удивляюсь, что не могу прорваться со своими мыслями о сравнении банкиров. Банкиры — все жулики, иначе они не банкиры, так?

— Ну?

— Они лезут в чужие карманы. И их ловят за руку. Русский банкир честно признается: грешен.

— Тихо вы — начальника разбудите.

— Да он спит.

— Сейчас проверим. Ты спишь? Э! Начальник!

— Сплю, — отвечал я сердито.

— Видишь — спит. Он же не может врать.

— А если не может врать, значит, он во сне говорит? Ну, ребята, чувствую — придется на него пахать. Если и во сне не спит, пасет нас, вот уж запряжет так запряжет.

— (...).

Под такие и им подобные словоизвержения я засыпал. Засыпал не с чужой, а со своей мыслью: уезжать! Другой мысли не было. Пока не спятил, надо бежать. Ничего себе, завел домик среди снегов. Я боялся не заснуть, но и эта ночь, как и предыдущая, с трудом, но все-таки прошла. Удымилась в пропасть вечности, а вот и новый день, летящий из будущего, выбелил окна, осветил пространство душной избы и позвал на волю.

ДЛЯ ПАМЯТИ ИЛИ ДЛЯ ЖИЗНИ?

Очень приглядно было на улице. Так легко и целебно дышалось. Так розоватились румянцем восхода убежденные снегами просторы, так манила к себе туманная стена седого хвойного леса, что подумалось: ладно, успею еще уехать. Этих друзей попрошу удалиться в их музей, сам поживу. Еще же и красный угол не оборудовал, живу без икон, прямо как таманские контрабандисты. «На стене ни одного образа — дурной знак», — как написал о них Лермонтов. Эти же у меня, я так их ощущаю, люди приличные. Хотя уже, конечно, становится с ними тяжело.

Решил обследовать двор дома. Пока артель дрыхнет, храпит и хрипит, и не требует утреннего лекарства. Опохмелю и сообщу фразу: «Вот Бог, вот порог».

Бывшие хлева я обследовал и нашел их заполненными навозом. Мелькнуло внутри — весной пригодится. То есть не случайно же эти слова проговорились кем-то внутри. Значит, душу мою уже что-то здесь держало. То есть захотелось и весной тут быть. А где весна, там и посадки, а где лето, там и уход за грядками, а там уж и подполье заполнено, и зимовать можно.

За хлевами был обширный сарай. Замок на дверях легко разомкнулся. Внутри огляделся, снял с окон фанерные щиты, стало светло.

Было в сарае полно всякой всячины, тутти-кванти, в переводе с итальянского. Но никакие итальянцы не смогли бы объяснить назначение и применение хотя бы десятой части здешних вещей. Мне же, потомку крестьян, находки говорили о многом. Включилась уже не своя память, а какая-то родовая, генетическая. Вот, например, не пользовался же я таким инструментом, выгнутой, заостренной полосой железа с рукоятками по бокам. Но сразу понял, как с нею обращаться. Вдруг, откуда-то со дна сознания всплыло и название инструмента — шерхебель. Были тут и рубанки, и пилы, и топоры с ухватистыми топорщиками. Металл топора звенел, когда я ногтем щелкал по нему. Ах, захотелось срубить хотя бы баньку. Что ж я, не безрукий же. Рукоятки инструментов, отглаженные прикосновениями, ухватками хозяев, просились из темницы сарая на свет, звали к работе. Что-то стукнулось, упало сверху. Это напомнила о себе как бы ожившая фигурка лошадки, еще совсем новая. Ею, видно, не успели наиграться, и ей тоже хотелось радовать людей.

В углу стояли самодельные лыжи. Взял их, провел ладонью по гладкой скользящей поверхности днища. По бокам днища были проделаны ровные углубления, сделанные рубанком — дорожником. Опять же и слово пришло в память — дорОжить. Дорожить тес для крыши, то есть делать на досках желобки для стока воды. Широкие, прочные лыжи, залюбуешься. С толстыми кожаными петлями. Для валенок. И валенки тут же стояли. Немножко, специально, попачканные дегтем для отгнания моли.

Вынес лыжи во двор, выбил валенки о косяк и вернулся в сарай. Да, тут было все, чтобы изба и ее хозяева находились в жизненной независимости от любой действительности. Конская упряжь, хомуты, дуги, череседельники, седелки, плуги, а к ним предплужники, даже и такое ископаемое было, как безотвальная деревянная соха, бороны. Вдруг слова из крестьянского обихода всплыли со дна памяти и радостно ее заполнили, дождавшись счастливого дня. Скородить, лущить, настаивать стог, волокуша, метать вилами — тройчатками, лен трепать. Тут и ручная льномялка стояла, а у боковой стены ткацкий стан, даже кросна у него были в исправности, на валу была намотана нитяная основа для тканья половиков. Садись и тки, пристукивай бердом. Мешки около были набиты куделью. На стене, на деревянном колышке ждала пряжу раскрашенная прялка. Снимай, ставь на широкую лавку у окна, садись и пряди. В щели стены были воткнуты раскрашенные полосатые веретена. Сколько они отжужжали как трудолюбивые пчелы. И зажужжат ли еще?

В сарае вдруг посветлело. Это сквозь грязное, тусклое оконце проник солнечный луч, сделавший оконце золотым. Луч в пространстве сарая серебрился от пыли.

Огляделся. Да, праздных вещей и предметов тут не было. Детская лошадка говорила о труде на пашне и о радости дороги, кукла, завернутая в одежду из лоскутков — о будущем материнстве. Сравнить ли ее с нынешней продукцией для детей, с куклой Барби, этой минипроституточкой, которая требовала покупки все новых и новых нарядов, причем только для развлечений: для бала, верховой езды, гольфа, курорта, путешествий с бойфрендом. Нынешний детский мир завален вещами, совершенно лишними для человека. Лишними, но забирающими и внимание, и время.

В сарае все было совсем не музейное, рабочее, все то, что кормило и поило и одевало предков нынешних глотателей химической пищи в американских обжорках. Но до чего же легко оказалось обмануть этих потребителей. Конечно, для любого нового поколения дедушки и бабушки и даже и мамы и папы кажутся устаревшими, но почему же нынешние не зададут себе простой вопрос: если жизнь была у старших такая, какой ее показывают демократы, то есть страшной, полной лишений, стукачества, голода и холода, страха, мордобоя, измен, издевательства, всего, то что же тогда дедушки и бабушки вспоминают эту жизнь с радостью, со слезами благодарности? В чем тут дело? И теперешняя демократическая чернуха и мерзость радио, экрана, печати, не вызывает ли еще один вопрос: что ж вы, демократы, все врете про наше Отечество?

— Бедно жили, а жизни радовались, друг дружку тянули, пропасть никому не давали. На работу с песней, с работы с песней. А праздник придет — босиком плясали. — Вот ответ моей матери рабы Божией Варвары на теперешнее очернительство недавнего прошлого России.

И, конечно, воспоминания о матери открыли для взгляда старинный, резной оклад для иконы, помещенный над дверью. Но вот беда — самой иконы не было. Пообещав себе на будущее перенести оклад в красный угол и найти, или купить икону для него, я решительно вышел в холодное пространство зимнего дня.

Хватит нам сюжетов о том, как не того-то принимают за кого-то. Объяснюсь с ними, что к их ареопагу я никаким боком, живите и умничайте без меня. Приходите на чай, буду рад, куплю баранок. Выпили со встречи и для знакомства, спасибо и до свиданья. А пока вырвусь в мир окрестностей.

БЕЛАЯ ДОРОГА

Да, прекрасен был наступивший день, пришедший к нам всего на один день. Потерять его было преступно. Я решил сделать лыжную пробежку. Долгую, дальнюю. Еще и для того долгую, что не будут же эти программисты сидеть у меня, без меня и без подпитки. А мне пора жить.

— Аркаша, — громко произнес я, и он, как лист перед травой, возник у крыльца. — Спроси их, нет ли у них денег мне на билет. Автобус плюс поезд.

— И спрашивать нечего, — отвечал Аркаша. — Пока ты в сарае был, они на косорыловку скребли, карманы по сто раз выворачивали друг у друга.

— Наскребли?

— Я подвыручил.

— А у тебя откуда?

— Ты ж посылал Ивану за пивом, а дал как на водку, я сэкономил.

— Оригинально. Все-таки спроси для меня денег на билет. Поймут, что моим деньгам каюк, и разползутся.

— Как скажешь, барин, — ответил Аркаша, — а ты куда?

— Не окудакивай, как говорила моя мама.

Все мне прекрасно подошло: и валенки, и лыжи. Палок лыжных я не нашел, а пока искал, понял, что их могло и не быть. Какие палки, когда руки заняты топором, ружьем, рыбацкими снастями, полезными ношами с реки, лугов, из поля и леса.

Скольжение по снегу было такое, будто лыжи только что смазали. Накат получался размашистый. И опять же, я вновь удивлялся памяти, вспоминались способы ходов по лыжне: двухшажный, одношажный, попеременный. Решил попробовать лыжи и на целиковом насте, свернул с дороги к близкому лесу. Наст держал. И даже как-то весело вскрикивал, будто дожидался именно меня.

И вот тут я, к стыду своему, вспомнил, что в эти два дня, с этой пьянкой и не молился, и спать ложился без молитвы. Стыдно. Но чего я хотел? Из такой избы, пропитой, проматеренной и прокуренной все ангелы-хранители уйдут. Это же в сарае этим окладом без иконы мне знак был — отходит от меня благодать. «Смотри!» — сказал я себе и перекрестился, и оглянулся перекрестить село.

Оглянулся через левое плечо — Аркаша. Да не на самоделках, как я, не в валенках, а на спортивных лыжах с ботинками.

— Не гони! — сразу закричал он. — Подожди проводника. «Сверкнули мечи над его головой. — «Да что вы, ребята, я сам здесь впервой». Не гони, говорю.

Конечно, он имел в виду не только мою скорость, но и то, чтоб я его не прогонял. Что ты с ним будешь делать? Это называется — нашел нагрузочку. Оправдываясь, Аркаша тараторил, что квартиранты дом покинут, Юлия все приберет, к ночи мы останемся вдвоем.

— Ну уж нет, — тут я решился противостать назойливости. — К ночи я останусь один.

— Как скажешь, как повелишь, — торопливо соглашался Аркаша. — Я тогда на крыльце перележу, я привычный.

Вдруг он отпрянул назад, будто кто толкнул его в грудь, как на что напоролся. Я проехал по инерции метра три и остановился. Аркаша будто муха в паутине бился с чем-то неведомым. Лицо его было растерянным. Он сунулся вправо от лыжни, ткнулся вперед, не получилось. Перебирая лыжами, побежал вдоль чего-то невидимого влево и опять споткнулся. Жалобно заскулил:

— Руку дай! Дай руку. Меня здесь уже отбрасывало. Даже летом. Шел за вениками. Потом отбросило, когда за ягодами. И осенью, когда за грибами. В ту сторону, в тот лес хожу, сюда — глухо.

Я протянул ему палку, как утопающему. Потянул за нее. Нет, бесполезно.

— Это, наверное, партия зеленых вычислила твою частоту и дала приборам указание — не пускать. Видно, много грабишь природу. Грибы не срезаешь, рвешь с грибницей. А? Сознайся. Иди домой. И впредь меня слушайся. Вообще, лучше иди к ей.

— К кому, к ей? — испуганно спросил он.

— Ты же сам писал: выбор был большой, но женился ты на ей. Е с точками. Такое слово есть, я согласен. Как сказала одна из многочисленных женщин: «Врач назначил мне прием, я разделася при ем».

— Может, я и спонтовался, — заговорил он, — но не скурвился же.

— Вот тебе и доказательство, Аркаша, — назидательно сказал я, — что дух первичен, материя вторична. Материя, это ты, рвешься, а духом не проходишь.

Бедняга даже не улыбнулся.

— Ты вот издеваешься, а до меня только сейчас дошло: ведь их же тоже отсюда не выпустят. Никого. Только ты и проходишь.

Он побрел назад, оглядываясь. Я же поскользился дальше, совершенно уверенный в том, что всю эту пантомиму с якобы непущанием его кем-то через что-то невидимое, Аркаша выдумал. Было бы слишком поверить в сверхсовременную степень невидимой ограды. Сам не захотел пойти со мной. Конечно, что ему делать в зимнем лесу? Ни тебе аванса, ни пивной. Через какое-то время оглянулся, но Аркаши и след простыл.

На опушке леса увидел вдруг, что в лес уводит аккуратная накатанная лыжня. Конечно, странно это было. Будто кто-то изнутри чащи прибегал сюда. Но какой-то тревоги я не ощутил. Даже интересно стало. Видимо, за лесом другое село или деревня. Вскоре смешанные деревья опушки: березы, ивняк, клены, пригнетенные лохмотьями снега, сменились мрачными, вечнозелеными елями. Снег на хвое лежал пластами. Свет с небес плохо достигал сюда, и я остановился, думая возвращаться. Вдруг впереди показались двое мужчин в куртках со сплошными карманами.

— Ни хрена себе, сказал я себе! — Это я даже вслух произнес.

В неожиданные мгновения из сердца нашего вырывается спасительное обращение к Богу. Сейчас был тот случай, когда можно было надеяться только на Него. Они подошли, поздоровались, назвали по имени-отчеству. Я нашел в себе силы не показать волнения и сказал:

— Вы сами-то представьтесь.

— Мы — люди служебные. Нам себя звать не положено. А вас приказано проводить.

ПОВОРОТ СЮЖЕТА

Меня ввели в ворота, засыпанные снегом, или побеленные, так как их даже с пяти шагов не было видно, предложили снять лыжи, вслед за этим ввели в помещение с камином, креслами и столиком. У камина стояла...

— Юля? — растерянно сказал я.

— Вика, — укоризненно сказала девушка. Хотя похожесть ее на Юлю была стопроцентна. Может быть, в том было отличие, что Юля была бойконькая и красивенькая, а эта, примерно сказать, хорошенькая, и так миленько предлагала: — Вам кофе? Я очень хорошо готовлю кофе. По-турецки, арабски, итальянский капучино? Делаю по-любому, не вопрос. Ручку поцелуете.

Эта хоть на вы называет. И в щечку не просит целовать. Я отказался и от кофе, и от чаю, и от минеральной воды, и простой и газированной.

— Сейчас негр придет, — спросил я, — и разожжет камин? А на камин вспрыгнет белка и запоем: «Во саду ли, в огороде».

— Ну, вы нормально, вообще супер, — отвечала Вика, — еще же еще не факт, если кто-то приходит. Можно заказать по вашей просьбе квартет «Молодые охрипшие голоса», заказать? Вообще, мне лично интереснее, если вам это интересно, не молодняк, а именно ваш возраст. Те же, что? Только же лапоть. Я на это не буду реагировывать. Мне надо общаться, горизонты же надо же раздвигать, вот именно. Перед кофе будете руки мыть?

— Да зачем надрываться? — отвечал я. Сколь ни мойся, чище воды не будешь. После смерти нам их и так помогут.

— Ну, вы снова нормально, — восхитилась Вика. — Я вам стихи прочитаю, бешено хорошие. «Эх, цапалась, царапалась, кусалась, дралась. У самого Саратова солдату отдалась».

— Это ты о себе? Ты из Саратова?

— Нет, мы из Держинска. — Про Саратов я так пою, для услады. Велели вас развлекать. А репертуару у меня выше крыши. «Старичок старушечку сменил на молодущечку. Это не трюкачество, а борьба за качество». И припевки, вот это старикам нравилось: «Тыдарги, матыдарги, дробилки, Соловки». Дроби отбить? Эх! — Вика подергала плечиками: — «Она не лопнула, она не треснула, только шире раздалась, была же тесная». Ох, это все так нравилось Плохиду Гусеничу, он сюда на совещания приезжает. Только появится, сразу: «Вика здесь? Нет? Уезжаю!» Да разве его отпустят? Он же, — Вика понизила голос, — они же все у него с руки клюют. Ему, вы не подумайте обо мне плохого, у меня с ним ничего не было, только моменты общения, ему ерунды этой хватало и без меня. Он занятый человек, любил только в дороге, к концу рейса обычно женился. Но, говорит, дети — дебилы. Вызывают в школу: ваш сын сделал сто тринадцать ошибок в диктанте. Но Плохид Гусенич нашел выход из положения, стал активно на них наступать: а вы, говорит, не подумали, что он на другом языке писал? Вот какой.

— Так он Плохид или, может быть, Вахид, может быть, Гусейнович?

— Ой, я не знаю, они же ж все засекреченные жутко. Мне-то без нужды, до фени, до фонаря, аля-улю. Плохид Гусенич говорит: ну, Викуля, только ради тебя этих короедов спонсирую. Обожает! Как запузырю: «От любви я угораю, отомщу заразе: это было не в сарае, а вообще в экстазе». Он катается. Я добавляю по теме: «То было позднею весной, в тени какой-то было». А любимое у него: «Нам не тесно в могиле одной». То есть в том смысле, что в постель же противно идти, прямо как в могилу, так ведь? Или у вас не так? А он заявляет: «Ну, ты втерла в масть!». А я: да ладно, Гусенич, не смейся, и так смешно. Агитирует в законную постель без обману, а я в ответ: «Да ты ж, Гусенич, меня пополам старше». То есть в два раза. То есть, если мне... ну, неважно! Он меня подарками заваливал с головой: кольца всякие там, серьги. Я ему: что ли я афроазиатка, чтоб в ушах болталось? А перстни зачем? Все равно снимать, когда посуду мыть. Он в полном ажиотаже: «Ты, Вик, прошла все испытания. Я тебе подарю замок и счет в банке страны, которой мы разрешим выжить». Я ему: не надрывайся, мне и тут тепло. Он: «Ой, нет, тут такое начнется, надо готовить отходняк». Но я на это: а куда я без родины? Он тут как заплачет, прямо в надрыв, прямо напоказ, как в сериале: «Викуся, а моя-то родина где?»

Вика отошла к бару, на ходу продолжая рассказывать:

— Тут он меня как-то заревновал, Отелло придурочный. Увидел, какой у меня постоянный взлет успеха. Говорит: «Люблю тебя, моя комета, но не люблю твой длинный шлейф». Я возмутилась, чего-чего, а умею ставить в рамки приличия: «Если они кобели, так что ли я сучка? А к тому же, один ты, что ли, говорю, ценитель прекрасного?». Так отрапортовала. Правильно я поступила? — спросила она, ставя на столик тарелки с чем-то.

— А шлейф из кого состоит?

— Охранники там разные, шоферня, водилы. Но они же понимают, если что, им тут не жировать. И вообще даже не жить. Не смеют. Дальше

комплиментов не идут. Повар только в коридоре прижал, прямо туши свет, облапил. «Ошщушаешь?» В смысле, чувствую ли я искомое волнение? Но тут же и отскочил. Бояться же все Гусенича жутко. А я не боюсь! Я с кем угодно могу закрутить, но не с кем же, все же трепещут. И есть от чего. Он не только с деньгами, это и дураки могут, но и умный. Я раз подслушала их заседание. Он так резко кого-то перебил: «Сядьте! Вы думаете, что сказать, а я говорю, что думаю».

Вика переставила вазу с цветами со стола на подоконник.

— Я иногда пыталась выяснить, что он за тип, он в молчанку не играет, но секретит, отвечает с юмором, — Вика выпрямилась, выставила правую ногу вперед: — «Я — космонавт на пол-ставки». Раз я его чуть не уморила до смерти. Частушкой. «Милый Вася, я снеслася у соседа под крыльцом, милый Вася, подай руку, я не вылезу с яйцом». Что было! Он хохотал до покраснения морды. Я испугалась, даже пивнула из его рюмки для спокойствия. Думала дежурному звонить. Я же положительная женщина, зачем я буду устраивать убийные ржачки? Он до кипятка хохотал.

— И как? Ожил?

— Еще каке ожил. Икал только долго. Вот такая моя планида, — сказала Вика, вдруг пригорюнясь. — Пусть я — копия женского пола, пусть нам много не доверяют... — И тут же встряхнулась: — А рассудить, так больше-то нам, бабам, зачем? Одни несчастья. — Вика вновь загрустила. — Дни мои идут, я тут заперга. Иван же царевич не придет же. Ох, вот бы пришел Иван-царевич, я бы посмотрела на него взором, он бы ответно посмотрел, это же было бы вполне не хуже, так ведь именно?

— Он придет, — пообещал я.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

Явился белый человек, лет пятидесяти. Крепкий, доброжелательный. Такими бывают важные референты у больших начальников, без которых начальники ни шагу. Коротко пожал руку, представился Николаем Ивановичем, предложил сесть. Мы сели в дорогие кожаные кресла напротив друг друга. Он немного помолчал, видимо ждал какого-то вопроса с моей стороны, и заговорил сам:

— Существует выражение: «Человек — самое высокоорганизованное животное». Вот до какой дикости додумались высокоорганизованные животные. Кого цитирую? — Я молчал, он продолжил: — Или: «Несчастья человека никогда не прекратятся, пока он будет думать о земном, а не о небесном». Или: «Если Россия усвоит три простые истины, она будет спасена. Первая: У Бога нет смерти у Него все живы. И вторая, ее продолжение: Душа бессмертна, поэтому надо готовить себя к вечной жизни. И третья: «Весь мир живет во времени, Россия в вечности, она всех ближе к Небесному престолу». Еще? «Демократии в России — не власть народа, а власть над народом». Еще? «Где Конституция — там гибель страны, где парламент, там человек безправен». Или: «Воруют не в России, а у России». Далее: «Любые реформы демократов увеличивают число дармоедов и ухудшают условия жизни». Блестяще! А эта? «Вся система российского образования теперь — это конвейер производства англоязычных егэнедоумков». Или: «Чем необразованнее бизнесмен, тем он успешнее». И на десерт:

«Демократия введена в Россию как троянский конь, она России как корове седло». «Выборная власть людей ссорит и разоряет, наследственная сближает и обогащает». А? Песня! Так бы повторял и повторял. Да листовки бы с такими текстами разбрасывал.

Мы оба молчали какое-то время. Молчать было невежливо, я сознался:

— Да, это цитаты из моих работ. Но приписать их себе не могу. Это написано на основе прочтения Священного писания, Святых отцов. То есть тут я просто передатчик их мыслей. Пчела собирает нектар с цветов, но не для себя, несет в общий улей.

— Нектар, пыльца еще не мед, их еще надо переработать.

— Это нетрудно, — решительно заявил я. — Я по образованию учитель и всегда стараюсь рассказать другим то, что узнал. А листовки? А что от них толку? Безполезно. Все же все знают. — Я помолчал. — И хорошо было б, если мне было позволено вернуться.

— И вам неинтересно, откуда мы тут взялись, такие умные?

— Догадываюсь. Я тут третьи сутки.

— Тут вы первые минуты, — резонно заметил Николай Иванович.

— А общество умников в селе?

— Это привезенные сюда русские мозги. Прославленные в мире, здесь они не оправдали надежд, не поняли главного. Каждый копал свое направление, не было централизации, объединения. Что же в центре? Идея? Мысль ведущая? Но ведь и мы, в начале девяностых, были не на уровне. Прямо сказать, растерялись: уж очень легко как-то все само ехало. Демократия вкатилась в Россию, как в сказке, но без подкладки теории. Ее-то и предлагалось им создать. А не опровергать. Да ведь вот и вы — противник демократии, но живет же как-то Америка.

— Именно как-то. Паразитирует. Свою демократию держат дубинкой и долларом. Но сколько еще протянут? Спешно дебилизируют народ, заставляя, например верить, что дерьмо художника на полотне — это искусство. Занимают умы выгодой распродаж.

Я пожал плечами и замолчал. Чего говорить известное? Он тоже молчал. Молчание было тягостным, но я решил не помогать Николаю Ивановичу. Наконец, он произнес:

— А вам неинтересно знать, чем мы здесь занимаемся?

— Естественно, строите планы спасения России. Или ее умерщвления?

— Что вы, коллега, мы на такой фашизм неспособны. Мы были тогда в плену обычных представлений о государственной машине: экономика, политика, оборона, культура, демография. То есть вроде все учли. А не стартануло, не взлетело. Почему такая обезкрыленность?

— То есть, почему умники не поняли главного?

— Да, мы платили и заказывали музыку, но что-то не зазвучало. Мы поступали с ними как большевики, они тоже вывозили мыслителей в закрытые территории, давали все условия для трудов. — Мужчина развел руками: — Но воз и ныне там. Посему, когда мы прочли простые и ясные строки, что без Бога нельзя ничего делать, мы поняли — оно! И остановились на вашей кандидатуре. То есть помогите сию теодицею розжувати.

— Но ведь и они то же самое говорили в выводах.

— Успели пообщаться?

Темнело, поэтому я решил не церемониться. Мне же еще предстоит марш-бросок по темному лесу и лунному полю.

НАДО УХОДИТЬ

— Николай Иванович, все, что вы процитировали, так сказать, из меня, все это легко прочесть в Священном Писании. Оно сейчас настолько доступно, что неприлично не знать его. Даже и последние безбожники, атеисты, циники, кто угодно, увидели, что Советский Союз развалился от того, что уронили экономику, ослабили армию, и вконец изовралась идеология. А Россия жива. Благодаря Богу. Церковь выстояла, вот и все. И других секретов живучести России не будет. Чего тут разжевывать? На месте иудейской пустыни была земля, «текущая млеком и медом», но Господь «преложил ее в сланость от злобы живущих на ней».

Встал с кресла. Наверное, нелепо выглядел в своей телогрейке и в валенках медвежьего размера на фоне ковров, паркета, камина.

— А ужин? — любезно спросил Николай Иванович.

— И ваш вопрос, какое вино я предпочитаю в это время дня?

— Нет, нет, тут не литература. Если вас не устраивает наше гостеприимство, вас вернут в село. Пожалуйста. Но вы ж живой человек, ну, и проведите ночь по-человечески. Да, сермяжна Русь, но иногда хочется немного Европы. То есть здесь все в вашем распоряжении. Но, главное, помните, вы здесь благодаря нам. Вас сюда завлекли в самом прямом смысле. Для вашей же... пользы. Нет, не пользы, это грубо, скорее, для помощи в реализации ваших страданий по России.

— Как? — я даже возмущился. — Я занял в этом селе дом. Тут эти интеллекты, тут вы. То есть, при чем здесь вы?

Здесь он взял снисходительный тон:

— Так кто же вам присоветовал ехать в сию благословенную глушь, а?

Тут я поневоле вспомнил, что на адресе именно этого дома сильно настаивал мой недавний знакомый. Уж такой весь из себя патриот. Да-да, он прямо висел над ухом. Добился же своего, дрогнул же я перед словами: север, исконная Русь, лесные дороги, корабельные сосны, родники.

— Да, вспомнил вашего агента, — признался я. — Подловили. Но, думаю, вы поняли, что я бесполезен. Единственное, на что гожусь — напомнить вам о Евангелии. Евангелие заменит любого, а уж меня в первую очередь. Где Вика, еще ж и Юлия впереди, налейте мне отвальную, и по коням.

— Не возражаю и не держу, — ответил Николай Иванович. — Но наш старец очень вас хотел видеть. Он благословил меня, я правильно выражаюсь? благословил меня пригласить вас к нему. Он строгий постник, мы же с вами, но после, можем себе позволить. Или вы тоже ортодокс?

— Какой же я ортодокс, если уже заикнулся об отвальной? К старцу? Отлично! Страшусь старцев, но куда без них?

— А почему страшитесь?

— Насквозь видят.

— Наш очень демократичен.

— То есть не видит насквозь? Но если еще и старец демократичен, к нему не пойду. В демократии вся мерзость цивилизации. Не пойду. Лучше

прямо сейчас примем с вами по грамульке. У вас же все есть. Но! Среда сегодня или пятница?

— У нас свой календарь, — хладнокровно отвечал Николай Иванович. — Что хотите, то и будет. Можем и ночь отодвинуть. Можем и время года сменить. Продемонстрировать? — Николай Иванович изволил улыбнуться. — Это у нас такой преподаватель был, семинары вел по спецкурсу. Объявлял: «Демонстрирую», — и шел к демонстрационному столу. Еще он говорил: «У меня интуиция». А дело знал. Достоконально. Иностранцы его уважали.

Появилась Вика с подносом. Опуская на столик, произнесла:

— Аперитив. — И спросила меня, назвав по имени — отчеству: — Пойдете в сауну, или примете ванну в номере? Николай Иваныч, вздрогнем? Вы же гурман еще тот. — Она подняла бокал: — Я же не официантка, мне позволено. Давайте! По единой! А их, как говорит сестричка, чтоб кумарило, колбасило, и плющило!

— Кого?

— Наших же общих врагов.

— Спасибо, Вика. Уже полдня трезвею. И ванну мне заменит и умножит баня. Мой камердинер Аркадио топит баню в моем поместье.

— Но это же где-то там. Только какая же я Вика, я Лора.

Я долго в нее вглядывался. Как же это не Вика? Может, Юля переделась? Тоже полная схожесть.

— Вы, что, почкованием размножаетесь?

— Это я объясню, — мягко вмешался Николай Иванович. — Было три близняшки. Для вывода, далеко не нового о том, что на человека более влияет среда, нежели наследственность, мы поместили малышей в разные обстоятельства. Первая, ваша знакомица Юля, выросла грубоватой, курящей, пьющей, пожалуй, она подсядет и на наркоту, а Вика простенькая, но идеальная как нетребовательная жена. Лора, она пред вами — это тип японской гейши, образованна, умна, холодна. Но, думаю, что все внушаемы, все настраиваемы на определенную волну. Понимаете, да?

— Не совсем.

— А как иначе, — объяснила Лора. — Еще Гоголь сказал: баба, что мешок, что положат, то и несет.

— Умница, — похвалил ее Николай Иванович.

— Да и сестрички мои тоже далеко не дуры, — заметила Лора и спросила меня: — А халат какого цвета вам подать?

— Арестантский. — Это я так пошутил.

— И все-таки, пока к старцу! — даже как бы искомандовал Николай Иванович. — Лора, проводите. — До скорой встречи.

К СТАРЦУ, ТАК К СТАРЦУ

— Прошу! — Лора повела лебединой рукой и повела по коридору.

Я поинтересовался:

— А вы тоже глушите порывы женских инстинктов голосом разума, как и Юля?

— А-а. Ну, это у нас семейное. То есть и глушить не надо, никаких порывов, все искусственно убито.

— Как?

— Коротко объясняю. Давайте возьму под руку. Кто наши родители, мы не знаем. Мы — жертвы науки. То ли мы из пробирки, то ли клонированы. Нас поместили в различную среду, но одно опыление было одинаковым, этот ящик сильно голубой, телевизор этот, он был обязательной процедурой. Он и вытравил в нас все женское. После него ничего не интересно. Читали — в Англии придурки с телевизором венчаются? Телевизор — это домашний вампир. Все чувства высосал. Еще и Интернет. А этот вообще умосос. Юлька с ее гулянками все-таки меньше опылялась: загуляешь, так не до экрана, вот объяснение запоев — лучше травиться водкой, чем дурманом эфира. Так что Юлька немножко сохранилась, да и то. Неинтересно нам ничего в этом мире, ничего не чувствуем. Хотя и Юлька с ее Иванушками, хоть и Вика с людьми обслуги и их начальством, да хотя бы и меня взять. А уж как пристают. — Лора брезгливо потрясла белой кистью. — Да сбрендили они все со своими трэндами и брэндами. Оторвутся от компьютера на время, кого-то потискают для разрядки, вот и вся любовь. Они-то, как мужчины, тоже убитые уже. В смысле души и чувства. Вроде все у них работает, но ведь и робот манипулирует. С трупами, что ли, спать? Они, конечно, думают, что живые. Так что, они для нас никто, и мы для них ничто. Машины. Даже хуже: джип же не лезет на хонду. Постоим? — Пролетела минута молчания. Лора взмахнула ресницами: — Если к вам такое почтение, то позвольте спросить, кого вы представляете?

— Только себя.

— Ой уж, ой уж. Тут никого от себя. Тут такая лоббежка идет!

Видимо, остановка была предусмотрена: на стене высветилась огромная карта мира, глядящая сквозь тюремную сетку параллелей и меридианов. Везде были на ней какие-то знаки: треугольники, кружочки, квадраты. Особенно испятнана была Россия. Желтый, зеленый, коричневый и черный цвета значков портили ее просторы.

— В Греции были? — спросила Лора.

— Да. Да я парень шустрый, везде был. Но никуда уже не хочется. А что вам Греция?

— Предстоит. А с другой стороны, на Святую Гору Афон не сунешься. Женщинам там — но пасаран!

— Но пасаран. Да ведь и правильно, а?

— Как сказать. Хотя, думаю, такое вот рассуждение — была же у нас бабья целая страна — Амазония. Была. И что мы доказали? А ничего. А Афон обходится без нас. А почему вымерли амазонки? Очень уж воевать любили. А мужчины молятся, вот и живут в веках. Хорошо на Афоне? А чем?

— Там же никто за полторы тысячи лет не рождался, все приходят умирать.

— Страшно. — Лора поежилась.

— Нет, там все иначе. Там молчание и молитва. Я вначале, в первые приезды побаивался ходить в костницы, где черепа лежат на полках, сотни и сотни, тысячи, потом стало так хорошо среди них. Греки, к сожалению, нас теснят, но это власти, а монахи очень дружны. Вообще, Афон, как и Святая Земля, совсем русский. Идешь один по тропе, даже и не думаешь, что заблудишься и вдруг так хорошо станет, упадешь на колени, а в душе все наши святые. Это я вам все очень приблизительно. А здесь есть церковь?

— Не знаю. Вообще, макет есть. Меня приучают. Где алтарь, где солея, где паперть. — Лора поинтересовалась: — А на Афоне, на самом верху есть какая-то главная церковь, да?

— Она везде главная. В любой сельской церкви чудо свершается. Преложение хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы.

Мы помолчали.

— Николай Иванович доволен опытом, произведенным над сестричками — близняшками?

— Нам об этом думать не полагается. Ну, доволен, ну, недоволен, нам-то что с того? Кто папа, кто мама, знать не велено. Во всех таланты нашли, я вот стихи пишу на заданные темы. Прочитировать?

— Будьте любезны.

— Утро — время надежд, вечер — время утрат, ночь — обман ожиданий. Потом новый вариант после отрезка жизни: Утро — время потерь, вечер — бремя надежд, ночь — провал в ожидание. Понравилось?

— Надо осмыслить. Вообще извините, пишущие женщины для меня — не женщины. Ум не женский.

— Ладно, перестану писать. Вообще, — Лора двинулась дальше, — сестрички мои по уму иногда буксуют, но устроятся куда лучше меня, умной такой. Я разумом пытаюсь осмыслить, а они махнут рукой на проблему и живут дальше. Я думала, мы — цыганки, уж очень мы безразличны ко всем. Кармен двух мужиков в могилу сунула, и хоть бы что — пример для подражания, героиня Бизе-Щедрина. Потом анализирую, нет, мы далеко не цыганки. Те все-таки плодятся, и впрочем, активно, заметьте вокзалы с весны до осени, а мы — никакого интереса к плодоношению. Может, мы не близняшки, а все-таки клоняшки, клоны. Или действительно из пробирки.

— Для пробирки вы чересчур хороши.

— Правда? Это комплимент? Вообще, думала, покорять мужчину могут только восхищальки и обожалки. «Ах, какой вы непонятый! Ах, какой вы необласканный». Или этого мало?

— Для кого как.

— А вас кто бы мог покорить? Загадочная? Печальная?

— Многодетная, — засмеялся я.

— Осторожней, — предупредила она, сжимая мой локоть. — Нам уже близко. — И я услышал ее шопот: — Он не Николай Иванович. Потом!

Коридор, выстланный вначале паркетом, потом мрамором, потом узорной плиткой, сменился утоптанной и посыпанной песком глиной. Стены пошли бревенчатые. Да и Лорин брючный костюм превратился в красный сарафан, а под ним засветилась белейшая, разукрашенная вышивкой, кофточка. Надо ли сообщать про сафьяновые сапожки?

— Неплохо, а? — спросила она о своем наряде.

— Еще бы, — восхитился я. — Все бы так наряжались.

— Они еще в Москву меня обещают свозить, зачем?

— Думаю, для показа и примера.

— Будто уж. Да я даром не хочу. Смотрю хронику о Москве, женщины там сплошь хроники, то есть все в штанах. Будто их на сельхозработы гонят. Да еще и курят. Хамки, халды, лахудры, больше никто. Оторвы, в общем.

Я вздохнул и пожал плечами.

— А здесь, — показала Лора на стальную внушительную дверь, — живут наши колдовки, наши фобии.

— Кто, кто?

— Колдуньи, фобии. Что, впервые слышите? Фобия, это по-русски — ненависть. Зовут их Ксения и Руся. Ксения Фобия и Руся Фобия. Имя и фамилия. Жрут только мясо и исключительно с кровью. Отожрут, отосятся и опять на работу.

— Куда?

— А мне что, говорят? Откуда я знаю. Куда пошлют. Возвращаются и жрать, жрать. Как мясорубки жрут. Прошу прощения, лахудры они обе. Стервы такие. Твари. По-любому сто пудов. Или не так? — Не дожидаясь ответа, да я бы и не знал, как ответить, Лора оглянулась, приблизила свою голову к моей и прошептала на ухо, я даже почувствовал, как шевелились ее теплые губы: — Николай Иванович — такой клеветун. — И отшатнулась, громко сказав: — Ну-с, мы у цели. Вам сюда, — сообщила она и исчезла.

У СТАРЦА

А для меня открылась заскрипевшая дверь в темную келью. Зрелище, как сказала бы нынешняя молодежь, было не слабое. В центре кельи стоял просторный черный гроб, покрытый плотной черной тканью, исписанной золотыми буквами славянской вязи. Стоял около гроба огромный мужчина в рясе, в монашеском куколе, тоже исписанном. Я даже, честно сказать, растерялся: подходить ли под благословение? Перекрестился на передний угол.

— Ушел я из монастыря, — смиренно произнес старец. — Дымно там, смутно, закопчено. Звон есть, а молитва на ветер. Показуха одна для архиереев. Мне подавай келью. Да чтоб гроб из целикового дерева. — Он пристукнул по крышке гроба. — Ложись, примерь. Хватит духу?

— Думаю, у меня свой будет со временем, — также смиренно ответил я.

— Все взрывается, — закричал старец, — все горит, все затапливается, низвергается и извергается, все падает! Все трясется! Все видят? Все! Даже слепоглухонемые. И кто понимает? А? От труса, глада, мирского мятежа и нестроения, кто спасет?

— Господь Бог, — смиренно отвечал я.

— Кто этому внимлет? — кричал он. — Кто вразумился? Все на физику списывают, на химию, Бога не помнят. А? В гробу сплю. Вознесение мое близко. Ближе, чем это дерево. — Он ткнул пальцем в бревенчатую стену. — Сядь! Или присядь. Что в лоб, что по лбу.

Я сел. На скамью, которая шла к порогу от переднего угла. Старец взметнул воскрылия одежд и возгласил:

— Продалась власти церковь, ох продалась! Ох, скорблю. Время скорби к ограде придвинулось, кто внял? Ныне отпускаеши, Господи, а на кого мир оставлю, Россию — матушку, ох, на кого? Ах вы, неосвященные митрополиты, архиепископы, епископы, пастыри и архипастыри. Воздежу к вам руке мои и негодую, и перстом указую: оставили, греховодники, пасомых, пошто попечения о плоти превратили в похоти? ох, немоготу, нечем дышать! С дьяволятами ватиканскими молитесь, вот вы как экуменистничаете! Устегнуло время церкви, кончилось. Предсказанное! Ангелом света

изображается антихрист, а вы все в церковь ходите, ах слепцы! Како чтеши Писание? Семи Церквам писано в Откровении Иоанна, апостола любви, семи! Дожила хоть одна? Вот и не верьте в Апокалипсис!

Старец и причитал, и угрожал, а то и обличал. Можно было понять так, что никто ему не угодил, особенно из священнослужителей. Но зачем он хотел меня видеть? Терять мне, опять же, было нечего, я сказал:

— Простите, батюшка, можно к вам так? Не разумею довольно слов ваших. Не сердитесь, но все ваши речитативы походят на шаманское камлание, а вы на ряженого. Можно спросить: вы давно причащались?

— А сколько раз за сорок лет причащалась Мария Египетская?

— Там пустыня, там ангелы ее причащали.

Он подошел. Взгляд его, признаюсь, был пронзителен. Седые усы и борода росли настолько сплошь, что и рта не было видно. Откуда-то, из волосяных зарослей понеслись напористые слова:

— А здесь не пустыня? А? Здесь нет ангелов? Нет? Не видели? А видят те, кому дано. Так вот вам в ответ на Марию Египетскую.

— Еще раз прошу прощения, — сказал я, невольно делая шаг назад.

— Исходящее от нас, то сквернит человека, — уже спокойно заметил он. — А что исходит, от людей? Испорченный воздух, похмельные выхлопы, вопли эстрады, матерщина и блуд. Если бы от людей исходила молитва, с бесами было бы покончено. Все святое оплевано! Тяжело не то, что тянет плечи, а то, что душу не радует.

— Смиренно внемлю и ничесоже вопреки глаголю, — сказал я. — Но за что же все-таки вы так нападаете на священнослужителей?

— А это сие яко будет како? — язвительно спросил старец.

— Грешно осуждать, — не отступал я. — Осуждать грешно, а тем паче обличать. Кто мы, чтоб обличать?

— Не знаю, кто вы, а вот я-то знаю, чья кошка чье мясо съела. В роскоши утопают. Все знаки предреволюционные. Это они видят? За заборами живут, с охраной ездят, обжираются в застольях по пять часов.

— Есть же и старцы, — миролюбиво заметил я.

— Старики есть, где ты старцев видел?

— Надеюсь, он предо мной. Вас именно старцем рекомендовали.

— Это как Бог рассудит, — скромно ответил старец. — Старца кто делает? Народ. Но не эти же, от кого я ушел, не просители. Сидят часами у кельи, ждут. Заходит, на колени: «Спаси!» — «От чего?» — «Помидоры у меня выросли фиолетовые. Я думаю, мне их соседка марганцовкой поливала. Накажите ее». — «А помидоры ела?» — «Да». — «Вкусные?» — «Ну да». — «Ну и иди, и ешь свои помидоры». Разве такие вопросы надо старцу ставить?

— Амвросию Оптинскому тоже простые вопросы задавали. Про индюшек, например.

— Так то Амвросий. Великий старец! Ему можно о всякой ерунде говорить. А я молодой, мне надо еще возвышаться. Меня надо на больших вопросах выращивать.

— На каких? Например?

— Например? — старец подумал. — Есть ли двенадцать тайных старцев на Афоне и кто к ним на подходе? Или: «Ще Польска не сгинела?» Или: «Ще не вмерла Украина?» — А я отвечаю: «Ще, чи не ще, нам-то хай

коромысло гнэця, хай барвинок вьеца». Довели Россию! Одно воровство да похоть. Сплошная тьма тараканья. Поздно уже, нет России.

— Куда же она делась? — вскинулся я. — И возрождаться ей не надо, она жива. Стоит на основании, которое есть Христос. С чего ей погибать? Как наскочат враги, так и отскочат. Ну, сорвут кой-где камня три. Нам только на Бога возвести печаль свою, Он препитает.

— Капитулянтские настроения, — выразился старец.

— Но мы же ни в земной жизни, ни в загробной не сможем выйти из созданного Богом мира. А если Господь выкинет нас из него, то это только справедливо. Мы — гости в его доме. Гости мерзейшие, согласен с вами. Паскудим, заражаем землю, воздух, воруем, пляшем на костях, за что нас еще привечать? Первой провалится Америка, а потом и весь мировой беспорядок, как костяшки домино. Россия еще подержится. Да и то.

— Что «да и то»?

Это меня спросил не старец, а Николай Иванович, оказавшийся вдруг рядом.

— Да и то, если и она провалится, то и это будет справедливо. Залезла свинья харя Запада в русский огород, мы ей за ушами чешем. Малое стадо спасется. Так оно и было всегда. Всегда на шею садились: то иностранцы, то большевики, то коммунисты. Сейчас вот демократы. Да ведь и они не надолго. Скоро заерзают от неудобства и страха. Ну, может, их-то изгнание без крови обойдется.

МЕСТНОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Старец, сидя на стуле, закрыл глаза и всхрапнул даже. Николай Иванович поманил меня. Мы вышли.

— Ну, и как вам наш старец?

— Надо вам к нему настоящих старцев привезти. Они рассудят.

— А он не настоящий?

— Извините, отделаюсь незнанием. Может быть, он из бывших монахов или священников? Самость, гордыня видны в нем. Они в нем настоящие. А он? Не знаю. Но вы же его зачем-то содержите.

Обратная дорога по коридору оказалась гораздо короче. Мы вернулись в комнату, откуда меня недавно увела к старцу Лора.

— Вы все-таки покинете нас? Или останетесь?

— Ночь же уже. Придется пробыть до утра. Скоро утро, но еще ночь. Это я пророка Иеремию вспомнил.

— Ну, это вы со своими умниками, да со старцем вспоминайте. А я человек простой. Правда, вот насчет времени дня поспорю. Какая же ночь, когда мы способны сотворить день. — Николай Иванович подошел к стене, оказавшейся черной портьерой и рванул ее в сторону. Солнце засияло во все широченное высокое окно. Я даже зажмурился.

— Переодевайтесь и на завтрак. Буду знакомить вас с правительством России. Естественно, будущим. Но, надеюсь вместе с вами, скорым.

— Но все-таки, закончим о старце. Он искусственный, так? — спросил я.

— Вы меня восхищаете, — Николай Иванович взял меня под локоток. — Старец, каких много, вам интересен, а сообщение, что на ужине будет правительство России, пропустили мимо ушей.

— Да и оно, думаю, искусственное.

— Нет, оно со старцем не корреспондируется. Так что позвольте вам этого не позволить. Оно настоящее.

— Будущее?

— Ближайшее.

Я поглядел на Николая Ивановича. Он был спокоен. Что бы еще такого спросить?

— Сейчас в доме моем, где вся эта мыслящая братия, вечер, ночь? День?

— Сейчас посмотрим. — Николай Иванович потыкал в кнопки компьютера.

На экране проявилось задымленное пространство моей избы и мои собутыльники. Махали руками. Сильнее других Ильич. Агроном Вася и зоотехник Лева спали. Оборонщик разливал. Ни Аркаши, ни Юли, ни Гената не было. Я вслушался:

— Интеллого дерьмовое, молчать! — крикнул вдруг музыкант Георгий. — Правильно Ленин охарактеризовал интеллигенцию. Уж он-то побольше других ушей Амана сожрал!

— Так он же по себе судил! — закричал наш Ильич. — Он же знал, что говорит, сам же интеллигент.

— А нынешние даже и такого имени не заслуживают. — Это, я разглядел, социолог Ахрипов. — Если они уже педерастам дают зеленую улицу, знаете, как их назовем, запишите.

— Запомним.

— Назовем их либерастами.

— Звук прибавьте, — попросил я Николая Ивановича.

— Сейчас некогда. Не волнуйтесь, все их слова записываются. Если интересно, потом сделаем распечатку. Вообще, крепко выражаются. — Он поглядел на бумаги около экрана. — Это вы их заразили мыслью о создании музея человеческой мысли? Последние два дня как-то они стали оживать, а то все сплошная пьянка, да «Бродяга Байкал переехал».

— Они и сами в состоянии заразить кого угодно.

— Да уж. Выключить?

— Минуточку. — Я поглядел на моих знакомцев. Они по-прежнему жили там, в избе, в этом же реальном, или уже ирреальном? времени, плавали за стеклом экрана, как рыбы в мутной воде. — То есть все они, и я, и тот, предыдущий, о котором я хотел бы узнать побольше, все были у вас под колпаком?

— А как вы думали? — даже обиженно ответил Николай Иванович. — Не можем же мы за просто так, за здорово живешь такую артель содержать. Правда, сейчас скинули с довольствия: не оправдали надежд. То есть специалисты они, любой и каждый, на все сто, но по выводам исследований разочаровали. Сейчас пустили их на безпривязное содержание, в масштабах, конечно, ограниченных. Кто сопьется, кто... да, что мы о них?

— То есть отсюда они уже не выйдут?

— А зачем? — хладнокровно ответил Николай Иванович. — Им уже некуда возвращаться. Да и не надо. Зачем? Мы в известности не нуждаемся.

— Возьмите подписку о неразглашении.

— Ну, не детский же сад, — упрекнул Николай Иванович. — Подписка. Но вообще, может быть, получится еще их использовать. Для этого и вы здесь. Так! Переодевайтесь, вас проводят.

— Николай Иванович, еще просьба — показать дом Ивана Ивановича.

— А кто это? — спросил Николай Иванович?

— Так, ерунда, — неожиданно для себя отговорился я. — А вот вопрос: могу я им отсюда что-то сказать? Они же меня начальником считают.

— Вообще не практикуем. Хотя? Хотя, что мы теряем? Как гром небесный ваш голос прозвучит. Это для них будет впервые.

— Честно скажу, я еще из-за того прошу, — объяснил я, — что мне надо увериться, что я не сплю, что все происходит у них и здесь в одно и то же время, а не запись, не монтаж.

— Да ради Бога! Только замечу, что это для них будет впервые. Пожалуйста, короче, несколько слов. — Николай Иванович опять ткнул куда-то в клавиатуру. В избе раздался сигнал, который звучит в аэропорту перед объявлениями. Все там прямо вскинулись и замерли.

— Слышно меня? — спросил я в микрофон.

— Так точно! — первым очнулся оборонщик.

— Поняли, кто с вами говорит?

— Д-да! — как выстрелил оборонщик. — Товарищи офицеры!

Все вскочили.

— Слушать и выполнять! — скомандовал я. — С этой минуты приказываю встать на просушку! Резко протрезветь! Как поняли?

— Так точно! — отрапортовал оборонщик.

— Конец связи.

Экран погас и стал обычным матовым стеклом.

— Идемте.

Мы пошли по коврам зимнего сада и Николай Иванович, как бы между прочим, спросил:

— А вчера, ближе к вечеру, вы куда-то прогуливались?

Я чуть не сказал про Ивана Ивановича, но что-то остановило меня.

— Проветривался. Там же дышать нечем. У них пьянка пропорциональна интеллекту. Все по-русски — спиваются мастера, а подлецы никогда.

То есть, подумал я, Иван Иванович у них не под колпаком. Зачем-то же мелькнула эта мысль?

ГЛАВНЫЙ РАЗГОВОР

— Николай Иванович, — сказал я, — благодарю за откровенность и надеюсь на ее продолжение.

— К вашим услугам.

— Итак, зачем я вам? Я не обладаю никакими секретами, мне даже их и не выдумать.

Он на ходу поправил какое-то экзотическое растение в огромной керамической бочке, потыкал указательным пальцем в землю цветка, покачал головой.

— Секрет один, говорили вы, говоря о России, что у нее нет никаких секретов.

— Ну да.

— Но согласитесь, это и есть секрет.
— То есть, чего это она все никак не помрет?
— Хотя бы так спросим.
— Тут я и думать долго не буду, тут одно: Россию хранил Удерживающий, царь православный. А нет его, кто хранит? Россия же жива. Хранит Сам Господь Бог, Дух Святой. И это такая же реальность, как то, что южные растения растут здесь в горшках, а высаженные в русскую почву, пропадут. То есть никому не надо с нами связываться. А все неймется. А все надежда на золото да на оружие. Какой был великанище Голиаф? А как вооружен! А Давид? И что это у него за оружие — праща? Несерьезно же. Но победил. То есть дело не в оружии, в духе. Бомбить стариков и детей ума много не надо, но ведь это же до поры, до времени. Цивилизация Америки — путь в бездну с оплаченным питанием и проездом. Хорошо бы наших побольше с собой захватили.

— А вы кровожадны.

— Ничуть. Мораль демократии заглушает страх Божий, отсюда рост числа развратников. О них говорю. Их жалеть?

— Что вам, не все равно, какая у кого ориентация? Вы об этом? Свобода.

— Ну вот, пусть свободно и гибнут. Это же Россия — страна целомудрия. Помните картину — пирамиды черепов?

— «Апофеоз войны»?

— Это не апофеоз войны, а черепа педерастов Ближнего востока, уничтоженных по приказу Тамерлана. А от России ему велела повернуть Божия Матерь: ибо в России такой заразы не водилось.

— Всегда узнаешь что-то новое, — Николай Иванович остановился, слегка повернул около цветка лампочку обогрева и освещения и поинтересовался: — Революция возможна сейчас в России?

— Нет. Революционеры банкирами стали. — Хотя... хотя в России все возможно. Рецепты революции прежние и надежные: три дня населению хлеба не давать, ворье и шпану из тюрем выпустить, винные подвалы сами разграбят. Как Ленин учил — телеграфы и банки взять. Телеграф уже и необязательно, связи хватает, а банков, на радость шпане, стало побольше. Охранники тоже оживятся, и они не дураки гибнуть за буржуев. А для молодежи, нашей и не нашей, очень сладостна музыка водопадов осколков стекла разбитых витрин. Из мелочей — электростанции и водопровод взорвать, газом побаловаться. Бомбы с удовольствием будут бросать бомжи. Запасов взрывчатки — тонны. Но думаю, пока будет тихо. Помойки сейчас сытные, в Москве собаки хлеба не едят.

Николай Иванович неопределенно пожимал и поразжимал пальцы правой руки.

— Вообще, Николай Иванович, при разговоре о России надо все время держать в уме, что она не сравнима ни с кем и ни с чем, ей нет аналогий. Глупость наших правителей в том, что они насильно тащат Россию в мировое сообщество. Да, мы на одной планете, но мы другие. И единственные. Мы — даже не Византия, от хлеба и зрелищ не погибнем. На шее у нас всегда все сидели, всякие захребетники. Но где они? Вопят из ада, завидуя нищему Лазарю. — Я подумал вдруг: а зачем я все это ему говорю, такому умному? И замолчал.

— Вы спросили, зачем вы здесь? — заговорил Николай Иванович. — Отвечаю. Хотя мы и разочарованы трудом сей когорты ученых, недовольны результатами их корпоративного труда, но решили еще попробовать. Знания у них, не в пример зашоренным западным ученым, прочны и разнообразны, не бросать же на ветер такое национальное богатство. Не вам напоминать школы демагогов в античности, не вам сообщать, что система демократии была создана искусственно. Но вот, по прошествии веков, начала давать сбои, разболталась в пути. Вопрос: подлежит демократия ремонту или бесполезно ею заниматься и надо изобретать что-то другое? — Николай Иванович сделал паузу. — Вот за это мы и хотели их посадить под вашим чутким руководством. Наша установка — все-таки не торопиться со свержением демократии, а выработать рекомендации по ее укреплению, обеспечить ее жизнеспособность для начала лет на двести. Ведь уже было двести лет вместе. Возьметесь?

— И это мне, написавшему еще в девяносто первом о демократах статью «До чего, хриstopродавцы, вы Россию довели?».

— Кто это помнит? Кому она помогла? Не будьте наивны. Есть реальная Россия, ей надо помогать, вам для этого даются все возможности. Много ли в прошлые годы было воплощено в жизнь проектов ваших друзей? Вы жалели деревни — их сносили, кричали о сбережении леса — его вырубали, были против показа западных развратных фильмов — их крутили день и ночь. Что касается монархии, это, простите, такая утопия, что и обсуждению не подлежит. Ну и дадим вам конституционного монарха, жалко, что ли? Взят, взят ваш помазанник Божьей волей, молитесь, да и достаточно.

Мы вышли в просторный вестибюль, в который выходили коридоры.

— Слишком по-разному смотрим мы на будущее России, — только это я и смог ответить.

— Ничего, ничего, — успокоил Николай Иванович. — Переодевайтесь, и на заседание. Вас никто не торопит.

Появилась Лора и молча проводила меня до дверей номера. На окнах в нем были тяжелые бордовые портьеры. Когда я отвел их в сторону, то за окном, со стороны улицы были еще одни, уже черные.

ЗАСЕДАНИЕ. СТРАХИ И НАДЕЖДЫ

Комната была овальной. Стол в центре, пользуясь выражением Николая Ивановича, с ней корреспондировался, то есть тоже был овальным. По стенам, скрытые полумраком, пейзажи разных широт и долгот, на столе перед каждым откинута крышка компьютера, микрофон. Было это все и предо мной. Я уже был переодетый и освеженный душем. Настойчиво пахло каким-то дезодорантом. Ни мне никого, ни меня никому Николай Иванович не представил. Он тут явно был центровым.

— Докладывайте, — пригласил Николай Иванович мужчину, сидевшего напротив меня, но не назвал его. Мужчина, взглядывая на свой экранчик, говорил долго. По тому, как его слушали, я понял, что ничего нового для присутствующих он не сказал. Но слушали вежливо.

Доклад был общемировым, говорил о судьбах не просто народов, а цивилизаций. Я кое-что помечал для себя на листках бумаги, тоже предусмотренных и предусмотренной богатой авторучкой. В докладе, как я понял,

рассматривались варианты гибели планеты Земля. Все государства как-то дружно, не от одного, так от другого, погибали, только вот Россия не лезла ни в какие рамки. Не получалось ее сравнить ни с одной страной, она даже и не страной представлялась, а целым миром, своеобразной цивилизацией со своей религией, культурой, будто она и не земная была, а пришедшая извне. Ее в докладе исследовали больше других. Докладчик сообщал:

— Надежды, что с крушением влияния компартии и с разрушением Союза, Россия погибнет, не оправдались. Не было учтено, что Россия за века выживания привыкла к минимуму потребностей. Тогда было изобретено и внедрено в Россию через агентов влияния понимание, что все народы развиваются и идут по одному пути. И если ты не идешь по этому пути, ты не цивилизован, ты дикарь, твое место в обслуживе золотого миллиарда.

Про золотой миллиард мне давно надоело слушать, но тут была такая уверенность, что это дело решенное, данное, и тех, кто ставит все под сомнение, ждет судьба подчиненных доллару стран. Глобальный рынок создаст всеобщее счастье сокращенных народов. В рынке счастье. Вот что надо долбить в непонятливые лбы.

Свет так падал на стол, что лица заседающих были плохо видны. Из-за их спин на освещенную поверхность стола чьи-то, может, Лорины, может, Викины, обнаженные руки ставили чашки с чаем и кофе, приносили всякие печенья, сладости. Передо мной, хоть я и не просил, возникла розетка с желтым медом.

— Только не надо о демократии рынка, — безстрастно вещал докладчик, — оставим это для дураков. Кто когда видел, чтобы рынок управлялся демократически? — Никто не возразил. Докладчик поехал дальше: — Всего успешнее убивает Россию именно рынок и внедренная в нее финансовая банковская система. Вместе с тем правящие миром триста семейств недовольны темпами гибели России и требуют их ускорить. Почему? Россия — единственное препятствие на пути к мировому господству. Она — тот полюс, к которому интуитивно стремится погибающий мир. Переубедить Россию, и это надо признать, не удастся, она упряма до непонятно какой степени, поэтому ее решено уничтожить. Для начала...

— Затопить Москву? — подал я голос, вспомнив застолье в своем доме. Я все не мог поверить, что все происходит всерьез и с помощью возгласа хотел выяснить: спектакль это или сходка сумасшедших?

— Это одна из версий, рассматривается и она — спокойно отреагировал докладчик и продолжал: — Уничтожить решено потому, что всегда легче построить новое здание, нежели восстанавливать старое. Если бы Советский Союз не был уничтожен, Америка не имела бы столь блестящих успехов в бывших республиках. В мире уже нет Евангельского Удерживающего, и Запад боится, что Он может появиться в России. Именно поэтому начинается спешка по ликвидации России. К ней тем более подстегивают исчезающие запасы нефти. Это вранье, что у Америки нефти много, ее всего лет на пять, а жить Америка хочет всегда, посему ей не нравится, что в России нефти много, что Господь и в этом был щедрее к России.

Конечно, докладчик говорил гораздо подробнее, нежели я запомнил, но суть уловил.

— Есть сценарий, по которому намечено сравить Индию с Пакистаном. За Пакистан, естественно, вступится Китай, а так как у всех ядерное

оружие, то число едоков в мире уменьшится. Пока сравнить не удастся, но удастся внедрять все новые и новые военные американские базы в Средней Азии и у границ России. Уже не только запасы нефти на Ближнем востоке контролируются, но и кладовые Каспия. Главная надежда Соединенных Штатов на то, что Китай захватит Россию, но при этом будет дружить с Америкой. Надежда эта напрасна, ибо Китай уже начал захват России ползучей миграцией, но Америке будущего захваченного пространства он и понюхать не даст. Он и Америку покрывает сетью своих агентов, покупая им билеты в одну сторону. Сибирь, на которую все облизываются и которая, при скором глобальном потеплении, превратится в цветущий земной рай, остается русской. Это препятствие Америка будет преодолевать, и она торопится, ибо Китай вот-вот станет ядерной сверхдержавой. Спешку стимулирует и Южная Америка, которая от своих карнавалов и футбола скоро перейдет к игре мышцами на чужой, естественно северной, территории.

Но нельзя было понять оценки докладчика, то есть, к чему был направлен анализ происходящего в мире: то ли радость по поводу несчастий в России, то ли к призыву о ее спасении. Докладчик вещал безадресно. Я покосился вправо-влево, но видел только черный стол, матовые экраны компьютеров. Иногда белые кисти рук возникали из темноты, пальцы на них свершали некие пианистические нажатия клавиш и опять растворялись в темноте.

Далее в докладе говорилось, что вскоре Голландия, Калифорния, да и вообще многие другие пространства затопятся растаявшими ледниками, а в Европе все выгорит от жары. Вскоре, в добавление ко всем этим погодным катаклизмам («Божьим карам», — сказал я про себя) приплюсуется еще и то, что теплое течение Гольфстрим отвернется от побережья, начнутся холода, всюду будет неурожай и только богоспасаемая Россия будет процветать. Как такое позволить? Обидно же, что грядущий новый потоп, новые провалы новых Атлантид обойдут Россию. Репетиция потопа прошла в Индийском океане, когда за минуту было уничтожено двести тысяч человек, разве это неповторимо?

— Хорошо еще, — откомментировал эту трагедию докладчик, — что миру не пришлось кормить эту ораву. — Меня передернуло. — Докладчик вещал далее: — Имеющие вскоре быть затопления вначале побережий ожидаемы, хотя в них пока не верят, но неизбежны. Людям придется потерять все и стать голодными на уцелевшей суше. Их надо будет кормить за счет остальных. Это вызовет милосердие у малого числа, а у основной массы злобу.

Все это я слушал, но по-прежнему не мог понять позицию выступающего. За кого он? За нас, за Россию? Или тут так принято — говорить без позиции, объективно? Может быть. Послушаем еще.

— То есть Землей обетованной ближайшего будущего будет именно Россия... Племя торговцев и финансистов владеет миром. Иначе и быть не могло. Крестьянин кормит людей, машинист возит, врач лечит, учитель учит, воин защищает, шахтер добывает топливо, портной обшивает, повар стряпает, то есть любой труженик думает о других, только финансисты, торговцы, купцы думают о личной выгоде. Если они так думают два тысячелетия, до чего-то же они должны были додуматься.

ПРОСЯТ ВЫСТУПИТЬ

Николай Иванович аккуратно положил передо мной полосу бумаги. На ней четко: «Вас попросят выступить. Два-три слова о России, о начале обретения ею места в мире, хорошо? О попытке улучшения демократии».

— У нас, среди приглашенных, — тут же сказал из общей темноты председатель, — специалист по вопросам современного состояния России в мире. Сам он — выходец из низов, мнение его, полагаю, не безынтересно.

На экране предо мною крупно замигало: «Вам слово».

— Состояние? — Начав, я подумал, что надо же было как-то к ним обратиться: коллеги? господа? друзья? братья? Ничего не подходило. Ладно, обойдутся. — Состояние у России такое же, как и всегда, во все века — тяжелое.

— Но почему? — спросили из темноты.

— Россия — светильник, зажженный Богом перед лицом всего мира. Светильник же не скрывают, а ставят на высоком месте. И очень многим это не нравится. Он их освещает.

— Но это же хорошо, — усмехнулся кто-то, — на электричество не тратиться.

— Освещает не местность, — я решил быть спокойным, — а всю мерзость остального обезбоженного мира.

— Мм-да, — это, по голосу, председатель. — И почему же в ваших работах настойчиво проводится мысль о невозможности введения демократии в Россию?

— Жадны и циничны демократы, поэтому. Жадны, видимо, от природы, а циничны от безнаказанности. Демократия позволяет им воровать, она не будит совесть. Врать для демократов — все равно, что с горы катиться.

— А пример такого вранья можете привести?

— Говорят, что жизнь в России становится все лучше, а на самом деле все хуже и тревожнее. Частные интересы демократов не есть интересы общества. Может, в этом ключ. Они не любят Россию, смотрят на нее как на территорию проживания и наживы. Чтобы их не сковырнули, внедряют в людей желание им подражать. Ну и так далее. Простите, я совсем не понимаю ни вас, ни моей роли здесь, в этом, очень похожем на масонскую ложу, месте.

— Мм-да. — Снова уронил председатель.

А что мне было терять? Если бы я неправду говорил. В конце концов, я же понимаю, что полностью в их руках. Еще подумал: успеть бы написать послание своим, а как передать? А что я в нем напишу?

— Вопросы есть к докладчику?

— Ну уж, — я не мог не улыбнуться, — какой я докладчик? Автор двух реплик. Можно и третью: в России смертность уже давно и постоянно опережает рождаемость, развращение молодежи усиливается, пьянство, хулиганство, проституция, сиротство увеличивается, и вот все это называется демократией.

— То есть, по вашему мнению, надо свергать это правительство?

— А что толку?

— То есть?

— То есть лучше не будет.

— Но как же вы не учитываете регулятор общественных отношений — рынок? — Это из темноты какой-то новый, незнакомый голос.

— Какой рынок? Только что в докладе сказали, что демократия в рынке и не ночевала. Рынок в России позволяет сжирать конкурентов, травить людей некачественными продуктами, ширпотребом подпольных фабрик. Рынок — место действия жадности и корысти. Бедность в России растет, но тут есть и хорошее — бедность освобождает от страха. — А что такое рынок для культуры? Выставки похабщины, издевательство над всем святым? Порнография кино и театра. А что такое рынок для религии? — Я помолчал. — Думаю, что ничего нового я вам не сказал, и поэтому сердечно прошу прощения и возможности откланяться. С вашего позволения?

Я встал. Никто меня не удерживал. Дверь предо мной распахнулась. За дверью стояли Лора и Вика. Дверь за мной закрылась

— О-о-ой! — громко и горестно воскликнул я, да так, что они испугались.

— Что, что с вами?

— Главный итог двадцатого века то, что Россия бессмертна. Вот это предложение забыл сказать. Может, раз в жизни дали серьезную трибуну, а я забыл. Вернуться уже неудобно. А?

— Да уж, — посочувствовали сестры. — Тут главное — не подумать, а вслух сказать: тут же везде аппаратура, запись. Россия бессмертна?

— Как иначе? Она — Дом Пресвятой Богородицы, подножие Престола Царя Небесного.

— Так как же тогда Судный день? Все же провалится, все же сгорит. — Или я не так поняла, мне книжку старец давал про Страшный суд? — это спросила умная Лора.

— Да-да, суд-то Страшный будет же, так ведь же? — это добавила Вика.

— Куда денешься, будет. Но вот Россия как раз его и пройдет.

— Тогда перед судом вся сволота сюда и приползет.

— Правильно Лорка догадалась? — спросила Вика.

— А откуда сволота узнает про Суд? — резонно спросил я. — Ну, что, красны девицы, отпустят меня ваши хозяева?

— Даже на вездеходе, — сказали они.

На ходу я стал сдирать с себя пиджак, не стесняясь девушек, снял дорогие брюки, попросил свои прежние наряды. Мне вынесли все мое, и куртку, и лыжи, и валенки.

МЕНЯ НЕ ДЕРЖАТ, НО И ДОМОЙ НЕ ВЕЗУТ

У крыльца стоял новехонький сверкающий снегоход. Дверца в выпуклом боку откатилась, обнаружив тоже новенькие внутренности. Я торопливо, даже не подумав, что уезжаю не простясь ни с кем, вошел в кабину, отделенную от водителя матовым стеклом, и меня лихо повлекли через темное пространство леса и сугробов. И везли довольно долго. Что ж это? Я и на лыжах добрался бы быстрее.

Но вот снегоход тормознул, потом опять немного проехал, снова остановился и замолчал. Дверца кабины отошла в сторону. Два человека в униформе, но уже в другой, в более дорогой, меня пригласили выйти.

— Лыжи оставьте.

Приходилось покоряться. Невысокое серое здание без окон напоминало какое-то хранилище. Молча вошли в открытые двери, ввели в лифт, нажали кнопку. Лифт ощутимо провалился и долго, мне показалось, падал. Мягко приземлились и оказались в просторном вестибюле. Мне вежливо указали на дверь, за которую уже не сопровождали. Дверь открылась сама.

Человек с легкой сединой в черных волосах, с небольшими усиками, в легком шерстяном костюме, протянул мне руку. Просил снять куртку и пригласил сесть.

— Даже и кофе не предлагаю. Задержу ненадолго. И дела никакого нет. Даже и не представляюсь.

— Что же тогда за встреча? — спросил я. — Положение неравное: вы знаете обо мне все или многое, я о вас ничего.

— Хорошо, представляюсь. Я — ваш союзник в деле спасения России.

— Слушаю вас. — Я сел, но не в указанное кресло, а на стул, объяснив это: — Легче встать. В кресле можно утонуть, или уснуть.

— Речь о Церкви. Мы не отрицаем Бога, но отрицаем теперешний российский путь к Нему. Понравится ли вам утверждение, что Церковь в России уже как частная лавочка, да и не только в России? Но в России помногочисленней и поживее. Но это временное оживление после тысячелетия Крещения и прихода свободы. Уже идет отпадение, сокращение числа верующих.

— А мне кажется наоборот, — возразил я.

— Не обольщайтесь. Соединение с Зарубежной Церковью результатов не дало.

— Каких?

— Ждали усиления религиозного чувства. А оно падает.

— Тут я опять не согласен.

— Воля ваша. В любом случае Церковь обречена. Но Господь любит Россию, вот отсюда и будем танцевать.

— Почему обречена?

— Сужает свободу.

— Какую? Свободу воли никто не отменял, он была всегда, а свободу вседозволенности и надо сужать. Это показала демократия: в ее свободе растет все, кроме нравственности. Церковь противостоит, например, разврату, а демократам это не нравится. Вывод — они развратны сами.

— Не торопитесь. Допустим, наполовину согласен. Только вы имеете в виду свободу, еще не взятую в рамки закона. Поправим. Дело времени.

— Демократия неисправима. Она жадна, а жадность — наркотик. А наркомания — болезнь. А больные, не желающие лечиться, сходят на нет. Он немного прошел по кабинету.

— Но что-то же надо делать. Ну, согласитесь, не наивно ли верить в спасение, ждать его двадцать веков, не пора ли задуматься: а чего это мы, ребята, ждем двадцать веков? Никто вам не мешал верить, и чего вы дождались?...

Тут я сразу перебил:

— Да как это не мешали? Во все века только и было пролитие крови: кто за Христа, кто против Христа. С востока, с запада, с юга! Как это не мешали?

— Но это войны за территории, рынки сбыта, сырье, нефть, невольники, передел мира.

— Вообще, позвольте я скажу выстраданную истину. — Я даже встал: — В мире нет никакой истории, есть единственное во все времена: или мир становится ближе ко Христу, или отдаляется от Него. Никакой другой мировой истории нет.

Он тоже встал. Помолчал.

— Я бы согласился, если бы вы слово Христос заменили словом Бог.

— А Христос и есть Бог.

— Пророк, предсказания Которого не сбылись.

— Нет, сбылись. И все время продолжают сбываться. Разве не идем мы к Его Второму пришествию? Нет, Он не пророк, Он Бог. Второе Лицо Троицы.

— Почему же тогда не Первое, если Бог? — Он сделал паузу: — Молчите? Поймите, мы же не пугаем антихристом, мы, так сказать, не шестерочки, мы как раз исполняем Писание: «Едино стадо, един Пастырь... Отрет всякую слезу, будет водить на источники вод... ягненок возляжет со львом... несть ни эллина, ни иудея» ... Неточно цитирую?

— Так же и перед антихристом будут цитировать.

— То есть мы с вами не договоримся?

— О чем? — спросил я. — Иисус Христос — не Моисей, не Илия, ни Иоанн, ни Исая, ни Даниил, ни Самуил, ни другие. Вот они пророки. И все они говорили именно о приходе Христа, как Бога.

— Тогда давайте очистим Его учение. Верить в сына еврейки?

— Какой Он еврей? Он галилеянин, как и остальные апостолы, кроме Иуды. Да и вообще, какая может быть национальность у Сына Божия? И что за дело будет до национальности в грядущем огне? «Кая польза в крови моей, вегда сходить мне в истление?» Но вообще, прости, Господи, мы очень вольно рассуждаем о Господе. Без страха. Господь непостижим. В Нем постижимо только одно, то, что Он непостижим.

Он, никак не прореагировав, вернулся к своему вопросу:

— Но, что же тогда, если учение такое хорошее, что ж тогда мир во зле лежит? И почему Господь, зная о склонности человека ко греху, не лишил его такой склонности? Нет, надо брать дело спасения в свои руки. И Господь, думаю, нас одобрит.

— Кого вас?

— Меня. Вас, если поймете необходимость действия. — Он щелкнул пальцами. — Есть силы, есть средства. В наших возможностях много чего. Ваша помощь нужна, чтобы вы, ваши друзья внедряли в общество мысль о спасении России в новых обстоятельствах времени демократии. Чтобы полюбовно. Без насилия.

— Мысль, лишаящую Россию Христа, в Россию не внедрить никогда. Россия, это понятно из ее пути, живет вечности, а Христос — это и есть вечность. Идем к Нему. Для России религия не часть мировой культуры а образ жизни по вере. Веру для русских не заменит религиозное чувство. Сто раз внедряли иное понимание России, все без толку. Неужели еще кто-то не отступился? Смотрите, в России не получилось даже перевода времени Церкви на новый стиль. Большевики добивались. Патриарх Тихон ответил: «Перейти-то можем, но люди в церкви придут по старому стилю, то есть по Божескому».

— А вас не унижает зависимость от неграмотных бабок? Они упертые в своей вере, им легче ничего не менять. Но жизнь-то не стоит на месте.

— Нет. И жизнь не меняется, и Христос неизменен. Это и есть скала, на которой стоим. Пока же наши правители квакают, что главное направление их деятельности — это повышение материального благополучия, дело плохо?

— А какое же должно быть главное направление?

— Это азбука: Спасение души. Нравственность. Любовь друг к другу. То, что принес Христос. Когда мировая общественность вещает, что человек — это высшая ценность, сатана пляшет от счастья.

Он поднял брови, взялся за ус и выразил лицом недоумение.

— Разве не так? Кто же тогда во главе угла, если не человек?

— Как кто? Создатель человека.

— И обезьяны? — Он отпустил ус и усмехнулся.

— И обезьяны. Но отдельно, не то и ее придется во главу угла.

Он снова усмехнулся:

— Может быть, поужинаем?

— Нет, спасибо большое, если можно, я бы до дому.

— Что ж. — Мы пошли к лифту. — Но нужно же материальное благополучие?

— Так если в Бога верить, куда оно денется?

— Что ж это Россия такая безстрашная-то, а? — Мужчина коротко покосился. — И умирать русские не боятся, а?

— Смерти нет для русских.

Пришел лифт, я думал, что мы тут простимся, нет, мужчина не оставил меня. Поехали вместе.

— То есть для русских нет смерти? — он смотрел под ноги и спросил как будто себя самого.

— Вообще-то душа у всех бессмертна, — сказал я, — но мы особенно это знаем, больше всех перестрадали. Нас Господь любит. Кого любит, того наказывает. Россия — это любимый ребенок Господа. Он доверчив, увлекается иногда игрушками, но он чист душой. Он свободнее других в поступках. Когда он ощущает, что удалился от Бога, то в страхе бежит обратно к Нему, надеясь на прощение.

У снегохода мы остановились. Он задержал мою руку и с улыбкой произнес:

— Едешь сюда — одни планы, а встречаешь юную особу, которая не то, что от острова, от замка, даже от перстенька отказывается, да еще и на все предупреждения о гибели ее родины рукой машет. Ерунда все это, говорит. И ты, говорит, дурью не мучайся. Каково?

— Вы озябнете, холодно, — сказал я.

Мы простились.

ЗДОРОВО ДЕВКИ ПЛЯШУТ

Снова пролет сквозь темное пространство. Вечер все длился, но часов у меня не было и я не знал, который час. Все-таки после этого переезда я был доставлен куда надо, к окраине села. Дверь опять же автоматически раздвинулась, и я, тоже почти автоматически, вышел на дорогу. Снегоход сразу же, как призрак, исчез.

Что это было, думал я, скрипя валенками по улице. А зайду-ка к Ивану Иванычу. Ведь я так понял, что его дом не оборудован шпионской аппаратурой. Посоветуюсь. Если что, отсижусь. И сбегу. Куда сбегу, спросил я себя. Не в своей ли ты стране, чтобы кого-то бояться? Не снится ли мне все это, особенно позабытая жизнь. Есть ли на свете Николай Иванович, этот, с усиками, другие? Было ли совещание? И не едет ли потихоньку моя крыша?

Что-то мешало подошве правой ноги в валенке. Остановился, достал. Оказалась сложенная вчетверо бумажка. Чуть не выбросил, но вспомнил, что не я же ее туда положил. Кто-то же другой. Света убывающего дня не хватало для прочтения, засунул бумажку в карман. Потом.

Иван Иванович ничуть не удивился, будто и ждал. Он не простирался, к моему удивлению, на своем лежбище, не был окружен пивными емкостями, а сидел за столом, просматривая бумаги.

— Смело живешь, — сказал я здороваясь, пожимая его большую пухлую руку, — не закрываешь ни двор, ни крыльцо, ни избу.

— Кому я нужен, что у меня взять? Посуду выгребли Аркаша и Генат. Свадьбу готовят.

— Слушай, Иван, все не просто. — Я не обратил внимания на слова о свадьбе. — Скажи только, а перед этим перекрестись, что все здесь происходящее со мной, происходит в реальном мире?

Иван Иванович, тяжело поворотясь к иконам, перекрестился и спросил:

— А в каком же еще?

— Тогда слушай. Твой дом у них не засвечен, и аппаратурой для слежки не оборудован, ты это знаешь?

— Ну да. Да они давно на меня рукой махнули. Меня вывезли сюда еще раньше всех, чтобы я вел направление: «Социальность и философия». Я для начала обосновал, что философия воспекает стихии мира, что она — это попытка заполнить интеллект и знанием тоску души по Богу. Велели переобосновать, но я уперся. Какое-то время какой-то паек давали, еще чего-то заказывали, но я каждый раз для них (это Иван Иванович подчеркнул) для них был, то пьян, то с похмелья. Дня от ночи не отличал. Всегда спрашивал: а какое сегодня число, а какой сегодня день недели, а что сейчас: утро или вечер. Тебе б нужен был такой работник? Вот, — довольно сказал Иван Иванович. — Так что всяческие подслушки-подсмотрушки это уже после. Когда их завезли. И видишь ли ты, брат во Христе, что чем честнее, чем выше по уму ученый, тем он ближе к Богу. Кто-то и доселе с дерева спрыгивает, противясь, например, преподаванию Закона Божия, но эти парни в твоём доме — первый сорт. Практически они заявили то же, что и я. И теперь они обречены. Если не сопьются и с голода не умрут, их просто пристрелят.

— Вань, ты серьезно? — ужаснулся я.

— Милый мой, — Иван Иванович шарил по столу и дивану взглядом. Я понял, что он ищет очки. Он их нашел в нагрудном кармане просторной рубашки, надел. — Читаю. Вообще-то это надо знать всем в России, но отсюда никакой сигнал, и сюда тоже, не проходит. Так, так... вот:

«Мы слишком долго уговаривали русских, что им надо принять общемировые законы, но они, даже притворно соглашаясь, всегда, во все века, продолжали жить по-своему. Сколько можно с ними экспериментировать?

ни войн, ни революций, ни большевиков, ни коммунистов, ни демократов, ни голода, ни лишений, ни бедности, ни болезней, ни коллективизации они не боятся. В массе своей к деньгам не привязаны. Спаивание их и развращение дает ничтожные результаты. Более удачными надо признать подкупы высокопоставленных чиновников и постановку их на службу нашим интересам. Но для нас это убыточно, ибо аппетиты их растут быстрее наших процентов в их банках. Тем более их легко перекупить. Годы конца двадцатого и начала двадцать первого веков нас вразумили: Россией правят не поставленные нами правительства, а какая-то необъяснимая сила. Сломить ее невозможно, поэтому надо ее уничтожить. И если они ранее по планам Гимmlера-Даллеса-Бжезинского-Тэтчер нужны были как рабы для добывания сырья из своей территории, то теперь и это не надо. В рабы годятся и турки, и арабы, и азиаты, кто угодно, но не русские». — Иван Иванович кряхтя встал: — Ты давай пока осмысливай, я чай поставлю.

Я взял текст, слепенькую ксерокопию, прочитал уже глазами и прошел к нему.

— А кто это составил?

— Какая разница?

— Но это все серьезно?

— Эх писатели, писатели. Прямо как дети, ей-Богу. Так легко вас кормить деньгами, изданиями, Пленумами, болтовней, премиями, известностью. Ведь как только вы начинаете болтать, с вами покончено. А как ты думал, конечно, серьезно. И более чем. Или ты думаешь, что пропадание детей и их разборка на запчасти — это выдумка? Снабжение домов терпимости детьми — это моя фантазия? Исчезновение сотен и сотен людей — бред? Тысячи убийств и почти полное о них забвение — не реальность? Ты спроси, где семьи этих твоих мыслителей?

— Где?

— А уже нигде.

Иван Иванович зашуршал коробкой с чаем. А я как-то заторможено снял куртку и подцепил ее на гвоздь у дверей. Сел под красный абажур и вспомнил про записку в валенке. Развернул ее. Прочел крупный торопливый текст:

«Сразу сожгите. Меня готовят для засылки на Афон. По легенде я буду монахом (пол сменят), который едет на Афон. Его перехватят, до этого я должна войти в его биографию, у меня будет с ним полное сходство, вот и все. Что я должна там выполнить, мне скажут при засылке. Мне просто было некому сказать, но Вам я поверила. Такое ощущение, что из меня чуть ли не шахидку делают. Сожгите записку сразу же».

Иван Иваныч нес к столу два чайника, большой и заварной. Тут вдруг раздался какой-то сдвоенный звук, явно исходящий от электронной техники. Как-то дважды пискнуло. Иван Иваныч чуть чайники не выронил:

— Здорово девки пляшут! — Он брякнул чайники на стол и прямо вытолкнул меня за дверь, закрыл ее за собой. — А я-то пред тобой хвалюсь, что тут слежки нет. Это ж какой-то прибор.

— Давай искать, — предложил я.

Мы вернулись в избу. Молча шарили по углам, стенам, потолку, я даже на полатах слазил. Безполезно. Пили чай молча. Я размышлял, что они могут обо мне сейчас предполагать. Вездеход вернулся, они с полчаса

отстегнут мне на гулянье под луной, но дальше-то я где? Значит, надо вернуться в дом. Обязательно.

— Спички есть?

— Держи.

Мы простились. На ухо я ему сказал, что хотел всех собрать у него, но сейчас ничего пока не могу сообразить. Еще не выходя со двора, сжег записку.

Многовато было событий для одних суток.

ОТДАЮ ПРИКАЗ

Тихонько шел я к себе (к себе ли?) домой. Тащил ставшие очень тяжелыми лыжи. От чая у Иван Иваныча я согрелся, но сейчас замерзал. Окна моей (опять же, моей ли?) избы сияли. Я тяжело вздохнул. И тут раздался именно тот самый звук, что и у Ивана Ивановича. Шел он от кармана в моей куртке. Я сунул руку — точно — сотовый телефон. Он и пискнул у Иван Иваныча. Гладенький как обмылок. Не как тот, ребристый, который выкинул в урну на Ярославском. На экранчике высветились два сообщения. «Смена охраны в ночь на понедельник». И второе точно такое же, но добавлено: «Вы пока без чипа». То есть я понял, что мне удобно бежать в ночь на понедельник. Хорошо хоть, подумал я, у этого мужчины не пищал. А, может, она знала, что я у него задержусь. Кто она? Думаю, Лора. А тот, кто меня допрашивал, конечно, Гусенич и, конечно, особа, отказавшаяся от острова — это Вика. А сейчас и третью увижу, Иулианию. Так сказать, гармоничная триада красивенькой, хорошенькой и заметной.

Может, вернуться к Иван Иванычу, успокоить его? Но никаких сил. Ладно, завтра. Я швырнул в сених загремевшие лыжи, резко рванул дверь и гаркнул:

— Вам было сказано — не пить!

И опешил. Они и не пили. На столе, на белой, расшитой красными узорами скатерти, стоял самовар, на расписных тарелках лежали пироги и баранки, пряники и конфеты. Во главе стола восседала Юлия, вся в белом, и Генат, весь в черном. Остальные не сказать, чтоб были нарядны, но и следов запустения не было. Приличный народ. Многих и не узнавал.

— Хозяин, — поднялся оборонщик. Он был в зеленом кителе. — Вы скомандовали: встать на просушку, мы и встали.

— А вот я легла, — объявила пьяненькая Людмила. — Доченьку в замуж отдать, да не напиться!

— А я еще сижу! — отчитался веселенький Аркаша. — Хотя, по себе чувствую, хорош.

— Загадка русского языка, — это выступил Ильич, я его, хоть и переодетого, узнал. — Аркаша пьян, но мы ему говорим: ну ты, Аркаша, хорош. А завтра ему скажем: ну, Аркаша, ты вчера был в полном порядке. Хотя он, как можно лицезреть, в полном беспорядке.

— А нам что пожелаете? — поднялась невеста. — Я надеялась на тебя, так надеялась! Завилась, борщ стряпала. Борщ не ел, на заливку ноль внимания, а мне что? Так и молодость пролетит золотой пчелкой. А ты все седеешь и седеешь. А Гената стало жалко, тоже ведь человек, тоже подлежит сохранению, так ведь, Гена?

Генат, не вставая, серьезно на меня посмотрел и кивнул головой:

— Тут зарыдать способна и корова, на фиг.

— Совет да любовь, что еще говорят в таких случаях, — пожелал я и скомандовал: — Ближайшие родственники и Аркаша остаются на месте, остальные на выход!

Сам встал за порогом и когда они, выходя, проходили возле меня, негромко говорил:

— К Иван Иванычу.

Я старался читать Иисусову молитву, но получалось плохо. Вспомнил краткое правило преподобного Серафима Саровского. Но и оно не говорилось. Думалось почему-то, что тут и на березах и на крышах — всюду телекамеры. Неужели начинаю бояться?

ВОЕННЫЙ ПОЛНОЧНЫЙ СОВЕТ

Шагали молча.

— То есть со вчерашнего дня не пили? — спросил я рядом шагавшего.

— Вы ж приказали. Мы и рады стараться. И курить заодно бросили.

— Такая сила воли?

— Дело ж до петли доходит.

Казалось, Иван Иваныч даже и не удивился. Я сразу объяснил ему, что источник таинственного электронного писка был у меня в кармане.

— Мы у тебя позаседаем?

— Да ради Бога. Все ж свои.

— А Лева где? — спросил кто-то. — Леву потеряли. Или потерялся?

— Если он стукач, — стал я размышлять вслух, — то пока ему нечего сказать. Он тогда бы тем более стремился на совет. Ладно. Алеша, читай «Царю Небесный». А лучше споем.

Пропели дружно молитву, расселись. У Иван Иваныча было довольно свежо, поэтому сидели в пальто и шубах.

— Итак, братья без сестер, — начал я, — вы не оправдали надежд тех, кто вас сюда завез. Докладываю вам, что я тоже не оправдал, поэтому... поэтому, вы понимаете что. Вы все обречены. Не спились, будете отравлены, не отравят, значит, утопят или просто выведут в лес и пристрелят. Это вы знаете и без меня. Или, скорее всего, просто будете чем-то заражены, усыплены и так далее. Меня, например, когда повезли сюда, усыпили, чтоб я не видел, куда везут.

— Да ведь и мы понятия не имеем, где мы.

— Как? — потрясенно спросил я. — А местные?

— Тут нет местных.

— А Аркаша, а продавщица, а Генат? Людмила?

— Если они и местные, то у них отбили непонятным образом память.

— Не будем терять времени. Речь о жизни. Коротко, по кругу, сообщите, какие выводы вы делали по своим направлениям. Вы? — Ближе ко мне сидел агроном Вася.

— Выводы у всех у нас были одни — без Бога ни до порога. Так, братья?

— Ты короче, тебе велено про свои опыты доложить.

— Опыт был в том, что засаживались и засеивались сразу по два участка каждой сельхозкультуры. Рядом. Уход один и тот, одни и те же погод-

ные условия. Но все до единой культуры дали поразительный результат: те, которые сажались с молитвой, те, над которыми свершался молебен, не были подвержены ни вредителям, ни сорнякам. Более того, когда я, для опыта, напускал вредителей, они сжирали все, кроме окропленных участков. Все видели — насекомые прямо будто натывались на препятствие и огибали плантацию.

— Священника приглашали? Откуда? — Я почему-то вспомнил «старца».

— Нет, Алеша окроплял.

Смущенный Алеша поднялся:

— Может, это самочиние у меня, самоуправство, ревность не по разуму? Но результаты подтверждаю.

— Молодец. Садитесь. Следующий по кругу. — Встал музыкант Георгий. Я удивился. — Что, и музыка без Бога ни до порога?

— Она-то как раз за порогом. Она у меня в увлечениях, — разъярил Георгий. — Мы, кроме основных, делали еще сообщения по своему выбору. Я и выбрал музыку. А так моя тема — исследование традиционных форм правления в России, сопоставление монархии и демократии. Вот квинтэссенции: выборная власть людей разоряет, ссорит, притупляет чувство ответственности за страну. Курс на благосостояние ведет к деньгам, от них к гордыне. Президентская власть держится угождением толпе, монархическая сильна исполнением заповедей Божиих. Власть не от Бога связана с силами зла и, в конце концов, неизбежно падает вместе с ними. Президент — временщик, царь — отец. Монархия сплавляет людей. И она не идеальна, по большому счету. Время судей было для Израиля более благоденственно, нежели время царей. Но они сами просили царя.

— Гера, это ликбез, — перебили его.

Встал и следующий.

— Социальные вопросы. Да ведь и у меня ликбез, потому что ни семьи, ни школы, ни заботы о стариках без веры в Бога быть не может. То есть может, но и школа будет растить англоязычных «фурсированных» егэроботов, и семьи будут распадаться, и старики будут несчастны. Болезни превращаются в средство наживы недобросовестных врачей. А недобросовестны те, кто живет без голоса Божьего в душе. Понимание того, что болезнь — это следствие греха должно войти в сознание людей. Перенесение болезни без ропота — начало выработки терпения... Так что и я ничего нового сказать не могу. Но они ждали, что я буду оправдывать аборт, эвтаназию, прости, Господи.

Он сел. Лысый Ильич сообщал о катаклизмах, как о наказании Божиим за грехи.

— Более того, я писал в выводах, что как Атиллы для Европы в первом тысячелетии, так и тайные общества со своими воспитанниками — большевиками для России были не случайно, а были бичом Божиим за вероотступничество. Но что эти же события высвечивали и величие Божие. Православную веру не смогло убить даже время Синодального правления. Иначе откуда бы явилось миру такое созвездие новомучеников начала двадцатого века? На одном Бутовском полигоне упокоилось более трехсот страдальцев, причисленных к лику Святых.

Все перекрестились. Ильич продолжил:

— А для сообщения по интересам я готовил исследование обезбоженного сожительства супругов. Коротко: я брал для простоты сравнения кошку и собаку и использовал народное замечание: кошку год корми — за день забудет, а собаку день корми — год будет помнить. Кошка в доме, собака во дворе. И идущее из глубины веков выражение о женщине: ребро Адама — кость упряма. Как мой знакомый охотник говорил своему кобелю: «Хоть ты и кобель, но ты хуже суки».

— Это интересно? — спросил я высокое собрание. — Вы тут, на этих пьянках, небось, сто раз все переговорили. Это не здесь я слышал: главное дело жены — загнать мужа в гроб, а потом говорить, что он был всех лучше?

— А вот это, может, вы не слышали, как подтверждение тезиса о пользе тиранства жены над мужем: если мужа жена не лелеяла, то открыл он закон Менделеева.

— Некогда уже комиковать. Да и не закон — систему.

— Систему сам Менделеев открыл.

— Садись, Ильич.

Ильич вытащил из кармана брюк блокнот, сверился:

— Еще же о торговле при демократии. Понимаю — надоело, поэтому только резюме: товары и продукты питания становятся все хуже и хуже и все дороже и дороже.

В тишине было слышно, как прогудела досрочно проснувшаяся муха.

— Шеф, — заговорил Иван Иванович, — надо снять из твоего дома всю, к хренам собачьим, электронику.

— Так-то оно бы и так, — я стал рассуждать вслух. — Но ведь это тут же заметят. Это бунт, неповиновение. Сделают выводы. А вот вы все, вы что, уже меченые? Вы не можете выйти за пределы круга? Почему Аркашу отбрасывало, когда он за мной устремился?

— Ну? — сурово спросил Иван Иванович, — вас спрашивают, отвечайте! Меченые? Думаю, да, — сказал он. — Пить надо меньше. Вас подловили на пьянке и прочищили. Сделали с вами, как со всеми будут делать: вначале прикормили как цыплят: цып-цып-цып, потом: чип-чип-чип. Точно так же будет. Прикормят, особенно молодежь, она сама побежит за печатью. Но вас немного утешу — это пока не печать антихриста, ибо ее принимать надо добровольно. А вы до этого не пали.

— Да если так, я эту печать с мясом вырежу! — взревел оборонщик. — Эх, повязали нас сонных.

— Будем рассуждать далее, — продолжил я. — Вас надо отсюда вывести и вывезти. Соберите мне паспорта. — Я вдруг заметил, что все они как-то виновато сникли. — Что, и паспортов нет? Ой-е-ей. Передо мной беспаспортные яйцеголовые бомжи с залежами ума и глыбами интеллекта. И куда вас? Георгий, Василий, Георгий — старший, сейчас же в избу Аркаши, пока он на свадьбе. Обыскать. Думаю, именно он ваши паспорта выкрал. Догадка. Но надо ее проверить.

Мужчины, на ходу застегиваясь, вышли. Встал скульптор.

— Позвольте? У меня выводы по борьбе с врагами России. — Два слова: они не уйдут от пословицы: жадность фраера сгубила, укусят себя за хвост. Деньги для них выше нравственности и религии. Пример: евреи и палестинцы враждуют, а туристическая еврейская мафия и туристическая палестинская мафия слились в экстазе. Демократы-силовики говорили: дай-

те нам денег — справимся с преступностью. Дали денег — преступность увеличилась.

— Хорошо, хорошо, — прервал я, — и это ясно. Как говорится в анекдоте про арабо-израильский конфликт: «Они уже здесь». Главный вывод: Россия, как сейчас и мы с вами, взята за горло и извне и изнутри. Чему удивляться — плоть противится духу, мир противится Православию. А у евреев, кстати, надо учиться, они раньше нашего были богоизбраны. Но не надо повторять их ошибки — рваться к деньгам и к власти. Рвутся столько веков, а каков результат? Постоянно несчастны. Вы видели хоть одного счастливого еврея? Два народа в мире: мы и евреи, остальные — прикладное...

— Только два народа? Услышали бы тебя китайцы.

— А что китайцы? Тоже жить хотят. Гениальные копиисты. Ну, дойдут до Крещатика и сразу в Днепр.

— Сеющий в плоть пожнет от нее тление, а сеющий в дух пожнет жизнь вечную. — Это, встав, торопливо произнес Алеша.

— Это утешает, — поблагодарил я. — Но вечную жизнь надо заслужить в жизни земной. — Я вздохнул, обвел всех взглядом, посмотрел на передний угол. — Наша задача — донести до людей простейшую мысль: если Россия не омоется слезами смирения, ей придется омыться кровью. И это не страшно, но лучше до этого не доводить. А смирение — это сила сильнейшая всех сил.

Глядели на меня мои новые братья по-разному, кто даже и глаза отводил, кто глядел виновато, кто смело и открыто, кто понурился. Но, подумал я, других пока не будет, вот это наше нынешнее воинство. Это же люди, русские люди, овцы стада Христова. Душу Господь положил за своих овец. Я выпрямился и объявил: — Заканчиваем военный совет. Живем спокойно, без паники, с молитвой. В трезвости. Готовимся к прорыву блокады, к выходу на Большую землю. Сухари, хлеб, теплую одежду. Час на сборы.

— Пойдите, — напряженно и порывисто сказал Алеша, — мне надо сказать. Обязательно. Как-то вдохновить. Вот... — Видно было, он волнуется. — Мы обречены.

— Почему это? — вскинулся оборонщик. — Прорвемся! Я танковое кончал.

— Обречены на смерть. Раз мы живые, значит, умрем. И если не за Христа, не за Россию, то попадем в пламя сжигающей совести, в угрызение мук душевных. Адское пламя — это же не выдумка. Подержите ладонь над свечой, больно, а там страшнее, там руку, и всего себя, не отдернешь. Мы — русские, у нас нет выхода, и мы — самые счастливые. Живем всех тяжелее, самый тяжелый Крест несем, именно нам доверил его Господь. И надо так его нести, будто мы сами этого хотели. Верит в нас Господь. Дано нам мужество и мудрость, любовь и смирение. Вот такие мы: гонимые, непонимаемые, всех жалеющие, всех спасающие, непобежденные и непобеждаемые.

— Слеза, слеза, чувствую — пробило. Да, непобеждаемые! — воскликнул оборонщик. — С детства не плакал. И не стыжусь, и рад. Ну, умрем, но ведь не зря.

— Говори, Алешка, — одобрил Георгий.

— Да, да! — подтвердил агроном Вася.

— Говори, запомню! — сказал социолог Ахрипов.

— Это хорошие слезы, дядя Сережа, хорошие. — Голос Алеши окреп, стал уверенным. Это знак и внутреннего Креста. Пора пробудиться нам! — чеканил Алеша. — Ночь прошла, а день приближается. Отвергнем дела тьмы, облечемся в оружие света. Ныне спасение ближе к нам, чем когда-либо.

— А!? — Я восторженно ткнул оборонщика в бок. — Есть, брат, на кого Россию оставить. Значит, ты раб Божий Сергей?

— Так получается.

— А у Ильича как имя?

— Самое русское — Николай. Да у всех тут нормальные.

— Час на сборы! — повторил я.

Пошел и сам собираться. А что было собирать? Если еще после приезда и сумка моя была не разобрана. Да я уже и забыл, что в ней. Взять? Нет. Брысь под лавку. Может, еще меня дожدهшься.

СКОРО УТРО, НО ЕЩЕ НОЧЬ

Аркаша храпел на полу. Генат спал сидя, уронив голову на стол и используя тарелку вместо подушки. Людмила, театрально жестикулируя, громко говорила:

— Дочка, того ли я вождедела, того ли алкала душа моя? Деточка, не начинай топтать тропинки моей судьбы. Не пей, прежде всего. Ведь перед тобою не мать, а приспособление для производства себе подобных, устройство такое рождательное. Таких, как я, и таких, как ты, начинают разводить искусственно, сечешь? Ты захочешь сказать: папа, а где я его тебе возьму? Где?

Людмила увидела меня, но даже и взгляд не остановила. Юля таскала на кухню посуду.

— Ну, что, медовый месяц начался? — бодро спросил я. Юля брезгливо дернула плечиком. Когда она проходила мимо, я торопливо, шопотом, произнес: — Оденься, выйди через минуту. — А вслух заметил: — Людмила, отдыхай. Все тут в вашем распоряжении, сегодня нашествия не будет.

— А со мной выпьешь? — спросила она. — Фигурально говоря? Или отцвела уж давно хризантема, и не только в саду?

— Мам, сказано тебе! Отдыхай! — прикрикнула Юля.

Я вышел и ходил у избы, глядя на звезды и читая Иисусову молитву. Нашел Полярную, безобманную звезду, сориентировался. Если мы на северо-восток от Москвы, значит, двигаться будем на юго-запад.

Юля выскочила в накинутом на плечи мужском полушубке. Бросилась на шею.

— Прямо стихи, — сказал я. — В литобледенение, помню, ходил один дядечка, он писал: «Я помню чудное мгновенье, ко мне ты бросилась на шею, и вот, висишь уж сорок лет».

— А мне и минуты нельзя повисеть?

— Юля, соедини меня с Викой.

— Зачем с Викой? Я уже знаю, что ты больше Лорке понравился. Да я не ревную, родня будем. Я-то, конечно, сама вообразила. Ты мне улыбнулся, я уже и сестричкам разбакланила, что выполнила приказ тебя охмурить. «Мне стало очень весело», — сестричкам я сэмэсила. Я честно думала, что у нас с тобой все будет чики-пики.

- Налаживай жизнь с Геной. Отучи от вина.
- Какая жизнь? Ты что, с дубу рухнул? Мы же безчувственные, мы же новая порода женщин, нас вывели искусственно.
- Юля, соедини меня с Викой.
- У-у, какой. Вот чем загружаешь. А не спросил, можно ли.
- Вы общаетесь, значит, можно.

Юля достала сотовый и мелконько, крашеным ноготком, в него покле-вала. Подождала.

— Это я, — сказала она, — не спишь? Да какая свадьба, постная коме-дия. Жених хрюкает в салате. Слушай, тут ты нужна. Передаю трубку.

— Вика, — торопливо и напористо сказал я, — соедини меня с Гусе-ничем. У него я был. После вас. Меня к нему завезли. Надо договорить. Соедини. — В телефоне молчали, и я спросил Юлю: — Тебе Вика отве-чала? Что ж она молчит? — Вдруг в трубке раздался четкий мужской го-лос: — Слушаю вас. Чему обязан?

— Если поздно, извините. Могу ли я говорить открытым текстом?

— Да. Такой роскошью в своих телефонах я располагаю.

— Мне надо этих ученых вернуть их семьям.

— Задача. — Он помолчал, потом даже усмехнулся. — Узнаю рус-ских — сам погибай, товарища выручай. — Еще помолчал, еще хмык-нул. — А если и семей уже нет? Не лучше ли и им вслед за родными?

— Не лучше. Они нужны России.

— Почему они? Россия богата умами. Купим новых.

— Эти не продажны. Ваше упование на деньги тупиково. Это тактика. Стратегически победит душа.

— Не надо метафизики. Я подумаю. Все скажет Вика. На прощание вопрос: нам придется говорить: Ты победил, Галилеянин?

— Конечно. Христос всегда Тот же. И был, и есть, и будет. Он — Ка-мень, на Котором стоит мироздание. Он вечен и безсмертен. Его ли коле-бать? Милосерден Господь, но есть же и Божий гнев. Возьмет, да стрях-нет... Вы спали, наверное, уже?

— Это вы спите, а мы не спим.

— Я могу и дальше продолжить: «Вы устаете, а мы не устает, вы мало едите, мы вообще можем не есть», так? Но терпения, но смирения нет у вас.

— Антоний? Помню. Что ж, простимся? Стоп! — резко остановил он прощание. — Значит, есть свобода воли, но есть и безсмертие души?

— Да.

— Но если я со своей свободой воли не хочу безсмертия души? Свобода выбора дана мне Богом, и Он же меня ее лишает, это как? Нелогично.

— Но надо же когда-то и отвечать за свои дела на земле. Да и нам ли решать за Бога. И чем плохо — предстать с чистой совестью пред Всевыш-ним?

— Давненько не слышал нравоучений, — сказал он. — Я-то привык, что, в основном передо мной отчитываются. Всего доброго.

В телефоне щелкнуло. Я думал — конец связи, нет, тут же зазвучал веселый голос Вики:

— Поговорили?

— Вичокка, — растерянно сказал я, — ради чего звонил, то и не ска-зал ему. Мне же денег надо было попросить.

— Это не проблема, — утешила она. — Деньги его не чешут. Сколько?
— Не знаю. Сейчас примерно посчитаю.
— Не надо считать. Миллиона хватит?
— Думаю, да.
— Ну и ладушки.
— Ладушки, ладушки жили у Бен-ладушки.
— Ну, вы опять нормально, — восхитилась Вика. — Гусенич уржется.
— Прочитируешь ему?
— А то как же! Надо его вздрючивать, а то он как-то последнее время чего-то не того. «Сядь, — говорит, — на мобильник на паспорт сниму». Отходняк мне, что ли, готовит? Да я не сдвинусь, пусть не надеется. Хоть я и кукла безчувственная, а без зимнего леса не проживу. — Она помолчала, видимо, ждала, что я что-то скажу. Что я мог сказать? Вика попрощалась и попросила: — Юльке телефон дайте.

— Да, скажи поклон Лоре, передай: будет молиться Божией Матери — и сама поймет, как поступать.

— Я скажу: вы сказали: скажи Лорочке.

— Конечно. — Я отдал мобильник Юле. — Спасибо, Юлечка. Иди спать, детское время вышло.

Она скорбно понурилась, а я опять пошагал к Иван Ивановичу. Вспомнил материнскую поговорку. То есть она была общерусской, но мама ее часто употребляла в паре с другой: «На зло молитвы нет». А поговорка эта: «Бес силен, да воли нет», очень была мне сейчас нужна, чтобы обрести спокойствие души. Я думал: ведь эти ученые говорили заказчикам правду, что ж не поверили правде? Выходит, такая правда заказчикам не нужна. То есть они паки и паки надеются покорить Россию, надеть ей очередной хомут, загнать в стойло непонятный им и непокорный русский народ? Ничего не выйдет. Ну да, кому-то покажется притягательным возглас демократов: вначале выведите людей на высокий материальный уровень, потом говорите им о духовности, но это именно увод от Бога. Кто-то уже клюнул на удочку замены религии религиозным чувством, но русской душе этого будет мало. Тайные общества всегда говорили о религии, как о части мировой культуры. И будут говорить, что им остается? Трусят друг перед другом, а Бога не боятся.

Навстречу мне шли посланные в дом Аркаши.

НА СВОБОДУ С ЧИСТОЙ СОВЕСТЬЮ

Оборонщик доложил: паспорта найдены, вещи собираются, личный состав прибудет для построения во время.

— Ложитесь подремать у меня. Только вначале Аркашу разбудите и отправьте домой. Если хай поднимет — к морде кулак и фразу: «Сгоришь вместе со своей хазой».

— Это сделаем, — довольно сказал оборонщик.

— Спросите, кто ему велел выкрасть паспорта. Хотя уже неважно. Все!

Усевшись в низкое кресло, я немного подремал. Иван Иванович вздыхал на диване. Ночной петух, непонятно откуда взявшийся, пропел побудку.

— Что, брат во Христе, Иоанн, ждать третьих петухов не будем. — Я отошел к рукомойнику, поплескал на лицо. — Я тебя не спрашиваю, пой-

дешь или нет с нами, не надо, сиди тут. Главное, чтоб добраться, а то боюсь это новое правительство снюхалось с тем, что сейчас у власти. Хотя никто властью делиться не любит. Мы вернемся, даст Бог.

— Это бы неплохо, — захрюхтел Иван Иванович. — Беру обязательство похудеть наполовину. Буду по ночам ходить по селу с колотушкой.

— Молись за нас.

— Это можно и не говорить. Алешка! — крикнул Иван Иванович.

— Пора уже? — откликнулся откуда-то сверху Алеша. — Оказывает-ся, он угрелся на печке. И сейчас легко с нее прыгнул.

— Лежмя лежал, или сиднем сидел? — спросил я. — Богатырь!

Мы троекратно обнялись с Иван Ивановичем и вышли под тусклые звезды. Одна не сдавалась, горела ярко. Мы переглянулись с Алешей и оба поняли, что оба вспомнили евангельскую утреннюю звезду.

— Мне, грешному, такое счастье было в жизни — несколько раз видел схождение Благодатного Огня на Гроб Господень. Ты, Алеша, еще увидишь.

— Дай Бог. Но вот я прямо в отчаянии, — Алеша перекрестился, — как же весь мир не вразумляется, что Господь яснее ясного показывает, что только вера православная истинна, только православным дарится Огонь, как? Все на что-то надеются. Лишь бы без Бога жить. И ведь живут.

— Живут. И нам дай Бог до лета дожить. Пойдем на Великорецкий Крестный ход. Там недавно шел из любопытства американец. Приехал русских туземцев снимать. Но не до конца был заамериканенный, увидел, что это такое — любовь к Богу. Крестился в Православие. Говорит священнику: «Я приобрел дополнительный опыт». Священник ему: «Ты не опыт приобрел, ты человеком стал».

Рядом вдруг оказался поэт в очках. Впервые я увидел его не лежащим на полу. Он шел и говорил, не заботясь о слушателях: «Созидем мы, собравши силы, почти у бездны на краю, из разроссиенной России Россию кровную свою».

Пришагали к моей избе. Я признался себе, что она стала мне дорога. Чем не келья? А село, чем не монастырь? А Алеша, чем не настоятель? — Но даже и в мелькнувшей мысли все это было так зыбко, как снежный туман над полями. Сейчас надо бежать. Именно так. Добираться до города, на поезд. Если еще доберемся до города. Но почему-то я думал, что Гусенич нас пощадит. Другое дело Николай Иванович, тот безпощаден.

Далее, как в сказке. Подъехал знакомый снегоход, выскочил водитель, вручил мне пакет, козырнул, вскочил обратно в кабину и снегоход ускользнул.

От избы, прямо по сугробам, в одних туфельках, бежала Юля, протягивала мобильник.

— Это вам насовсем. Он вас к телефону, срочно.

— Да. — Да, это он.

— Вы же любите врагов своих, что ж вам не пожалеть денницу?

— Господь с ним Сам разберется.

Слышно было — он вздохнул.

— Понимаю, что вы не хотите того, что движется на Россию. Но тут я не властен. Часы пущены.

— Ничего, не страшно. Они всегда тикают. Но вы им скажите о последних. Скажите, что никто никогда Россию не побеждал.

— Кому я скажу? Себе? Но поймите — Россия уходит из истории.
— Это не она уходит, а мир кончает самоубийством. У тела есть душа, и у мира есть душа. Это Россия. Освободившись от тела, она еще лучше заживет.

— Прощайте, — прервал он — Вас проводят. Охрану я выслал.
Я сунул мобильник в карман.

— Ну, что, креационисты, носифляне. Сверим часы.

Небо начинало светлеть. Восток, как поставленный на плиту, начал разогреваться.

— Нас будут охранять, — сообщил я.

— С автоматами и с лопатами? — спросил Сергей.

— Почему с лопатами?

— Чтоб сразу и закопать. Все наши таланты и нас. Шутка такая: был бы талант, а лопата — его закопать — найдется.

У меня яственно просигналил мобильник. Эсмэска: «Прошу вас покинуть мои сны». Очень во-время.

— Брат Алексей, читай молитву.

Мы сняли шапки и перекрестились, глядя на рассветное небо.

— Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

ПАСХА
ХРИСТОВА

ПОЭЗИЯ

Татьяна ШОРОХОВА

МОЛИТЬСЯ О СПАСЕНИИ ОТЧИЗНЫ

Татьяна Сергеевна Шорохова — родилась в городе Люботин Харьковской области. Большая часть жизни прошла в Крыму. Автор многих сборников стихов, книг прозы и статей. Лауреат премии им. Св. Александра Невского. Член СП России. **Живет в городе Тосно Ленинградской области.**

ЗАВИСИТ ОТ НАС

Русь! — и снова в рабыни?
В нищете, за потерями
Мы как будто забыли,
Что Россия — Империя.

Слышу речи бессильных:
«Умирает от старости...»
Но я верю в Россию
По Кронштадтскому Пастырю,

В околпаченных буднях
Есть и довод всесильный:
Знай, *какими мы будем —
Будет наша Россия.*

В БУДНИ-ПРАЗДНИКИ

Я зачем себя тружу,
Жгу потерями?..
По Империи хожу
Без Империи.
Все смотрю на белый свет
В будни-праздники:
То ли — Русь, а то ли — нет, —
Люди разные...
А вокруг заморской лжи
Понаклеено!..
Богу и Царю служить
С виду некому.
Нищеты блестящей след
Слепит стразами:
То ли — Русь, а то ли — нет, —
Люди разные.

ЦАРЬ В ГОЛОВЕ

*Мужик Богу свеча,
Государю слуга
Русская пословица*

Чтоб людям не запутаться в словах,
Скажу попроще, не играя словом:
Коль нет Царя у русских в головах,
То не народ мы — толпы безголовых.

Народ в Отцах — Небесном и земном —
Себя одной семьей считает, родом.
А, позабыв о Первом и втором,
Мы русскую утратили природу.

Орлом двуглавым сердце удержу
И помолюсь пред Богом с Патриархом.
Я русский дух теперь лишь нахожу
В церквях и у могильных плит монархов.

Не жребий титулованных девиц
Мне выпал в жизни — строй советской *школы*,
Но слезы, покидая стыд ресниц,
С души смывают красную крамолу.

И сердце открывается любви,
Которую не насадили в детстве...
Зато теперь ее благой прилив —
Великий дар оттаявшему сердцу.

И я за то Творца благодарю,
Что дал прозренья, пусть уже под старость,
Открыв тропу святую к алтарю,
И к Царственной Семье затеплив жалость.

Мне Русской власти яблоневый цвет —
Весенняя надежда спелой жизни —
Явил плодоношения совет:
Молиться о спасении Отчизны.

РУССКИМ ЛЮДЯМ

Проживете вы в веселой дремоте —
Вам покажут огоньки на болоте,
Выдавая их за светочи жизни
В нашей щедрой, легковерной Отчизне.
А России русской больше не будет? —
Что случилось с нами, русские люди?
Доведут нас — ну, куда вы идете?! —
До трясины огоньки на болоте.

ГРУСТНОЕ ПРОРОЧЕСТВО

Мы соберемся в города.
На землю пустим чужеземца,
И нам из бургов никуда
Уж не вернуться и не деться.

Деревни покидая зря,
Себя разрывом обессилим,
И превратятся в лагерь
Для русских — города России.

ПОЧЕМУ?

— Почему себе мы прочим
Разделить удел несчастных?

— Потому что очень-очень
Для души они опасны —

Не шумы далекой битвы,
Не в темнице перестуки, —
А неискренней молитвы
Умирающие звуки.

НАШ ПУТЬ

Отнимут хлеб, пометят и клеймом,
В грязи утопят, подомнут Россию, —
Нас будут бить, пока мы не пойдем,
Что только в Боге — русских мощь и сила.
Лишь в нашем Боге — в русском — во Христе! —
Измену омывает покаяние.
Отцы в войну распялись на кресте,
А наше дело — в храмах предстояние.

В НАЧАЛЕ СТАРОСТИ

Уже не манят паруса —
Мы их повадки знаем —
И прямо в старость, как впросак,
Однажды попадаем.

Уже я чувствую вполне,
Когда изнемогаю,

Что кто-то гасит жизнь во мне,
А кто-то — возжигает.

Но там, где без красивых слов
Душа, как поле битвы,
Нам светит вечная Любовь,
И греют нас молитвы.

* * *

За ударом опять удар...

Но останется в нас навеки
Этот — Неба великий дар —
Видеть Господа в человеке.

Оглянись, и я оглянусь:
После каждого убиения

Воскресала на этом Русь,
Пережив нищету паденья.

И с молитвою на устах
Вижу вновь, вопреки потерям:
Образ Божий в русских сердцах
Побеждает и тьму, и зверя.

ПРОЗА

Виктор ЛИХОНОСОВ

АВГУСТЕЙШИЙ АТАМАН

Виктор Иванович Лихонос — родился в 1936 г. на ст. Топки Кемеровской обл. Окончил Краснодарский государственный педагогический институт. Работал учителем. Автор многих книг прозы. Лауреат премии СП СССР и Государственной премии РФ. Член высшего творческого совета при правлении СП России. Почетный гражданин города Краснодара. Гл. редактор журнала «Родная Кубань». **Живет в Краснодаре.**

После «простого и высоко-милостивого приема» дан был высочайший завтрак в столовой дворца. Государева свита, дамы, офицеры конвоя расселись на места, указанные карточками. Перед роскошными букетами, по бокам от государя, пухом опустились на стулья дочери: Ольга, Татьяна (самая красивая, в мать), Мария, Анастасия (самая живая и маленькая). Государыни и наследника не было.

За царским столом не наешь-ся из золотых тарелок, это тебе не в хате и не в степи, когда таскаешь ложку в рот и ни о каком приличии не думаешь; тут уколешь вилкой кружочек колбасы и боишься, как бы она не сорвалась на скатерть, и к тому же нет аппетита, все больше глядишь на августейших особ и слушаешь тосты. Конечно, те времена, когда Екатерина II в знак особой милости посылала кошевому атаману к концу обеда десерт, прошли безвозвратно, все при новых императорах стало проще, но лишнего не скажешь, а уж тем более не отмочишь грубоватую шутку.

Дочки царские тоже мало ели, были они как лебедушки, откровенно посматривали на казаков, то на одного, то на другого, и (что значит сословная разница!) самый старый из них, самый гордый и храбрый, смущался и считал себя обязанным преклонить свое чувство. Чего ж: кто-то же должен стоять над ними, не пахать, не сеять, а только освящать собою знамя державы.

Когда подали полоскательницы для рук, Лука Костогрыз хмыкнул про себя и было уже

ткнулся рассказать один старый случай, но сдержался и лишь шепотом поделился с атаманом станицы Таманской.

Тот реготнул тихонечко, однако царь услышал и спросил:

— Может, это интересно и для нас?

— Да не знаем, как сказать, ваше величество, — оправдался Костогрыз непонятно в чем.

— Нет, мы хотим.

— Пожалуйста. Чашки с водой принесли, це ж руки пополоскать. А годов так пятьдесят назад у нас на Кубани у наказного атамана графа Сумарокова-Эльстона (я ще застал его) был обед. И подали также полоскательницы. Архиерей глядел-глядел на эти чашки с водой, взял и выпил! Разом. А граф тогда, шоб не опозорить архиерея, подморгнул соседям и сам напился тоже. Так я и вспомнил.

Генерал Бабыч облегченно засмеялся вслед за царем, дочки переглянулись, Толстопят мигнул офицерам.

— Ваше величество, — вскочил в паузу Бабыч, — позвольте спросить: наши казаки интересуются, будут ли они иметь счастье видеть своего августейшего атамана.

— Ваш атаман где-нибудь за игрушками...

Нужно было великодушно улыбнуться, и дамы, свита улыбнулись. Казаки расстроились.

Но через десяток минут семилетний атаман всех казачьих войск, в платице, похожий на девочку, жалобно заглядывал в окно столовой, потом толкал ножкой дверь, припертую кушеткой.

— Папа! — звал он настойчиво. — Открой.

Государь улыбнулся для всех: вот, мол, ваш атаман и будущий правитель.

— У, какой ты. Нехороший папа.

— Ангелочек... — громко вздохнул Бабыч.

В 1875 году таким же маленьким херувимчиком видел Костогрыз нынешнего императора, в штанишках с тесемочками, пухленького, с теми же красивыми глазами, обвязанного такой заботой, какой и в снах не смогли бы получить казачата. Государь, видимо, заметил на лице Костогрыза какое-то переживание и спросил:

— И у тебя есть внуки?

— И правнуки, ваше величество. Один внук у вас, сейчас на воротах стоит. Дионис. — Костогрыз заплакал.

— Я его знаю. Хорошо поет и пляшет.

— Та в деда ж. Я всегда перед вашим батьком плясал. Подали кофе, и государь разрешил курить.

— В честь встречи с вами, ваше величество, закурим по толстой, — пошутил Костогрыз. Он достал из кисета люльку, намял в горлышко турецкого табаку и под внимательными взглядами великих княжен, дочечек, к которым он испытывал дедовскую нежность, прислонил горящую спичку, пыхнул раз-другой. А для дочек размотал и снова завернул за ухо оселедец. Пускай посмеются.

Августейший Атаман — Цесаревич Алексей. Старинное фото.

— Па-апа! — все удивлялся цесаревич, что его не пускают к взрослым. — Откройся! Ну на минуточку. На самую-самую одну минуточку, папа. Поиграй со мной. — Гости глазами просили державного: пустите малютку, ваше величество. — Папа. Никуда твое казачество не денется и в лес не сбежит. — Хохот покрыл столовую. — Эх вы, какие барины, сами сидите, а я один.

Сестра Анастасия подошла к двери, что-то пошептала через стекло и вернулась.

— Вот ты какой, папа! Прямо чудо на тебя смотреть. Слепые глаза у тебя, что ли? Я маме скажу.

— Пустить? — спросил государь у гостей.

— Будем счастливы, ваше величество, — сказал Бабыч.

— Мама моя послала не для того, чтобы я стоял и смотрел на вас, баринов. Мама послала, чтобы поиграл со мной. Что я буду тут стоять? Мама уже платье надела. Какой ты. Папа. Папа римский.

— Не даст нам покоя, — сказал государь и встал. — Суровый атаман, держитесь, казаки...

Старшая, Ольга, убрала от дверки кушетку и подвела мальчика к отцу. Тот взял его на руки.

— Время по телефону разговаривать у тебя есть, — продолжал упрекать наследник царя, — а поиграть со мной время нет...

— Войско твоё кубанское приехало в гости... А какие подарки тебе!

— Ко мне? Ко мне по службе? — Дитя грозно оглянулось на белевших в нарядах сестер. — Ко мне по службе. Вам тут не место.

— Каков служака августейший атаман, а! — подсластил Бабыч и сделал два шага к наследнику.

Отец-государь спустил мальчика на пол.

— Принимай...

Толстопят стоял сзади и подмечал, как кубанское начальство приноравливается к высшей власти.

— Возьми шашку, — ласково приказал самодержавный отец.

Кудрявый, с полным румяным личиком и смышленными глазками будущий повелитель России стоял в ожидании с протянутой ручкой. Генерал Бабыч, приняв от казака маленькую, с золотой рукояткою шашку и положив ее на вытянутые руки, приблизился, согнулся в поклоне, приравняв малышку к взрослым («оце носи, ваше высочество, и командуй казачьим войском»), сцепил шашку с пояском.

Казак передал генералу и казачью пику.

— Возьми и пику, — подтолкнул опять словом отец. — Как дорастешь до нее, поведешь в поход на врагов. Что надо сказать?

Дитя вдруг засмушалось и пригнуло подбородок к груди.

— Спасибо, господа казаки, — научал отец. — Передайте, скажи, поклон всем от мала до велика.

— Эти слова мне не по вкусу.

— На то ты и атаман, — придумай другие.

— Благодарю покорно! — выкрикнул наследник и сорвался с места. — Никогда не сомневался в моих славных кубанцах!

— Ну, вот.

— Кланяйтесь от меня вашим семействам. Служите России и мне, — повторял он слышанные слова отца, улыбнулся, взмахнул ручкой и побежал в сад под стеклянной крышей.

Государь и гости последовали за ним. Исполнился всего месяц, как убили премьера Столыпина, могучего защитника самоправства, но ничего не поколебало, видать, уверенности государя в прочности власти; он шутил, на лице не выражалось и тени глубокой потери, или это так принято — скрывать муки души, или у него таких много: ушел один, поставили другого и опять цело-невредимо? Государь изредка приосанивался, откидывал назад голову, покручивая усы; слегка поучал, как управлять Кубанью. Большие брови старили его очень.

— Воспитывайте молодое казачество в преданности. Чтобы юношество получало воспитание в правилах чистой веры, доброй нравственности...

— Усердствуем, ваше величество, — заверял Бабыч.

— Жалоб много пишут?

Неужели министерство двора не кладет жалоб на царский стол?

— Жалобы бывают, — робко сказал Бабыч.

— О чем?

— В основном жалуются на атаманов, полицейских. Самовар вот отобрал атаман, что великий князь, покойный Михаил Николаевич, подарил кормилице Александра Михайловича. Не найдем никак.

— А почему я об этом не знаю?

— Отобрали давно, ваше величество.

— Кормилица Анисья, ваше величество, — посмел вступить в разговор Толстопят, — недавно умерла. Мне написали. В Магдалинском монастыре.

— Это прискорбно. Я спрошу у Александра Михайловича.

Говорили еще о предстоящих юбилеях; о столетии Отечественной войны с Наполеоном и трехсотлетию дома Романовых. Бабыч приглашал его величество на Кубань.

— Поохотиться можно? Что на это скажет старый конвоец? — допросил государь Костогрыза.

— Фазана, ваше величество, не стало. Камыш покосили, терен попололи, нема для фазана того причала. И куропатке негде сесть. В семьдесят втором году каждая станица ловила по двадцать пять штук; меня, помню, командировали, я в клетках привез сто двадцать восемь штук живыми для государя в Ливадию, причем некоторые поранены. Уряднику за доставку золотые часы, а мне двадцать пять рублей. Так то ж фазаны! Земли, ваше величество, стае так мало, что скоро негде будет и свинью со двора выгнать. А без земли какие мы казаки?

— Не будет казаков? Мой наследник без конвоя останется? У вас на добрую Англию нераспаханных земель. Так, запорожцы.

Затягивать беседу с царем было не положено, но Костогрыз, все подумывая о том, что он в кругу царской милости последний раз на веку, опережая Бабыча, докладывал его величеству о житье-бытье на Кубани.

— Еще сидят у нас около дворов старцы-пластуны на стульчиках. Слышит слепой казак, болотные птицы летят, застонет: «Диточки! Диточки! Дайте мне заряженное ружье, я хоть выстрелю туда, где они летят, и то мне легче будет».

— Передайте ему поклон от меня.

— Обязательно, ваше величество. Семьдесят шесть моих лет уже кануло в вечность, с двенадцатым наказным атаманом живу, а есть казаки и постарше. Давно была та Кавказская война. Многие герои погибли в лоне Авраама. Когда приезжал к нам великий князь Михаил Николаевич (то еще он наместником Кавказа был), и поехал он в Закубанье лесными зарослями. А черкесские дозорные на верхушках сидят и криками передают: «Казаки!» А те дальше, в аул. Михаил Николаевич и спрашивает: «Неужели казаки не могут пристрелить?»

А наказный атаман: «Могут». — «Ну?» — «Выстрел, ваше высочество, вызовет у них озлобление». — «Прекрасно. Так покажите мне, по крайней мере, искусство казаков в стрельбе». Позвали пластуна, шо сейчас сидит на стульчике в Пашковской. Пришел. В постолах из кабаньей кожи, в поношенном бешмете, шапка на нем лохматая. «Можешь застрелить черкеса на дереве? Что он кричит во все горло!» — «Так точно, ваше императорское высочество». — «Пристрели». — «Не бей конного, говорят, а бей того, шо с коня слезает». — «Пристрели». — «Как прикажете? Вот так, как стою, возле вас, ни с места?» — «Вот так». Он снял штуцер с плеча, раза два к плечу приложил, на глаз прицелился. Готово! Он в пятнадцать годов стрелял кабана в око за двести шагов. Теперь слепой, болотных птиц слушает.

— Передаю ему через наказного атамана серебряный портсигар. Бравые кубанцы.

— На то воля Божья. Теперь у нас в Пашковке каждый двор имеет друга-черкеса из аула. И коней воровать перестали, и жен наших тягать за Кубань. У меня пол-аула в друзьях.

— Под русским двуглавым орлом хватит простора всем народностям.

— У нас их в Екатеринодаре много.

— Не обижаете?

— Казака в городе нет. Одни офицеры. Персы, турки с товарами в лавках, болгары с овощами, армяне магазинов понаставили, греки кофейни держат. Горько дивиться казаку, как бабы их понаденут на каждый палец штук по десять перстней, ходят как павы, подушками (веерами) у глаз помахивают.

Бабыч плечом оттирал заболтавшегося Костогрыза, но зря: прием и без того подходил к концу. Все еще раз полюбовались княжнами-дочками, августейшим атаманом, и каждый, верно, сравнивал их со своими детьми, внуками. Натолкали казаки в карманы оставшиеся после чая гостинцы, разобрали на память цветы; конфеты в красивых бумажках будут всю дорогу беречься для внуков, а семена яблок и апельсин думали посадить, чтобы правнуки помнили, как деды их к царю ходили с медным запорожцем. Потом стали стенкой и дружно пропели «Спаси, Господи, люди Твоя». Была, кажется, великая то минута, и потом, через годы, когда вся царская семья погибла, минута расставания так и застыла в глазах: печальные голубые глаза государя, желавшего, чтобы депутация разнесла по Кубани о нем молву, красавицы дочери и вырывавшийся из рук старшей наследник. И мысли Костогрыза о том, что он будет много-много лет лежать в могиле, а эти пятеро, романовского корня счастливицы, будут приезжать и приезжать в Ливадию и глядеть с балконов на море. Он и думать не думал, что им всем не дано будет узнать даже любви, что он на целый год переживет их...

**Маргарита
ДМИТРИЕВА**

ЦАРСКАЯ ЭСТЕТИКА

*Искусство в доме
первых Романовых*

Маргарита Анатольевна Дмитриева — родилась в Петербурге, закончила филологический факультет РГПУ имени Герцена, кандидат филологических наук, сценарист радиоканала «Малая Садовая», автор программ «Петербургское детство», «Старинная словесность», а также телесериала «Царская муза» (канал «Культура», 2008 год). Сфера исследовательских интересов посвящена культурным интересам семьи Романовых. **Живет в Санкт-Петербурге.**

В последнее время история семьи Романовых вызывает не только политический, но искусствоведческий и культурологический интерес. Возникают новые интерпретации в изучении династии — это художественные интересы августейших лиц. За триста лет существования дома Романовых накопилось значительное культурное наследие царствующей семьи. Принадлежность к большой политике не мешала им обладать тонким художественным вкусом, играть на сцене, сочинять музыку, писать картины, участвовать в создании архитектурных сооружений — то есть, по существу, быть авторами (или соавторами) художественных произведений. Цари и великие князья выбирали свою эстетику, свою музу — особое державное пространство красоты. Есть все основания полагать, что стремление к Прекрасному послужило одним из истоков создания отечественной государственности.

Разумеется, каждый правитель России по-своему осуществлял эту «государственную» потребность в художественном творчестве. Князь Владимир Креститель, как известно, избрал византийскую веру, руководимый также и эстетическими переживаниями. Александр Первый, освободитель Европы от Наполеона, прекрасно играл на скрипке, «рыцарь самодержавия» Николай Первый исполнял в юном возрасте небольшой балет, написанный его сестрой великой княгиней Анной Павловной, императрица Мария Александровна собирала древнерусские иконы. В ситуа-

ции строгого подчинения монаршему этикету художественное творчество в широком смысле слова было одной из возможностей придать царству определенный культурно-исторический стиль, осуществить его как своего рода креативный проект. В некоторых случаях придворный регламент сталкивался с амбицией художника, ведь великие князья и княгини (не говоря уже о царствующих особах) не могли быть артистами. Ярким примером такого «конфликта» была поэтическая деятельность князя Константина Константиновича Романова, вынужденного печататься под псевдонимом К.Р. Однако художественные

интересы Романовых становятся неоспоримой частью их государственного и личного становления, эстетической историей их жизни. В некоторых случаях творчество венценосцев оставило свой след в большой культуре. Так, императрица Екатерина Вторая, без сомнения, была одним из самых ярких драматургов восемнадцатого века, безбоязненно отступив от литературных канонов своего времени.

Это новаторство понятно — царский двор первым в стране узнавал о новых тенденциях в литературе и искусстве, обладал неоспоримым правом приглашать во дворец знаменитых европейских артистов, устраивал во дворце литературные и театральные премьеры. У августейших особ хватало умения и такта сделать известных писателей и художников союзниками в деле укрепления могущества России.

Как известно, Гавриил Романович Державин очаровал Екатерину Вторую тем, что дружественно и лично написал о ней в оде «Фелица». И она смогла оценить не только то, *что* написано, но и *как* это написано, как мастерски соткан текст. Романовы всегда отличались утонченным художественным вкусом, это была художественно одаренная династия. Иначе они не смогли бы создать такую мощную, эстетически оформленную державу, как Российская империя. Вспомним начало XVII века.

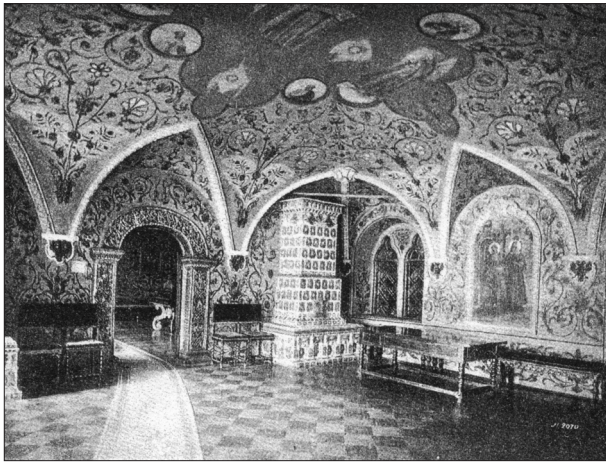

Царь Алексей Михайлович

Первый Романов, Михаил Федорович, унаследовал лучшие качества династии Рюриковичей, в том числе, перенял их любовь к изящному. Напомним, что древнерусские князья обладали высокой книжной культурой, знали несколько иностранных языков, устраивали школы для боярских детей, изучали богословие, иконопись, сами пробовали писать проповеди и молитвы — как, например, Владимир Мономах или Иоанн Грозный.

Главной «музой» Романовых, без сомнения, было Слово, богомольное, молитвенное и просто литературное. Трудно среди Романовых указать того, кто совершенно не умел и не хотел писать, — письма ли, воспоминания, драмы, стихи. По указу первого Романова — Михаила Федоровича была издана печатная Псалтирь — важнейшая богослужебная книга, которую он назвал «сокровищем, паче тысяч всяческих сокровищ мира» и «букварь языка словенска, сиречь начало учения детям, хотящим обучитися чтению Божественных писаний с молитвами и со изложением кратких вопросов в вере». Собственно, тогда было положено начало народной грамоте...

Сын Михаила Федоровича, Алексей Михайлович, получивший в народе название Тишайший, не менее отца почитал просвещение. Это был один из самых «церемониальных» царей. В православной

Столовая царя Алексея Михайловича

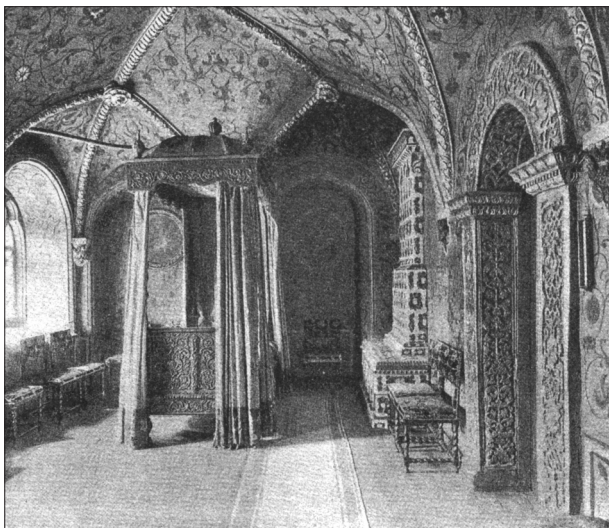
службе Алексей Михайлович любил и дух, и «обряд» — саму «архитектуру» службы, саму композицию. Так, в Крещение, царь, в своей диадеме и платье, унизанном жемчугами, осыпанном дорогими камнями, шествовал на Иордань, сопровождаемый всех чинов людьми, одетыми сообразно своему званию. В Вербное Воскресенье он всенародно вел

под уздцы коня, на котором восседал патриарх. В этом было что-то особенное, это был в лучшем смысле слова христианский «театр».

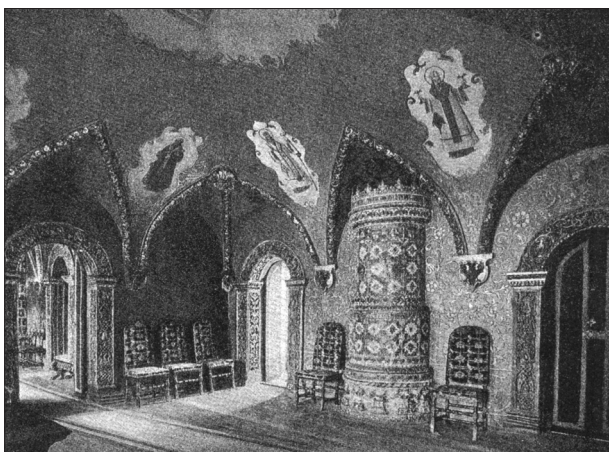
Было и «действие многолетнего здравия», когда 1 сентября, в церковное новолетие, вся Красная площадь поздравляла государя с новым годом, и все великое множество народа, и все стрелецкие полки, все в одно мгновение ударяли челом в землю, падали на колени, «многолетствовали» Царскому Величеству. А Патриарх благославлял народ крестом. Так чинно и честно встречали на Руси новый год...

Присутствовал Царь и на «пещном действе», или «халдейской печи», когда в неделю Праотцев в Успенском соборе проходил чин «воспоминания сожжения трех отроков». Посреди собора между столпами устраивалась из дерева решетчатая печь «в виде огромного фонаря, расписанная суриком»¹. Фонарь был унизан железными шандалами, в которых горели восковые свечи. Трех отроков, наряженных в полотняные стихари, и халдеев, одетых в особые «халдейские одежды», изображали патриаршие певчие. «Халдеи» заводили отроков в печь, но сверху «с великим шумом» спускался ангел, «фигура, писанная на пергаменте». Отроки кланялись ему, цеплялись за его белые огромные крылья, и «три раза обходили с ним в печи кругом», славя Бога.

Был еще один великий церемониал, который до онемения потрясал современников царя. «В православной церкви в неделю мясопустную совершалось **«действие Страшного суда»**. В нем непременно участвовали патриарх и государь. Кончалось действие тем, что патриарх отирал губкою икону — образ Страшного суда.... Кропил святой водою государя, властей духовных и светских и всенародное множество, присутствовавшее при совершении сего обряда. Отирание губкой и было «обновлением» в древнерусском смысле, оно как бы сближало бренных людей и вечность, напоминало о том, что Страшный суд может

*Опочивальня
царя Алексея Михайловича*

*Приемная палата
царя Алексея Михайловича*

¹ Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы за триста лет. Л., 1991. С. 59.

Обряд поднесения царю перчатки на соколиной охоте

настать каждый миг»². Этот «царский театр» Алексея Михайловича был довольно строгим, он не допускал преувеличенной зрелищности мистерии³. По мнению некоторых исследователей, Алексей Михайлович и сам составил немало церемониалов для больших и малых выходов, торжественных выездов и праздничных обрядов⁴.

Перед выходом на действо «суда», рано утром, часа за три до рассвета, государь совершал обход всех тюрем и приказов, где сидели колодники, и всех богаделен, и оказывал милости, и прощал врагов своих⁵. Свои мысли о существе царского служения Алексей Михайлович черпал, по-видимому, из чина царского венчания или же непосредственно из главы 9-й Книги Премудрости Соломона. В письме к князю Н. И. Одоевскому, например, царь писал: «а мы, великий государь, ежедневно просим у Создателя, чтобы Господь Бог даровал нам, великому Государю, и вам, боярам, с нами единодушно люди Его, Световы, разсудити вправду, всем равно».

Не только отечественная, но и западная культурная традиция привлекала Алексея Михайловича. При его дворе иностранное искусство принимает более постоянные формы. Устраивается нечто вроде регу-

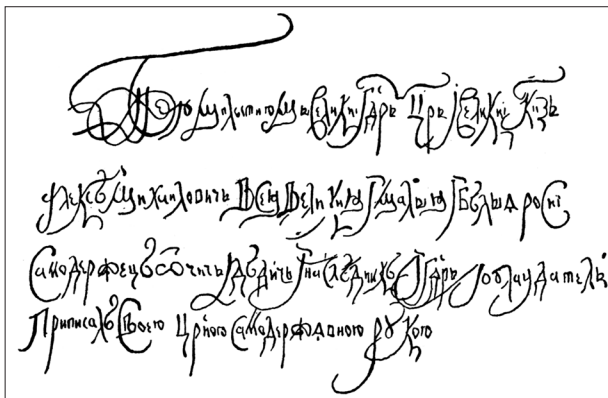
² Панченко А. М. История и вечность в системе культурных ценностей // Панченко А. М. О Русской истории и культуре. СПб., 2000. С. 76.

³ Данилов С. С. Церковный театр. // Данилов С. С. Очерки по истории русского драматического театра М. Л., 1948. С. 48.

⁴ Зарин А. Е. Царские развлечения и забавы за триста лет. Л., 1991.

⁵ Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович. // Три века. Россия от смуты до нашего времени М., 1991. С. 110.

лярных концертов военного оркестра. Но главным нововведением царя становится театр, к которому он относится очень серьезно. Для театра была устроена комедийная хоромина, небольшая, но богато убранная. Она располагалась в селе Преображенском, на государственном дворе. Царь смотрел театральное

Подпись Алексея Михайловича

представление «целых десять часов, не вставая с места». Умилительно отзывается об игре актеров и спектакле: «Дивно, дивно». Театр в чем-то напоминает ему богослужение: немецкий пастор Грегори, режиссер и устроитель спектаклей, останавливает репертуарный выбор на библейских сюжетах, (это было некоторое оправдание зарождающемуся светскому театру — в мире домостроевских строгостей).

В то же время с подмостков театра Алексея Михайловича звучат отдельные мотивы итальянских сонетов, пасторалей, отголоски чувственной поэзии Ренессанса, страстные объяснения Олоферна в своей любви к Юдифи... По указанию царя, все пьесы должны были ставиться на русском языке, дабы «всякому понятно было». На святой пасхальной неделе Грегори и его труппа (немецкие актеры) были допущены к руке царской — милость особая, исключительная. Актерам не было отдыха от постоянных приглашений. Тут же царь позаботился о том, чтобы «нашего государства люди то ремесло переняли».

Алексей Михайлович никогда не расставался со спектаклями. Так, летний театр действовал в селе Преображенском. Зимний — в Кремле. Царь вменял придворному штату на спектаклях бывать неукоснительно — под угрозой навлечь на себя царский гнев. Он смотрел представление, сидя в кресле перед сценой на особом царском месте, выдвинутом вперед и разукрашенном. Придворные размещались на скамьях, шедших амфитеатром, частью на самой сцене. Царица и ее дети пряталась за решетку особой логи и наблюдали за действием сквозь щели, оставаясь невидимыми для остальных зрителей. Царь позволил себе смотреть даже балет «Орфей», узнав, что другие монархии веселят себя танцами. В состав новых потех входили также фокусничество и балансерство⁶.

Алексей Михайлович был не только страстный театрал, но оригинальный древнерусский писатель. В особых палатах в его дворце жили так называемые «верховые нищие». Он слушал их былины и сказки.

⁶ *Рождественский С. Е.* Отечественная история в связи со всеобщей (средней и новой). М., 1997. С. 270.

*Царь Алексей Михайлович
и новгородский архиепископ
Никон у гроба чудотворца
Филиппа митрополита Московского*

нием⁷. Во время морового поветрия 1654-55 года, уезжая от своей семьи, царь, беспокоясь, требует в письме к сестрам: «Да для Христа, государыни мои, оберегайтесь от заморнова, от всякой вещи. Не презирайте прошения нашего». Он прощает беглецов, оставивших поле боя (их слабость он готов объяснить «грехом» человеческим). И раздражается безудержным гневом на казначея монастыря св. преподобного Саввы Сторожевского, Никиту, который счел за бесчестье, что царские стрельцы расположились рядом с его кельей. Никита посохом «зашиб» стрелецкого десятника, а стрелецкие зипуны, оружия и седла велел вынести вон из монастырского двора. Отчего гневается царь? Монах царского не уважил, царских слуг выставил. Письмо Алексея Михайловича казначею — образец художественной, «благочестивой» древнерусской брани: «От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Руси, врагу Божию и богоненавистцу, и хриstopродавцу и разорителю чудотворцова дома, врагу проклятому, ненадобному шпыню и злому пронырливому злодею, казначею Никите. Кто тебя, сиротину, спрашивал над домом чудотворцевым, да и надо мною, грешным,

Быть может, ими вдохновлялся на собственные сочинения. Он писал всем и всегда, и по разным поводам. Ловчому, стольнику, боярину, патриарху. Ему было легче написать, чем высказать просьбу устно. Царь пишет просто, без обычной для тех времен риторики. Он жадно впитывает в себя впечатления окружающей действительности. Его занимает и волнует все. Политика, садоводство, буйство пьяного монаха в его любимом монастыре. Для него все важно, он пристрасно разбирается в любой случайности. О поражении своих войск и о монастырской драке он пишет с равным одушевлением и внима-

⁷ Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович. // Три века. Россия от смуты до нашего времени. М., 1991. С. 105.

властвовать? Кто тебе сию власть мимо архимандрита дал, что тебе без его ведома стрельцов и мужиков моих михайловских бить? Дороги ль мы пред Богом с тобою, и дороги ль наши высокосердечные мысли, доколе отвращаемся, доколе не всею душою и не всем сердцем заповеди творим?»

Отругав, царь быстро прощал. Вообще любил писать нечто утешительное. Сохранилось трогательное цареве послание военачальнику А. Л. Ордину-Нащекину, многолетнему главе Посольского приказа, у которого единственный сын Воин, воспитанный в западном духе, эмигрировал в Польшу. А. Л. Ордин-Нащекин законно побаивался, что царский гнев падет на его голову (почему сына просмотрел?), а потому в страхе просил царя об отставке. В ответ было отписано царское послание, полное участия и доверия, в котором Тишайший в пылу великодушия чуть было не оправдал поступок беглеца: «Он человек молодой. Хочет создания Владычня и творения рук Его видеть на сем свете, яко же и птица летает семо и овамо и, полетав довольно, паки ко гнезду своему прилетает: так и сын ваш вспоманет гнездо свое телесное, наипаче же душевное привязание от Святого Духа во святой купели, и к вам вскоре возвратится»⁸. Однако, такое духовное «понимание» ситуации не помешало царю посадить Воина на некоторое время «под начал» в Кирилло-Белозерский монастырь, как только тот возвратился в Россию; правда, потом, через пару лет, и выпустить. Один немец писал о царе: «Это такой царь, какого желали бы иметь у себя все христианские народы!» А Русь такого царя лицеизрела.

Тишайший писал не только эпистолярную прозу. Он пробовал сочинять даже вирши. Так, князю Г.Г. Ромодановскому писал повеление в стихотворном духе:

*Рабе Божий! Дерзай о имени Божи
Уповай всем сердцем: подаст Бог победу!*⁹

Детская в доме бояр Романовых

⁸ Изборник. Библиотека всемирной литературы. М., 1969. С. 574.

⁹ Платонов С. Ф. Царь Алексей Михайлович // Три века. Россия от смуты до нашего времени. М., 1991. С. 105.

Боярская свадьба

Алексею Михайловичу принадлежит адресованная патриарху Никону записка о последних часах патриарха Иосифа, «Послание на Соловки», «Сказание об Успении Богородицы», «Статейный список о перенесении мощей патриарха Иова». Царь хорошо знал церковные жанры, свободно владел каноническими формами, но, уважая догматику, допускал личные прибавления, как говорится, от сердца... Так, в «Послании на Соловки», слове, обращенном к мощам митрополита Филиппа, царь молил убиенного «разрешити (простить — М.Д.) согрешения прадеда нашего». Хотя кровного родства между Тишайшим и Грозным не было — Иоанн Васильевич был мужем двоюродной бабки Тишайшего; это было упомянуто для придания «легитимного блеска». Тишайший «преклонял свой сан» перед Церковью¹⁰, публично приносил ей повинную за свой род, подчеркивал главную добродетель христианина — милосердие: «Да пришед, простиши, иже ты оскорби понапрасну...»¹¹

Любимой поговоркой царя была: «делу время — потехе час». И вот этот-то час потехи царь также обустроивал с некой эстетической торжественностью. Кроме театра и литературы, заветной его страстью была охота — вначале на медведя, потом соколиная. Отличиться на охоте храбростью и удалью почиталось тогда за подвиг — это был некий смотр воинских сил в мирное время. На медведя царь нередко выходил один — с рогатиной (так лихо отправляться на охоту будет потом и его пра-пра-правнук — Александр Второй).

¹⁰ Панченко А. М. О Русской истории и культуре // Бунташный век. СПб., 2000. С. 37.

¹¹ Лобакова И. А. Алексей Михайлович // Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 14.

Однажды огромный разъяренный зверь чуть было не разорвал Алексея Михайловича. Но вдруг медведь упал, сраженный чьим-то ударом. Царь увидал перед собой старца с окровавленным топором. На вопрос, как звать незнакомца, старик ответил — «Савва». А в 1652 году произошло открытие нетленных мощей святого Саввы, и Алексей Михайлович узнал в его нетленном лице своего избавителя (!). После описанного случая царь оставил охоту на медведя и увлекся — птичьей — небесной — соколиной охотой.

Во время охоты царь забывал все горести. Называл себя «охотником достоверным», то есть «истым» знатоком всех птичьих повадок. Соколиная охота была для него делом поэтическим, позволяла ему долго смотреть в небо, пока голова не закружится. Он участвовал в написании художественного «устава» об этой охоте, назвав его «Урядник Сокольниковицкаго пути».

«Зело потеха сия полевая утешает сердца печальные и забавляет веселием радостным, и веселит охотников сия птичья добыча... Будите, охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехой и угодно и весело, да не одолевают вас кручины и печали всякия»,¹² — призывал Устав радоваться миру и жизни. — «Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте нелениво и безскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу. О, славные мои советники и достоверные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитесь, утешайтесь и наслаждайтесь сердцами своими. Добрым и веселым сим утешением и в предыдущие лета!»

В эпоху Алексея Михайловича средневековая культура еще довольно мягко, без кривизны, направлялась в сторону светскости и обмирщения, хотя на время Тишайшего пришлось колоссальные религиозные и политические разломы (церковный раскол, суд над патриархом Никоном, восстание Разина). Усилилось иностранное влияние, в Москве — европейцы «насеяли целую слободу и имели там свои божницы»¹³. И все же его время дошло до нас, прежде всего, в современном облике Московского Кремля и Нового Иерусалима, в храмах и палатах Ярославля, Ростова, Великого Устюга, Нижнего Новгорода, Костромы, Казани, Валдая, в издании первых печатных учебников по истории (И. Гизель «Синописис»), оживлении светской литературы.

У Алексея Михайловича не было той страстной энергии, которой была отмечена деятельность его сына — Петра Первого. Однако он обладал неоценимым качеством — личным примером учил современников «с духовным рассуждением» ориентироваться в потоке западных влияний, нахлынувших в русскую жизнь. Он был царем-художником, монархом с поэтическим воображением. Эта любовь к искусству и художественному творчеству станет семейной чертой Романовых.

¹² Литература Древней Руси. Биобиблиографический словарь. М., 1996. С. 14.

¹³ *Рождественский С. Е.* Отечественная история в связи со всеобщей. М., 1997. С. 268.

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Юридический адрес:
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(911) 180-45-51
8(921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)
8(812) 960-87-09 (Наталья Валентиновна Антонова) —
покупка, распространение, реклама

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 01.03.2009 г. Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ .

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.